

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КАЗАХСКОЙ ССР

КАЗАХСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. С. М. КИРОВА

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КАЗАХСТАНА

АЛМА-АТА, 1980

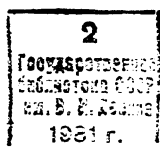
Посвящается III съезду общества охраны истории культуры Казахской ССР.

Тематический сборник «История материальной культуры Казахстана» издается по тематическому плану Минвуза Казахской ССР на 1980 г.

В сборник включены статьи, обобщающие опыт научных исследований, проведенных во время раскопок городищ Актобе, Отрар, Тараз и других памятников, находящихся на территории Казахстана.

Редакционная коллегия:

Шалекенов У. Х. (науч. редактор), Кенжебаев С. М. (зам. науч. редактора), Ассонова А. Ф. (ответ. секретарь), Баженова Е. А., Галиев В. З., Курманбаев А. С., Мозгунова Е. А., Аспидова Н. Н., Смирнова Р. Ф., Турганбаев М. Т.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ТАРХАННЫХ ГРАМОТ И ПЕЙЗЕ

Из памятников средневековой сфрагистики большое внимание заслуживают так называемые пайзе, — металлические плитки или таблички с вырезанными на них надписями и изображениями. В древности, когда еще не было письменных указов, пайзе служило символом власти и выражало собою повеление владетельных лиц.

Пайзе, как символ власти, могло возникать только в условиях классового общества и всегда выражало интересы господствующей верхушки — сначала племенных вождей, затем рабовладельческой верхушки и феодальных ханов. В этом значении мы видим его в истории древних гуннов орхонского каганата и в истории разных ханств периода монгольского завоевания. Возникнув еще в глубокой древности, пайзе на своем пути претерпевало ряд эволюций и приспособлений к тому или иному социальному строю. Первоначально на нем не было никаких надписей, кроме изображений сословных знаков племенных вождей¹ или символических изображений зверей, хищных птиц, дракона, выражавших силу власти. Его носили гонцы и глашатаи, обнародовавшие приказание родовых кланов. Функция пайзе в то время еще глубоко была связана с традициями устного оповещения.

Об употреблении пайзе как знака власти, еще до введения письменных указов, имеется целый ряд литературных указаний, в частности у историка Мэн-Хуна². Но пайзе всегда дополнялось словесной формулой, изустно передаваемой гонцами и глашатаями (ярчи). Они употреблялись при вызове вассальных князей ко двору, при сборе войск, налогов, дани, при срочном исполнении разных служебных заданий. Во всех этих случаях пайзе выражало силу власти, и исполнение приказаний гонцов, глашатаев и других административно-должностных лиц, носивших пайзе, было безоговорочно. О значении символического знака власти (пайзе) в китайской хронике сказано: у ухуанцев «если старейшине нужно призвать кого-то, для верности употребляют вырезанный деревянный жребок; и хотя нет букв на нем, со всем тем никто в общине не смеет ослушаться»³. Припомним, что для свидетельства личности родовых старейшин в древности служили их шапка, пояс, или какие-либо другие их личные предметы, которые носили гонцы. У гуннов (III в. до н. э.) эти познательные вещи племенного вождя заменены особого рода знаком, носившим название «пайзе», от китайского Пайцзы.

Проф. Позднеев полагает, что пайзе существовало далеко до периода монголов. При этом он замечает, что приказы монгольских ханов об-

народовались точно также, как и в глубокой древности — словесно, через особых глашатаев»⁴.

По исследованию Паркера, вырезанные таблетки на дереве были употребляемы и в тюркском каганате (VI—VIII). Он пишет: «Каганы, собирая войска и кавалерию или собирая налоги скотом и тому подобным, всегда вырезывали требуемое количество на деревянной палочке, при этом прилагая к ней стрелу с золотой провололочкой, запечатанной воском в знак неподдельности»⁵.

Это один из немногих примеров, подтверждающих происхождение металлического пайзе из бирок⁶. Следует отметить, что деревянная палочка с орхонской надписью, напоминающая бирку, была найдена в верховьях р. Таласа и расшифрована профессором С. Е. Маловым⁷.

В настоящее время эта палочка хранится в республиканском музее Казахской ССР (Алма-Ата).

По данным древних источников, начало употребления служебных знаков (пайзе) восходит к эпохе гуннов. Знаком власти для них служила вертикальная продолговатая плитка из красного нефрита, длиной 90 см и шириной 20 см. На обоих концах ее приделаны отверстия для шнурков. Гунны и усунь пользовались еще «Золотой печатью с желтыми шнурками»⁸. «Шанью — говорится в китайской летописи⁹ — в первый день первой луны представлен был сыну неба в загородном дворце Ган-Цзюан, и принят отличным образом. Он занял место выше всех князей. Возглашали его вассалом, но не именем. После сего государь пожаловал ему шляпу, пояс, золотую печать с желтыми шнурками, меч, лук и четыре выпуска стрел»¹⁰.

В китайских летописях особо отмечается так называемая «железная грамота», которую получали главы кочевых племен. Традиция этих знаков власти в несколько измененном виде переходит сначала к орхонскому каганату, затем феодальным ханам раннего средневековья.

Широкое распространение пайзе получило особенно в государстве монголов и Золотой Орды. Служило им орудием эксплуатации народных масс.

У монголов пайзе были двух типов: во-первых, «таблетки» полномочий, удостоверяющие лицо ханского гонца и посланника и служившие им «открытым листом», по которому они имели право получать ямских лошадей и провизию в провинциях, где они разъезжали по заданию хана. Во-вторых, знаки достоинства, которые были жалованы военно-административной феодальной верхушке за оказанные монголам услуги. Знаки достоинства (пайзе) получали только крупные феодалы, беки, пояны¹¹, затем вассальные князья в завоеванных странах. Для вассальных князей пайзе вместе с тарханной грамотой (ярлык) служили охранным видом, оберегающим их состояние и собственность. Знаки достоинства и дощечки полномочий, за исключением только круглых пайз, были сходны по типу. Тот и другой вид документов представлял собой массивные металлические пластины, сделанные из золота, серебра или меди. Пайзе были деревянные, костяные, нефритовые и чугунные. Гонцы, глашатаи и посланники хана, носившие таблетки полномочий, имели экстраординарное право действовать от имени феодальных ханов. Эти таблетки гарантировали им быстрое передвижение по провинциям и безоговорочное исполнение их приказаний. Таблетка полномочий (пайзе) выражала собой силу власти, и народ, увидя ее при ханском гонце, буквально трепетал. «Кто имел пайзу, — говорится в Монгольской летописи, — тому повиновались монголы без всяких слов, лишь только замечали пайзу, а китайцы, пере-

возчики на Хуан-Хэ, старались выказывать большую расторопность и усердие»¹².

Для особо срочных и важных дел употреблялся так называемый «Шункар-пайз» — круглое пайзе с изображением кречета, дававшее ханским гонцам и посланникам чрезвычайное право получать ямских лошадей и продовольствие. «Посланец, получивший от двора указ, — повестуется в китайской официальной истории монгольской династии «Юань Ши», — касающийся важного дела военного характера, привешивает для предъявления на станциях круглую дощечку с золотыми буквами»¹³. А когда «князья ханской фамилии, сыновья хана в спешном деле военного характера посылают гонца, последний для предъявления на станциях привешивает круглую дощечку с серебряными буквами»¹⁴.

Таблетка полномочий или подорожное свидетельство (пайзе) широко применено монголами с 30-х годов XIII столетия, когда была организована ямская служба и открыты почтовые станции. Об установлении порядка выдачи таблеток полномочий и подорожных свидетельств в Китайской истории говорится, что установлено давать подорожные свидетельства (пайзе) для получения ямских лошадей «с разбивкой по достоинствам. С сего времени пресекались все злоупотребления по ямской гоньбе»¹⁵. «Юань-Ши» свидетельствует, что «в 1232 году Угедай издал указ чиновникам, почтарям и другим лицам обязательно представить ямских лошадей только предъявителям дощечек или именных свидетельств»¹⁶. По тому же указу число этих круглых пайз было ограничено, там говорится: в других незначительных делах надлежит употреблять только «великие повеления»¹⁷.

Под великим повелением здесь имеется в виду словесная формула, взятая из надписей пайзе, которую выучивают наизусть глашатаи и гонцы и она гласит: «Кто не будет почитать ханского повеления, тот будет казнен».

Из этой формулы видно, какое страшное последствие ожидало народные массы при нарушении этого правила.

Как было уже отмечено, пайзе по форме бывают разные — продолговатые и круглые. Продолговатые пайзе имеют в длину около 20 см и в ширину 6—8 см. В обоих концах каждого из пайз приделано по одному отверстию с ободками для ношения. Не только содержание, но и форма этих пайз сугубо соответствовали идеологическим принципам властелина. На одном из пайз изображен тигр, на других головы льва, солнце, луна и пр.¹⁸.

По указаниям литературных источников, на круглом пайзе имелось изображение кречета¹⁹. Надписи на продолговатых пайзах либо вырезаны, либо отлиты, а надписи серебряных букв на круглом пайзе инкрустированы путем ювелирной чеканки.

Пайзе изготовлялись различно по форме потому, что как выше указано, они предназначались для разных целей. Продолговатые пайзе — это стандартный вид знаков достоинства, жалуемых феодальным князьям, как знаки, отличающие их высокое общественное положение. Для представителей господствующего феодального класса продолговатое пайзе вместе с ярлыком и алой тамгой (т. е. иммунитетная грамота, снабженная квадратной печатью) служила тарханским паспортом, охраняющим их правовое и имущественное состояние, и по которым они освобождались от повинности и стали свободными тарханами. В Золотой Орде пайзе обычно прилагались к тарханной (иммунитетной) грамоте (ярлык), которое усиливало ее значение и в любой иммунитетной грамоте

можно встретить трафаретную формулу «мы дали есмя ярлык с алой тамгой да пайзе».

Имунитетные грамоты (ярлыки) с пайзе жаловались не только феодальным князьям (тарханам) внутри улуса, но и феодальной верхушке (вассалам) в завоеванных странах, оказавшей монгольским завоевателям услуги и покорность. Они были жалованы небезызвестному армянскому царю Гетуму и его брату Сембату. Армянский хронограф сообщает, что «дали ему (Сембату) золотую пайзу... это было знаком высшего у них почета. Написали ему ярлык, то что мы называем — сигел»²⁰.

Кроме того, имя Сембата, получившего пайзе, «было вычеркнуто из всех дафтаров», т. е. освобожден от дани.

В том же сочинении говорится, что «Тер Степан отправился к великому властителю Аргуну, который написал ему ярлык, в котором утвердил за ним власть за всеми церковными владениями и пожаловав ему пайзе, отправил его во свояси»²¹. О пожаловании пайзе армянским феодалам сообщает и другой хронограф Магакня. Он пишет: «Стефан Орбелян, митрополит княжеского происхождения, имел много родственников, занимавших высокое положение в ханских войсках. Кроме того, он не раз бывал в Орде и получал пайзы»²².

Монгольские ханы с целью упрочения своей власти в завоеванных странах, с особым усердием поощряли систему пожалования инвеституры, скрепленной пайзе. Это чаще применялось во время их завоевательных походов. Рашид Еддин пишет: «Атабек Нахичевана Хамуш явился с изъявлением покорности; ему дали деревянную пайзу и алую тамгу»²³. Известный историк Джувейни сообщает, что Серахский кази Шемседдин в свое время сдал Джебе-нояну город Серах и снабдил его продовольствием (тузгу), стал меликом и правителем Сераха и получил от него деревянную пайзу»²⁴.

Монгольские ханы ввели в употребление пайзе с разными достоинствами и раздавали их феодальным князьям по иерархической лестнице, учитывая общественное положение, ранг и степень тех или иных феодалов. Наиболее крупным феодалам, имеющим большой общественный вес (беки, нояны, или вассальные князья) они жаловали золотые пайзе, средней категории — серебряные и нижней — деревянные. По данным Марко Поло, «командующий сотысячным войском имел дщицу золотую, весом в 400 сайес»²⁵; на ней золотые надписи и сверху изображен лев, солнце, и луна»²⁶. Марко Поло пишет: «сотников, кто отличался, он (Кублей) сделал тысячником, одарил их серебряной посудой, раздал им господские дщицы (т. е. пайзе). У сотника дщица серебряная, а у тысячника золотая или серебряная вызолоченная»: «у того, кто над десятию тысячами поставлен, она золотая с львиной головой».

Феодалы (беки и нояны), носившие золотые пайзе в 400 сайес, пользовались особыми привилегиями и для них оно служило не только видом имунитетных грамот, но представляло им неограниченную власть, по которому они чинили самоуправство над мирным населением и жестоко эксплуатировали народные массы.

Золотые пайзе с изображением льва, солнца и луны, о которых говорит Марко Поло, давались, очевидно, в очень ограниченных случаях, высшей знати, имеющей родственные связи с правящей династией. Образцы такого рода пайзе еще не обнаружены.

По «Юань-Ши» существовал тип пайзе с изображением на нем тигра. Его жаловали, видимо, только воинам. В «Юань-Ши» говорится, что кроме высшего военачальника «тигровую дощечку, как знак отличия, по-

сили также и среднена начальствующий состав, а младший состав имел только золотые или серебряные дощечки без изображения тигра.

Помимо иммунитетных пайзе из благородного металла, в 1277 году была введено пайзе в виде круглого зеркала с изображением кречета. Это Пайзе, сделанное из чугуна или стали, служило, как было отмечено, дорожным свидетельством и предназначалось для служебных целей²⁸. Его вручали только гонцам и военным курьерам, сборщикам ясака или для срочного извещения о войне. Поэтому оно выпущено в очень ограниченном количестве. «Юань-Ши» дает некоторую цифру об этой дощечке и говорит, что «в 1313 году (т. е. спустя сорок лет после его введения) к прежним 300 дощечкам прибавлено было новых 30»²⁹.

То же сочинение сообщает, что «в 1311 году был издан указ чтобы посланцам с этого года не давать круглую дощечку с позолоченными буквами, за исключением военных дел»³⁰.

Это распоряжение вызвано тем, что носители круглых пайзе (ханские посланцы) во время сбора ясака и подбора ямских лошадей чинили насилие и самоуправство над мирным населением, приведшее их к восстаниям. Еще ученый Банзерев заметил, что инспектора (ханские ясачники), снабженные такими дощечками, имели право брать по своему усмотрению лошадей где угодно, даже из табуна подвластных им правителей³¹. При этом вспомним, что ханские ясачники сопровождались целой армией баскаков, которые буквально разоряли мирное население. Марко Поло говорит, что монгольский «хан дает некоторым из своих дворян таблички, на которых изображены кречеты, и дающие им право брать с собой в виде почетной стражи целую армию какого-нибудь принца, употреблять лошадей»³². В другом месте сказано: «некоторым великий хан дает щипцу с крестом, даст ее только большим князьям, чтобы была у них та же власть, как у верховного военачальника»³³. Иначе говоря, круглым пайзе с изображением кречета пользовались не только военные курьеры, разведчики, ясачники по сбору дани, но и высокопоставленные беки, которые пользовались ими как во время своей служебной поездки, так и при частных разъездах. Причем известно, что во время поездки каких-нибудь главных беков их сопровождала целая свита, и вся тяжесть их частых поездок непременно ложились на шею трудового народа.

Любопытны условия средств сообщения в степных областях, описанные Марко Поло. Из его рассказов видно, что средство сообщения в XIII веке было почти такое же, которое существовало в дореволюционном Казахстане до позднего периода. Он говорит: «в местах пустынных, где нет ни жилья, ни постоянных дворов и там великий хан гонцов приказал устроить станции, как на других станциях, и коней и сбрую»³⁴.

И «через каждые три мили есть поселки домов в сорок, живут тут и пешие гонцы хана, и исполняют они службу вот как: бегут они вскачь и не более трех миль, а через три мили стоит смена; по колоколам издали слышно, что гонец идет, и к нему уже готовится, придет он, от него отбирается, что он принес, а от писца лоскуток бумаги, и новый гонец пускается вскачь...

Через этих пеших гонцов в одни сутки получает вести из-за десяти дней пути»³⁵.

Под «пешими гонцами» здесь подразумеваются земледельцы, не имеющие коней, которые проживали в оазисах оседло, устроив «поселки в сорок домов». Эти оседлые поселенцы служили связывающими звеньями между крупными городскими поселениями. Ханы использовали их для связи.

Однако основным средством передвижения в тот период была ямская гоньба. Слово «ям» очевидно происходит от «Iem» или джем-корм, фураж, овес»³⁶. Ямская гоньба, установленная в XIII в., существовала в Средней Азии и Казахстане до позднего средневековья. О верховой ямской службе, являвшейся характерной для степных областей, интересные данные можно видеть у того же Марко Поло. «Когда нужно поскорее доложить хану о какой возмущившейся стране или о каком князе, или о чем важном деле для хана, — пишет Марко Поло — верховые гонцы скачут по 200 миль в день, а иногда по 250 миль. Когда гонцу нужно ухать скоро, для этого дается ему дщица с кречетом. Гонцы перевязывают себе животных, обвязывают головы и пускаются сколько есть мочи... скачут они со сменами лошадей»³⁷.

Подорожные пайзе, которые носили официальные лица, по исполнении служебных заданий непременно возвращались в ханскую канцелярию, откуда были выданы. Эту строгость они ввели из боязни со стороны беков и ноянов, т. е. служилых представителей знати, которые, будучи снабженными знаками полномочия, иногда, выйдя из подчинения хану, отколовшись от него, в то же время действовали, пользуясь пайзе для укрепления своей власти от имени хана «всех отправлявшихся по получению приказа в качестве посланца», говорится в «Юань-Ши» — по возвращении же скрывших данные им почтовые свидетельства или дощечки, а равно тех, которые долгое время не представляли полученные им предметы дани, определено было наказывать 67 палочными ударами»³⁸.

Злоупотребление подорожными свидетельствами усиливалось особенно во время смуты. В китайской летописи говорится: «Когда в Орде произошел разлад между сыновьями Угедая и Тулуй, Мункехан произвел ревизию среди сановников империи: ярлыки и печати, которые князьям и вельможам без разбора были выданы, приказал все отобрать»³⁹.

Таким образом, круглое пайзе с изображением кречета употреблялось как ямское свидетельство, или таблетка полномочия, которая дала неограниченное право его носителю при разъезде на территориях, подвластных хану. Его часто привешивали при срочном и экстренном исполнении заданий хана.

Привешивание подорожных пайзе ускоряло транспортное сообщение ханского уполномоченного и по нему узнавали о приказании хана об исполнении какого-либо мероприятия.

Кроме описанных ямских таблеток (пайзе), как утверждает Рубрук, ханские послы имели особую золотую буллу (дощечку), вручаемую им перед их отправлением в чужие страны. Отправляя своего посла, — пишет Рубрук, — «Мангу дал Моалу буллу, т. е. золотую дощечку, шириною в ладонь и длиной в поллоктя, на которой пишется его приказ. Кто ее имеет в руках, тот может приказывать, что хочет, и это делается без замедления»⁴⁰. Здесь, очевидно, имеется в виду золотое пайзе, имеющее вес в 300 или 400 сайес по Марко Поло.

Характерно, что Рубрук также подтверждает произвол и бесчинство, которое совершали посланники хана, имея при себе знак власти (пайзе).

Посольские пайзе также не должны были оставаться в чужих руках, их возвращали даже иноземные правители. Рубрук, описывая свой обратный путь от Каракорума в Византию, пишет: «С посланцами Мангу хана приключился там (в Византии — М. А.) недуг, и он умер там. Император Васацкий же отослал золотую буллу к Мангу хану через служителей этого Моала, с которыми я встретился в Арзеруме»⁴¹.

Рубрук отмечает существование пайзе из слоновой кости, которые носили представители народов Центральной Азии, с которыми они являлись на аудиенцию к хану. «Главный посол их, — пишет Рубрук, — всегда, когда приходили ко двору, имел дощечку из слоновой кости, длиной в локоть, а шириной в ладонь, очень гладкую»⁴². По его разумению шлифовать кости и вырезать на них надписи и орнамент было гораздо проще, чем изготавливать металлические пайзе.

Пайзе по своей социальной функции отражали интересы и идеологию господствующего класса, они выпускались разными достоинствами и для разных целей и отражали разные общественные черты.

Прежде всего это охранный грамота. Она жаловалась представителям привилегированного класса, по которой владелец грамоты освобождался от повинности, оберегалось его имущество и юридическое положение от посягательства со стороны сборщиков налогов. Это был тарханский паспорт (иммунитетная грамота), по которому предусмотрена территориальная и имущественная неприкосновенность его владельцев. Пайзе служило спутником тарханной грамоты и усиливало ее значение, в то же время удостоверяя ее подлинность. Такие пайзе вместе с тарханским ярлыком получали в XIII и XIV вв. все вассальные князья и духовенство, подвластные монголам.

Пайзе как знаки отличия были жалованы представителям высшей военной верхушки, которым отмечалось их высокое привилегированное положение, их административно-служебная функция. Беки и нояны, получившие золотые пайзе, стали удельными князьями и носили имя «тархан», т. е., «освобожденный», «неприкосновенный». Золотые или серебряные пайзе представляли тарханам право пользоваться обособленными земельными участками, как своей вотчиной, со всем ее населением лишь формально подчиняясь суверенной власти хана.

Это был тот привилегированный класс, которому тарханство пошло в наследство.

Другой вид пайзе служил дорожным или ямским свидетельством, по которому ханские посланцы, сборщики ясака, гонцы военные курьеры и другие должностные лица могли получать ямских лошадей и провизию бесплатно во время разъезда их по разным провинциям и областям, подчиненным ханам. По этому свидетельству ханские посланцы имели неограниченное право сделать те или иные распоряжения, часто переходившие в произвол. Особыми золотыми пайзе были снабжены послы, отправлявшиеся в другие страны.

Ямскими свидетельствами пользовались также известные путешественники Марко Поло, Плано Карпини и Рубрук⁴³, во время их путешествий по Средней Азии и Казахстану.

О том, как были выданы пайзе братьям Поло, Марко Поло пишет следующее: «Знайте, дал трем послам великого Хана Николло, Маффео и Марко, четыре золотые дощечки с приказами. На двух было по кречету, на одной лев, а одна была простая. Написано было там их письмом, чтобы всюду давали бы лошадей, продовольствие и провожатых»⁴⁴.

Ямскими свидетельствами пользовались и лекари, придворные певцы и члены ханской семьи и его родные. «Хан-Куюк, — повествует китайская летопись, — указал отокци (т. е. хирургу)⁴⁵ носить на поясу золотую двойную печать, и дозволил ему пользоваться (лечить) болезни в народе»⁴⁶.

Для экстренной службы употреблялось круглое пайзе с изображением кречета, дающее быстроту и стремительность передвижения, про-

ворство в исполнении какого-либо экстренного задания хана. Оно названо «Шункар пайз» — «кречетово пайзе». Лица, снабженные этим пайзе, имели чрезвычайное полномочие и право без замедления получить ямских лошадей, и ими были обычно снабжены военные курьеры и гонцы (ярчи) в особо срочных делах, а также сборщики ясака.

Круглое пайзе по форме более древнее, чем продолговатое (см. ниже). Оно снабжалось уйгурской надписью и впервые было найдено в Марийском районе Красноярского края, фотокопия которого вместе с комментариями профессора Позднеева помещена в его «Лекциях по истории монгольской литературы»⁴⁷.

Круглое пайзе отличается от продолговатого дисковидной формой с навершенем. В его составе присутствуют разные металлы серебро, медь, свинец и железо, поэтому оно условно называется — «чугунным пайзе»⁴⁸. Оно имеет дисковидную форму с шейкой треугольной формы, которая в своей верхней части завершена петелькой (дужки) для привешивания (рис. 1). Надписи серебряных знаков состоят из пяти строк, выполненные способом ювелирной техники.

Фотографии монгольских и золотоордынских пайзе опубликовывались проф. А. М. Позднеевым, А. Спицыным и Ф. Лихачевым⁴⁹. Эти памятники стали известными с середины XIX века, хотя их существование было известно по указаниям литературных источников.

Серебряное пайзе⁵⁰, открытое в 1846 году в Минусинском крае, поступило в Эрмитаж, где и хранится.

Пайзе продолговатой формы с двумя отверстиями на концах для привешивания. Оно сделано гладко без украшения с надписью, состоящей из двух стандартных строк, выполненных золотыми буквами. Из надписи видно, что минусинское пайзе изготовлено в 1255 году и относится ко времени правления Мунке хана (1250—1260). По переводу проф. А. М. Позднеева пайзе изготовлено для ямской службы от имени ханского «конюшенного приказа»⁵¹, имеет характерные надписи, говорящие о социально-политическом строе монголов XIII века. Интересна надпись на обратной стороне, предупреждающая держателя пайзе о том, что «передача другому лицу считается преступлением»⁵².

В 1853 году, в нынешнем Уланудинском районе Бурято-Монгольской АССР найдено другое серебряное пайзе, переданное также в Эрмитаж. Пайзе это, имеющее точно такую же продолговатую форму и такие же надписи, как минусинское пайзе, впервые описано Савельевым и Леонтьевским⁵³. В литературе оно известно под названием «Нюкское» или пайзе из «Нюкского клада», или еще «рупертовские пайзе», от имени генерала Руперта, управлявшего в середине XIX века Восточной Сибирью. Нюкское пайзе тоже гладкое без орнамента и без рисунка, имеет стандартные петельки для шнура.

Сравнительно большая коллекция пайзе сохранилась от эпохи Золотой Орды. Серебряное пайзе, изготовленное от имени золото-ордынского хана Абдуллы (1362—1369), найдено в 1848 году на Днепре и разобрано Д. Банзаровым⁵⁴. «Оно находилось в каком-то сооружении времени Кипчакской Орды, расположенном на берегу реки»⁵⁵.

Пайзе это имеет обычные трафаретные надписи из четырех строк, размещенных поровну двумя строками по обеим сторонам продолговатой плитки. Первые две строки посвящены возвеличению неба (тенгри), а другие две строки содержат упоминание имени хана и его повеление. Вся надпись читается в следующем виде:

Möngke tängring kыcyn dur
 Jekesu jalin orgegün dur
 Abdullam in jarlig kenyly
 Bäteixu kымyn aldaxu укуку
 Вечного неба силою
 Величием владыки духа и огня
 Абдуллино повеление
 Кто не исполнит (тот) человек
 будет казнен.

Эта трафаретная формула повторяется на всех пайзе совершенно без изменения, нарушением являются только имена отдельных ханов, выпускавших пайзе в разное время. Что касается внешнего оформления пайзе, то оно сделано довольно нарядно с тонкостью графического выполнения надписи и украшения кипчакского времени. Верхняя часть его, окаймляющая петельки, богато орнаментирована растительным узором и стилизованными изображениями хищников (тигр) с открытыми пастьми⁵⁶.

В надписи мы видим случаи синкретической формы соединения идеологии тенгри и ислама, долго боровшихся друг с другом на протяжении всего средневековья.

Другое серебряное пайзе выпаяно в 1890 г. в местности «татарское городище» в Астраханском крае⁵⁷; на нем рельефная надпись с именем кипчакского хана Тохты (1290—1312). Орнамент на ободках пайзе более древний, состоит из мотивов «бараньего рога», растительных узоров и восьмиконечной звезды, мотив, восходящий к древней космогонической идеологии кочевых скотоводов.

Пайзе куплено на «Нижегородской ярмарке», а потом доставлено в Московский Исторический Музей, где сейчас хранится. Это было пайзе, изготовленное от имени Узбек-хана (1312—1341) (рис. 6).

Особый интерес представляет серебряное с позолотой пайзе, открытое в 1967 году в замечательном кладе, обнаруженном близ Симферополя. Пайзе представляет стандартный тип дощечки продолговатой формы, с отверстием у одного конца для подвешивания ее к поясу. Пайзе весом 497,9 г сделано из серебра, имеет двустороннюю надпись такого же характера, как в пайзе Абдуллы и других. На декоративной стороне пайза, в верхней части, изображение солнца в виде круга, внутри которого вписана шестилепестковая розетка, символизирующая расходящиеся лучи. Вокруг изображения солнца фон обогащен рисунками из гирлянды роговых мотивов, сделанных кипчакскими мастерами. Такие же орнаменты хорошо отражены на пайзах ханов Тохты, Узбека и Абдуллы.

Кроме перечисленных пайзе в литературе имеются многочисленные упоминания о пожаловании золотых, серебряных или деревянных пайзе отдельным персонам — знати, купцам и воинам⁵⁸. Фотографии и рисунки пайзе время от времени помещались в трудах путешественников XVIII—XIX вв.

Много сведений о пайзе разбросано в сочинениях Витзена, Страленберга, Мессершмидта, Миллера и других, которые называют их «татарскими» или «монгольскими зеркалами»⁵⁹.

¹ Книпович Т. А. Таганс. 1949, с. 55, рис. 13.

² Леонтович. Ойратский устав взысканий. Одесса. 1879, с. 211.

³ Иакинф Н. Я. Собр. свед. 1, с. 152.

⁴ Позднесв А. М. Объяснение древн. монг. надписи. Записки Академии наук, т. 39, кн. 1, прил. № 3, с. 42.

- ⁵ Рачкеч Е. Н. *Thonsand Jears of the Cartars* London, 1895.
- ⁶ Позднеев А. М. Лекции по истории монгольской литературы, т. II, с. 144;
- ⁶ Позднеев А. М. Лекции по истории монгольской литературы, т. II, с. 144;
- ⁷ Малов С. Е. Таласские эпиграфические памятники. Л.-М., 1936, с. 28—38.
- ⁸ Иакинф Н. Я. Собр. сведений, ч. I, с. 132.
- ⁹ Шанью-китайское произношение «Танью» или «тенгри». Васильев указал «Чанью от Китайского Тянь-Цзы — сын неба». — См.: Васильев. «Вопросы и сомнения». Зап. Вост. отд., т. IV, 1889, с. 379.
- ¹⁰ Иакинф Н. Я. Собр. свед., ч. I, с. 74.
- ¹¹ См. Марко Поло. Путешествие. Пер. Минаева, 1902, с. 114—115.
- ¹² Жамцарано Ц. Современные монгольские пайзы. Зап. Вост. отд., т. XXII, вып. 1/2, 1914, с. 158.
- ¹³ См. Позднеев А. М. Лекции по истории монг. лит-ры. СПб, 1897, с. 157—158.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Иакинф Н. Я. История четырех ханов, с. 274.
- ¹⁶ Позднеев А. М. Указ. соч., с. 157.
- ¹⁷ Позднеев А. М. Указ. соч., с. 157—158.
- ¹⁸ Noort ooster gedeelte van Asie en Evropa. Yon. N. Witsens. Amsterdam, MDCCCY, с. 224.
- ¹⁹ Witsens. Noord-en Ost Tartarye, 1785, с. 750; Радлов В. В. Сибирские древности, т. II, вып. I, с. 128.
- ²⁰ Патканов К. П. История монголов по армянским источникам, вып. I, с. 38, 40.
- ²¹ Патканов К. П. Вып. I, с. 52.
- ²² Патканов К. П. История монголов пнока Магакки, XIII, СПб, 1871, с. 81; Марко Поло. (Под ред. Кунина), Л., 1940, с. 107.
- ²³ Тизенгаузен В. Г. Сборник II, с. 32, Ср. Джувейни, там же, с. 21.
- ²⁴ Материалы по Туркмении, I, с. 490.
- ²⁵ 400 сайес около 1,5 кг.
- ²⁶ Марко Поло. Путешествие. Пер. Минаева, 1902, с. 115, изд. 1940, с. 81—84; Иакинф. Собр. сведений I, с. 376.
- ²⁷ Марко Поло. Пер. Минаева, с. 115, изд. 1940, с. 81—84; Васильев В. Н. История и древности Средней Азии, с. 229.
- ²⁸ N. Witsens. Указ. соч., изд. 1785, с. 750.
- ²⁹ Позднеев А. М. Указ. соч., с. 160—167.
- ³⁰ Там же, с. 161.
- ³¹ Баназров Д. Пайзе или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов. Записки арх. нумиз. общ., т. II, 1850, с. 87, 89; Савельев «Жизнь и труды Банзарова» Зап. арх. общ., т. IX, с. 37.
- ³² Марко Поло. Пер. Минаева, 1940, с. 82.
- ³³ Там же, с. 115.
- ³⁴ Там же, с. 148.
- ³⁵ Сравните казахское «Узун-кулак» — длинное ухо; Марко Поло. Путешествие. Пер. Минаева, 1902, с. 148.
- ³⁶ Монгольское слово «дзям» — дорога.
- ³⁷ Марко Поло. Пер. Минаева, 1902, с. 149.
- ³⁸ Позднеев А. М. Лекции, с. 158.
- ³⁹ Иакинф Н. Я. История четырех ханов, с. 310.
- ⁴⁰ См.: Рубрук. Путешествие в восточные страны. Пер. Маленца, с. 124.
- ⁴¹ Там же, с. 125.
- ⁴² Там же, с. 110.
- ⁴³ Плано Карпини, с. 164—165.
- ⁴⁴ Марко Поло. Пер. Минаева, 1940, с. 15.
- ⁴⁵ Отокцы — китайская искаженная форма «отакчи» — хирург, от слова отамак — резать, делать операцию.
- ⁴⁶ Иакинф Н. Я. История четырех ханов, с. 312.
- ⁴⁷ Позднеев А. М. Лекции по истории монгольской литературы, П., с. 144.
- ⁴⁸ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л. 1950, рис. 23.
- ⁴⁹ Спицын А. Татарские байсы. Изд. Архсол. Комиссии, вып. 29, 1908, с. 130—141; Лихачев Ф. Басма золотоорд. ханов. М., 1916, с. 70—86.
- ⁵⁰ Григорьев В. В. Монгольская надпись, найд. в Сибири. ЖМВД, 1846, т. XVI.
- ⁵¹ Позднеев А. М. Китайская пайца, найденная в Минусинском округе, СПб, 1884, с. 7.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Савельев П. Описание пайзе, найд. в Нюкском селении Верхнеудинского

- округа. Труды Вост. отд. П, 1856, с. 161—165; его же. О жизни и трудах Д. Банзарова. Зап. Арх. общ. IX, 1857, с. 17.
- ⁵⁴ Банзаров Д. Пайзе или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов. Записи русского арх. общества, П, 1850, с. 72—97; Греков Б. и Якубовский А. Золотая Орда. М.-Л., 1950, рис. 22; Спицын А. Указ. работа. Изв. арх. комисси вып. 29, рис. 9—10.
- ⁵⁵ Банзаров Д. Указ. работа, с. 80.
- ⁵⁶ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда, рис. 22.
- ⁵⁷ Позднеев А. М. Лекции, П, с. 151—152; Спицын А. Цитир. работа, рис. 7 и 8.
- ⁵⁸ Патканов К., вып. I, с. 39, 52.
- ⁵⁹ Радлов В. В. Сибирские древности, П, вып. I, 1902, с. 56; Материалы для истории им. Акад. наук, П, с. 408.

У. Х. ШАЛЕКЕНОВ

АКТОБЕ — СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАМЯТНИК

Как известно, Чуйская долина — один из древних культурных центров Южного Казахстана, где с давних времен развивалось земледельческое хозяйство в сочетании со скотоводством. Оседло-земледельческое население Чуйской долины с незапамятных времен воздвигало города и поселения, дошедшие до нас в виде развалин, курганов, исследуя которые, мы можем воссоздать развитие материальной и духовной культуры народов, населявших в древности этот регион. Земледельцы, кочевники и полукочевники издавна жили бок о бок, создавая и развивая самобытную культуру казахского народа: жизненная необходимость заставляла их поддерживать взаимосвязь. «У всех восточных племен, — писал К. Маркс, можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части»¹. Эти слова К. Маркса применимы и к истории развития казахского народа до революции.

Большое количество археологических памятников Чуйской и Таласской долин включены в «Археологическую карту Казахстана»². Эти многочисленные памятники — остатки материальной культуры наших далеких предков, когда-то живших в благодатных долинах рек Чу и Таласа, где процветало орошаемое и богарное земледелие. Чуйская и Таласская долины сыграли такую же роль в истории культуры Казахстана, какую Сырдарья — на юге республики. Об этом красноречиво говорят крупные многочисленные средневековые города, возникшие в долинах Чу и Таласа. Среди них особо выделяются: Акбешим, Бурана, Шиштобе, Краснореченское, Ашпара, Актобе, Мерке, Кулан, Тараз и многие другие, являвшиеся политическими, хозяйственными и культурными центрами в Чуйской и Таласской долинах. Из всех средневековых городов мы остановимся только на Актобе.

Актобе является остатком большого раннесредневекового города, расположенного на современной территории колхоза им. Калинина Чуйского района Джамбулской области Казахской ССР. Городище Актобе, включенное в «Археологическую карту Казахстана»³, только в 1947 г. стало объектом внимания археолога Г. И. Пацевича, который приблизительно определил его возраст: VII—XIV вв.⁴ Через шесть лет,

в 1953 году, археолог Кожемяко П. Н. изучил городище Актобе в стратиграфическом и топографическом плане, заложив на вершине цитадели небольшой разведочный шурф на площади 4×2 м, доведенный до глубины 4,10 м. Шурф прорезал только слои IX—XII вв., состоявшие из глинистых завалов, заплылов и небольших золистых пятен. В шурфе были обнаружены различные предметы: сырцовые кирпичи размерами $22 \times 20 \times 7$ см; три обожженных кирпича 32×18 ; 5×3 см; $22 \times 21 \times 3,7$ см. Последний метровый слой дал материалы, относящиеся к IX—X вв.⁵

Затем в 1968 г. в связи со строительством Аксуского водохранилища были частично разрушены верхние слои шахристана и рабада (благодаря вмешательству вышестоящих органов строительные работы приостановлены).

Планомерное археологическое изучение городища Актобе ведется только с 1974 года специалистами кафедры археологии и этнографии исторического факультета Казахского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени С. М. Кирова. Тогда же была организована университетская археологическая экспедиция (АЭУ) в составе начальника профессора У. Х. Шалекенова, доцента А. М. Оразбаева, ассистентов Н. О. Алдабергенова, Ф. П. Григорьева, М. Елеуова, А. С. Загороднего и ст. лаборанта Л. Ю. Малицкой. С этого времени ведутся археологические раскопки на Актобе при финансовой помощи Общества охраны памятников истории культуры Казахской ССР.

Актобе расположено в среднем и нижнем течении рек Аксу и Карабалты, впадающих в р. Чу. Это обширный и богатый в природно-экономическом отношении район. Городище занимает огромную площадь; сохранились остатки больших и малых сторожевых башен (караул-тобе), имевших оборонительное значение. Если считать всю территорию, входящую внутрь сторожевых башен, то она превышает 50 км^2 . В настоящее время в северной части городища Актобе располагается центральная усадьба колхоза им. Калинина. Значительная часть города осталась под посевами колхоза, центральная часть Актобе относительно хорошо сохранилась.

Актобе состоит из трех частей: цитадели, шахристана и рабада (рис. 1). Размер цитадели: северная сторона — 35 м, западная — 60, южная — 80, восточная — 50 м. Высота цитадели от материка составляет около 20 м (цитадель окружена шахристаном). Как мы отметили, в 1968 году значительная часть шахристана была разрушена водохозяйственниками. Поэтому общая конфигурация потеряла прежние очертания. Согласно аэрофотосъемки, общая площадь шахристана составляет 20 га. Шахристан окружен обширным рабадом. На рабаде в виде различной высоты всхолмлений обнаружены многочисленные постройки. По этим остаткам можно проследить улицы, приусадебные участки, оросительные каналы, водосборные колодцы и т. д. Вся территория города окружена 2—3 рядами мощных оборонительных валов. Высота вала в настоящее время достигает 3—3,5 м, а общая длина внутреннего вала 15 км. Произведенный разрез внутреннего вала показал, что это остатки пахсовой стены шириной 4,5 м, которая сохранилась высотой более 2,5 м. На расстоянии от 300 м до 1,5 км от первого расположен второй вал, длина которого приблизительно составляет 25 км. Он соединяется в нескольких местах с внутренним кольцом таким образом, что пространство между ними делится на несколько сегментов. Второй вал охватывает правый берег реки Аксу, а на юге частично и пойму р. Карабалты. Третий вал (самый длинный) образует кольцо с южной и восточной сторо-

ны города Актобе⁶. С южной, частично юго-западной и восточной сторон ко второму кольцу примыкает четыре полукольца, охватывающие в основном широкую пойму р. Карабалты и междуречье Карабалты-Аксу. Общая протяженность всех валов вокруг городища Актобе превышает 50 км⁷.

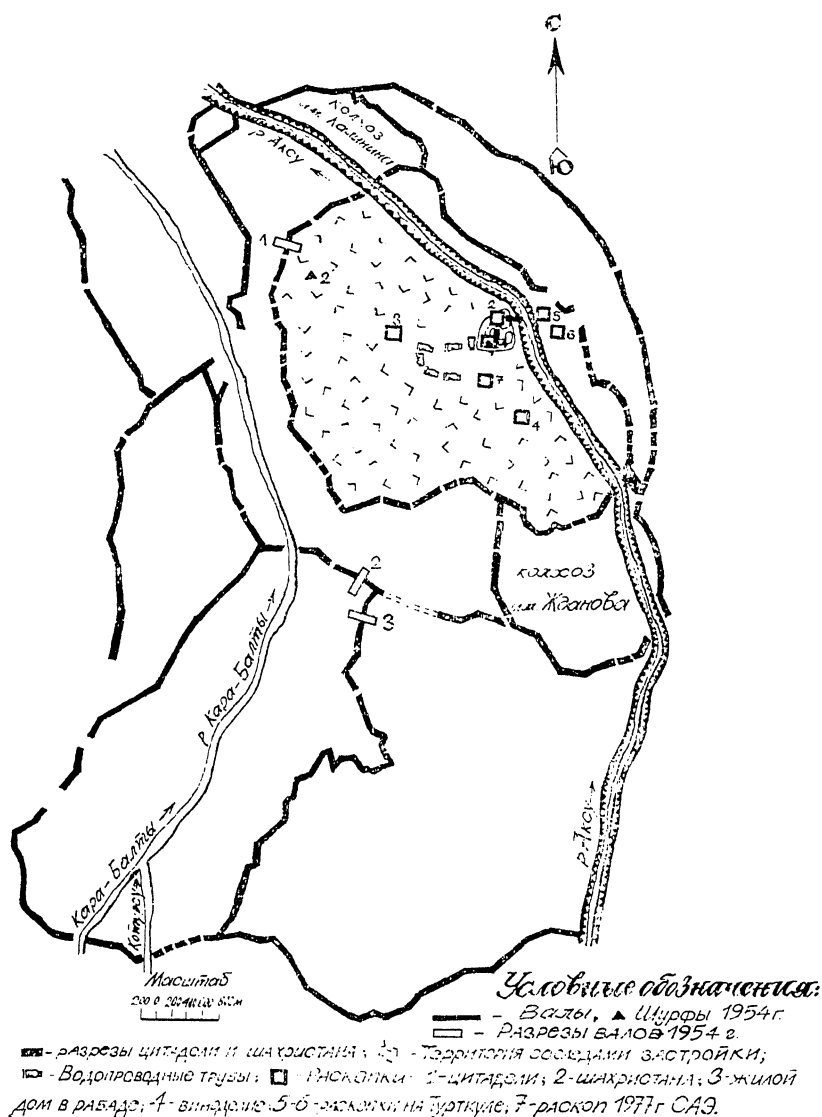

Рис.1 Схематический план городища Актобе
(по П.Н. Кожемяко).

Ниже мы опишем работы, проведенные на городище Актобе с 1974 по 1979 годы археологами университета.

Работы велись в центральной части (цитадель и шахристан) памятника, расположенного над левым берегом реки Аксу и занимающего около 7,5 га. К ней примыкает обширная территория с застройками раз-

личной плотности, окруженными сложной и мощной системой оборонительных сооружений.

В результате раскопок 1976—1978 годов в верхнем слое цитадели вскрыт дворцовый комплекс, состоящий из 13 помещений различного назначения (парадный зал, гостиные комнаты, кухонное помещение, молельня и др.) айванов, коридора, относящихся к строительному горизонту X—XII вв. Внешние стены дворцового комплекса шириной 1—1,5 м, внутренние — 0,25—1 м сложены из сырцового кирпича $42 \times 20 \times 11$ см; $45 \times 21 \times 17$ — 18 см; 48×21 — 22×17 — 21 см. Кроме сырцового кирпича, в строительстве применяли и жженный ($22 \times 22 \times 4$ — 5 см.).

В помещениях №№ 11, 4 и коридоре № 4 были найдены остатки внутреннего декора — орнаментальные фризы. Находки представляют собой фрагменты украшающих композиций, орнаментировавших интерьер дворца. Основная часть фрагментов орнамента вырезана по сырой глиняной штукатурке. Толщина штукатурной подушки от 1,5 до 3 см, в зависимости от глубины резьбы. Резцом наносился свободный орнаментальный рисунок, который выдавливался деревянной палкой, резался ножом или нацарапывался. Узор прорезался от руки по не просохшей штукатурке. Однако в литературе имеются сведения, что рельефные узоры выполнялись на рабочих площадках, а затем устанавливались на место. Прикреплялись блоки при помощи раствора и деревянных клиновидных гвоздей⁷.

В декоративном фризе преобладает растительный орнамент, сочетающийся с геометрической фигурой. Характерно, что во всех фрагментах геометрическая фигура обязательно лежит в основе композиционного построения, прослеживаясь по абрису какого-либо орнаментального сюжета или воплощается в бордюр, окаймливая сюжет. В общем, обогащается композиция путем изменения взаимного расположения элементов одного и того же вида орнамента, а также сочетанием одного типа орнамента, или сочетанием разных типов — геометрического и растительного интерьера. По фасаду дворца расположены два айвана с колоннами, поддерживающими перекрытие. От колонн остались лишь основания в виде керамических плит $55 \times 55 \times 5$ см. Находки на цитадели: неполивная керамика (чаши, дастарханы, круглый переносный очаг и т. д.), железные наконечники стрел, поделки из нефрита и т. д.

В 1978—1979 гг. на северной стороне цитадели был заложен разрез размером $22 \times 10 \times 7$ — 1,8 м. Благодаря этому разрезу установлено, что цитадель обживалась с конца VI по XII вв. В этом разрезе найдено большое количество неполивных и поливных керамических изделий и другие предметы хозяйственного и домашнего обихода. Характерно то, что на уровне XV яруса найдено 5 монет тюркешского времени, датированных концом VII — началом VIII вв. Они отличаются от тех тюркешских монет, которые известны в исторической литературе. На найденных монетах изображены трезубцы (танба), на ранее известных монетах такие трезубцы не изображались. Это позволяет сделать предположение, что в Актобе был свой монетный двор, где чеканились эти тюркешские монеты.

Шахристан в плане имеет форму подпрямоугольной площадки, ориентированной сторонами по странам света. Шахристан окружен рабадом шириной около 5—8 км, ограниченным земляным валом шириной по основанию 10—20 м, высотой 3—5 м. В восточной стороне шахристана произведен стратиграфический разрез культурных напластований

памятника. Разрез доведен до материка. Раскопками выявлены 4 периода жизни города с V в. до XII в. н. э., за это время накопился 7 метровый культурный слой. XII в. — последний период в жизни города, после которого поселение было окончательно покинуто.

Шахристан с востока обнесен крепостной стеной, сложенной из пахсовых блоков и сырцового кирпича $40 \times 25 \times 10$ см (первый строительный горизонт VI—IX вв.), или только сырцового кирпича $42 \times 25 \times 10$ см; $44—46 \times 22—24 \times 9—11$ см (второй строительный горизонт X—XII вв.). Первоначально стена имела высоту и ширину 6 м и ров шириной 10 м, глубиной 2 м. В X веке она была укреплена кладкой дополнительной стены вплотную к первой; в итоге крепостная стена стала иметь 12-метровую толщину при высоте 6—7 м.

Раскопки на шахристане показали плотную застройку этой части города различными по назначению сооружениями (жилые дома, производственные комплексы и др.). Дома сложены из сырцового кирпича $38—40 \times 19—20 \times 8—9$ см, стены без фундамента. Различаются жилые и хозяйственные секции. В комнатах находились суфы, закрома, тандыры. В них найдены различные бытовые вещи, среди которых преобладала керамика: крышки, кувшины, горшки, сфероконысы, светильники и т. д. Два сосуда имели надписи, обозначившие имена гончаров. Керамика городища Актобе по форме, технике изготовления, орнаментации близка к керамическим изделиям X—XII вв. из городищ Семиречья, Южного Казахстана, Таласской долины, Ташкентского оазиса, что свидетельствует о тесных культурных и экономических связях Чуйской долины с этими регионами. С другой стороны, актобинская керамика своеобразна — свидетельство местных традиций керамического производства.

Интересные материалы получены при исследовании территории рабада, где уже несколько сезонов изучается водопроводная система средневекового города, открытая на расстоянии 500 м. Вода в город поступала по керамическим трубам, изготовленным на круге. Трубы имели один узкий конец $D=11—16$ см, другой широкий $D=15—19$ см, соединялись таким способом: узкая часть одной трубы вставлялась в широкую часть другой по ходу воды. Длина труб — 46—57 см, стыки обмазывались глиной и с боков укреплялись вертикально поставленными кирпичами. Водопроводная система была развитой, ветки труб шли в различных направлениях, снабжая водой шахристан и цитадель, залегали на разных уровнях. Водопровод неоднократно ремонтировали. Отвод дополнительных трасс водопровода от основного трубопровода осуществлялся при помощи керамических накопителей-отстойников — толстостенных сосудов конической формы, к которым подходила широкая труба основной трассы, а расходились в нескольких направлениях разветвляющиеся водопроводы с трубами меньшего диаметра. Кроме отстойников для очистки воды от мусора в некоторых местах трубопровода устанавливались фильтры — обычная труба с одним глухим концом с мелкими отверстиями. Вода в город поступала самотеком. При раскопках рабада собрана большая коллекция керамики, монет VIII и X—XII вв., обоюдоострый железный меч длиной 1 м, шириной клинка 5 см и другие вещи.

В 1977 году произведено исследование внешнего вала городища, сложенного из пахсовых блоков на монолитной пахсовой платформе. Основание (первоначальная высота стены вала достигала 6—6,5 м при ширине 8 м).

В 1979 году археологическая экспедиция университета (АЭУ—79) проводила раскопки на Актобе более длительное время по сравнению

с предыдущими годами — с 15 мая по 30 сентября. В составе экспедиции работало три отряда. Первый вел раскопки жилого дома горожан на территории рабада (раскоп № 1); другой отряд продолжал археологические раскопки на оборонительном сооружении цитадели городища Актобе и на Турткуле; а третий отряд работал на курганном могильнике Жеты-Жар. Кроме того, велись археологические работы в зоне затопления Аксуского водохранилища.

Под руководством Алдабергенова Н. О. был заложен раскоп жилых зданий на рабаде. Раскопанное помещение состояло из 7 комнат, предназначенных для хозяйственного и жилого назначения. Центральная комната № 1, судя по найденным в ней металлическим предметам, являлась ремесленной мастерской. Она имела сводчатое перекрытие и представляет большой интерес в архитектурном отношении. Стены дома сложены из сырцового кирпича, внешняя стена имеет толщину 120—130 см и сохранилась на высоту от 80 до 130 см. Пол жилого дома трехслойный из глины, местами использован жженный кирпич размерами $22 \times 21 \times 4$ —5 см, $22 \times 22 \times 4$ —5 см (характерен для караханидского времени). Во всех комнатах жилого дома была найдена поливная и неполивная керамика, состоящая из кувшинов, чаш, тарелок, блюд и т. д. В комнате № 1 среди других металлических предметов были обнаружены 3 монеты караханидского времени хорошей сохранности. По находкам жилой дом можно датировать X—XII вв.

Один из отрядов продолжал исследования оборонительных сооружений Актобе: был закончен разрез крепостной стены цитадели (размеры разреза $22 \times 7,5$ — $1,8 \times 10$ м) и установлено, что крепостная стена цитадели имеет три периода. На основании керамических и нумизматических материалов можно датировать время обживания цитадели — VI—XII вв.

Отрядом начаты раскопки Турткуля, расположенного в 600 м к востоку от цитадели. На Турткуле заложен раскоп размером 18×9 м на ЮЗ углу. В результате раскопок выяснилось, что на данном участке Турткуль имел крепостную стену, ширина оставшейся крепостной стены около 4 м, высота 1,5 м. На основе фактических материалов можно датировать Турткуль X — началом XIII вв.

В сентябре 1980 г. отрядом под руководством М. Елеуова была исследована зона затопления Аксуского водохранилища. В течение сентября выполнены следующие работы: на Турткуле заложен раскоп № 2, на территории рабада заложены 4 шурфа, один разрез и полностью раскопана винодельческая мастерская.

Раскоп № 2 заложен на расстоянии 80 м к ЮВ от раскопа № 1. Размер раскопа 22×20 м (40 м²). В результате месячной работы вскрыто коридорообразное сооружение длиной около 20 м, шириной 3 м. Стены сложены из пахсовых блоков размером $1 \times 0,5$ м. К коридорообразному сооружению с восточной стороны примыкает остаток трех помещений. Стены помещений высотой 0,3—0,5 м сложены из сырцовых кирпичей размером $40 \times 20 \times 10$ см, сохранились плохо. В ходе раскопок найдены немногочисленные керамические изделия, на основании которых последний период данных сооружений можно датировать X—XII вв.

В результате проведенной шурфовки и вскрытия винодельни можно заключить, что район, входящий в зону затопления, датируется VIII—XII вв. Третий отряд продолжал работу на Жетыжарском могильнике. В могильнике раскопаны четыре кургана с земляной насыпью диаметром от 10 до 15 м, высотой от 80 см до 1,30 м. Под курганной насыпью находится групповая могила, ориентированная на запад с отклонением

на северо-запад. Обряд захоронения — труположение, вытянутое на спине. У изголовья погребенных стоит глиняный сосуд с узким горлом, вздутым туловом, дно слегка уплощенное. В кургане № 4, в могильной яме рядом со скелетом найден небольшой железный нож. Материалы из раскопанных курганов имеют аналогии с материалами сакских курганов илийской долины и датируются IV—III вв. до н. э.

В 1979 г. изучалась водопроводная система, обнаруженная на рабаде городища Актобе. Нами были раскрыты и изучены водопроводные трубы на расстоянии 280—290 м. Они сложены из небольших керамических труб-кобуров, длина которых варьировала от 47 до 52 см. Трубы имеют коническую форму, диаметр одного конца равен 14—15, другого — 18—20 см. Узкий конец одного кобура соединялся с широким концом другого, стык замазывался глиной. В ходе исследования водопроводной линии на рабаде выяснилось, что вся водопроводная система питалась водой из отстойников (хаузов). Нами обнаружено два хауза. Первый имеет площадь 2000—2500 м², а второй — 500—600 м². Хаузы, в свою очередь, снабжались водой из магистрального канала под названием Дода, к нему были прорыты мелкие каналы, которые и заполняли хаузы. Следует отметить, что водопроводная линия снабжала питьевой водой не только цитадель и шахристан, а и весь город, по крайней мере, многие усадьбы, находящиеся на рабаде, пользовались водопроводом.

Данный город потерял первоначальное имя, а «Актобе» — позднее, условное название. На основе литературных источников и в результате семилетних раскопок на этом городище мы отождествляем Актобе со средневековым городом Баласагуном (766—940 гг.).

Баласагун — один из крупных средневековых городов Чуйской долины, являвшийся длительное время столицей тюркских, карлукских каганатов. «В области городов Исфиджаб (Сайрам — У. Ш.), Тараз и Баласагун жило тюркешское племя аргу. В Чуйской долине находился центр расселения карлуков — город Баласагун»⁸. В ходе археологических раскопок на Актобе найдено много материалов, в частности, тюркешские монеты, характеризующие культуру тюркешей и карлуков.

Позже Баласагун был столицей Караханидов и Каракиданов (кара-китаев) до прихода монголов. В литературных источниках этот город редко стал упоминаться. Впоследствии его местонахождение и название потеряно; в настоящее время местонахождение Баласагуна точно установить не удается.

Так, у Магдиси Баласагун упоминается среди городов, зависимых от Исфиджаба (ныне Сайрам, восточнее Чимкента). По Якуту, Баласагун находился по ту сторону Сейхуна (Сырдарья), недалеко от Кашгара»; в противоположность этому городу Фараб (ныне городище Отрар, недалеко от впадения Арыса в Сырдарью, следовательно северо-западнее Шаша, или Ташкента) находился согласно Якуту... «дальше Шаша (или «дальше всех от Шаша») поблизости от Баласагуна»⁹.

По другим арабским и персидским источникам, у Ибн-ал-Асира¹⁰ и Шарафуддин Али Йазди «Зафар-Номе» тоже сообщается, что Баласагун находится в Чуйской долине¹¹. Анализируя эти источники, В. В. Бартольд пришел к следующему выводу о локализации Баласагуна: «Город, по-видимому, следует искать в западной части русской области, называемой ныне Семиречье, вероятно на Чу, где и поныне можно увидеть много городищ., что Баласагун лежал северо-восточнее Аулие-Ата»¹². Местонахождение Актобе действительно соответствует предположениям В. В. Бартольда.

Семилетние археологические раскопки на Актобе показывают, что город датируется V—XII вв. Об этом свидетельствуют археологические находки, найденные в разрезах цитадели, шахристана и на рабаде. Эти материалы характеризуют культуру тюрков, карлуков и караханидов. Также немаловажное значение имеет вышеуказанный внешний облик города, который похож на описанный в литературе Баласагун.

В ходе археологических раскопок, проведенных нами с 1974 по 1979 гг., обнаружено, что Актобе погиб в результате ожесточенных сражений. Многочисленные развалины на цитадели, шахристане и на рабаде свидетельствуют об этом. Верхний слой города относится к эпохе караханидов. Вещественные материалы эпохи монголов не обнаружены. Это наводит на мысль, что город погиб до прихода монголов, в результате межусобных феодальных войн. Таким событием, на наш взгляд, является сражение, происходившее в сентябре 1210 года на р. Талас между Мухаммед Хорезм-Шахом и Гурханом из Баласагуна. Об этом В. В. Бартольд писал: «Когда войско Гурхана было разбито под Таласом хорезмшахом Мухаммедом в раби 1607 (август-сентябрь 1210 г.), то жители Баласагуна ожидали скорого прибытия победителя и поэтому отказались впустить разгромленное войско в свой город. После шестнадцатидневной осады город был взят кара-китаями и затем подвергся разграблению в течении трех дней, причем будто бы погибло 47 000 жителей»¹³.

По нашему мнению, этот город и был Баласагуном, который основательно разрушен в результате побойща и потерял свое прежнее значение, став рядовым городом до прихода монголов в 1218 году. Поэтому жители Баласагуна не могли сопротивляться войскам Чингиз-хана и сдались добровольно. Монгольский полководец Джэбенойон Баласагун назвал Гобалык, т. е. «хороший город».

В связи с вышеуказанными разрушениями, причиненными кара-китаями, по-видимому, монголам не было необходимости надолго оставаться в этом городе.

Таким образом, средневековый город Актобе является многослойным столичным городом, который был окружен в несколько рядов оборонительными сооружениями, многочисленными сторожевыми башнями. Он был крупным административным, хозяйственным и культурным центром. Об этом свидетельствуют извлеченные нами материалы во время раскопок. Исходя из вышеизложенного материала, можно со всей серьезностью отождествлять исследуемое средневековое городище с Баласагуном. Эта гипотеза в ходе дальнейших исследований данного города будет уточняться и, видимо, подтверждаться новыми находками.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 214.

² Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.

³ Там же, с. 282—283.

⁴ Там же, с.

⁵ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1956, с. 117.

⁶ Научный отчет Археологической экспедиции университета (АЭУ), 1975 год.

⁷ Кожемяко П. Н. К вопросу о топографии средневековых поселений Чуйской долины. — Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии (29 октября — 4 ноября 1956 г.). Сталинабад. Москва — 1959 — Ленинград, с. 56.

⁸ История Казахской ССР, т. I. Алма-Ата, 1977, с. 342.

⁹ Бартольд В. В. Соч., т. III, М., с. 355.

¹⁰ Там же.

¹¹ Шарафаддин Али-Изиди. Зафар-Номе. Самарканд, 1969, с. 346, 37а.

¹² Бартольд В. В. Соч., т. III, М., с. 355.

¹³ Там же, с. 356.

ЭЛЕМЕНТЫ СТРОИТЕЛЬНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРОДИЩА АКТОБЕ

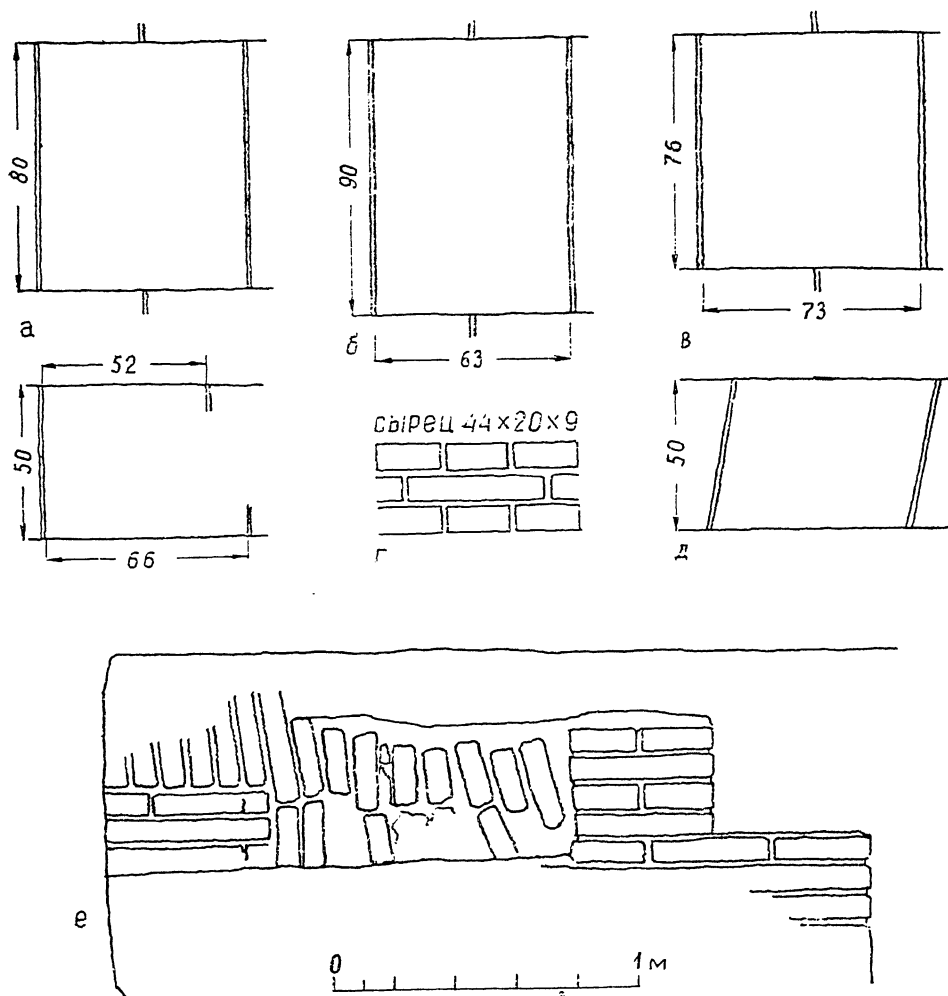
При изучении каждого памятника неизбежно возникает вопрос о связи его форм во времени и пространстве, то есть о наличии в его чертах признаков, характерных для данного периода на широкой территории, а также связанных с традицией прошлых веков. Раскопки городища Актобе уже на данной стадии открывают возможность наметить известные аналогии первого и второго рода.

Актобе был обширным и богатым средневековым городом. В XI—XII вв., на которые падает его расцвет, город находился в пределах государства Караханидов. Естественно поэтому ждать общих для того времени признаков в предметах материальной культуры и строительной технике на городище Актобе. Но если состояние среднеазиатских ремесел — таких, как гончарство, стеклоделие, обработка металла для XI—XII вв. изучены основательно, а памятники монументального зодчества из обожженного кирпича заняли прочное место на страницах многотомников по истории искусства и архитектуры, то массовое строительство из сырца и пахсы (битой глины) освещено еще крайне слабо. И в этом отношении городище Актобе станет важным звеном для установления связной картины развития зодчества Средней Азии и Казахстана.

Интересно сравнить прежде всего строительные методы на городище Актобе с теми, которые практиковались в зодчестве Средней Азии VII—VIII вв. и достаточно хорошо известны¹. За истекшие столетия принципиальных изменений не произошло, в XI—XII вв. по-прежнему строят из сырцового кирпича и пахсы. Несмотря на значительный разрыв во времени (4—5 столетий) и пространстве (600—800 км) конструкции Актобе обнаруживают большое сходство с теми, которые наблюдаются на памятниках Согда, Уструшаны и Чача.

Пахса широко применяется в строительстве оборонительных стен, и стены заречного укрепления (объект 1) сложены из прочных блоков пахсы, нарезанных отвесными швами в перевязку — каждый шов приходится на середину расстояния между швами выше и нижележащих рядов. Пахсой сложены стены постройки усадебного типа в рабаде (раскопки группы К. А. Акишева). Толщина стен различна — 0,5, 1,0 и 1,5 м. Высота и ширина блоков пахсы не одинаковы, отвесные швы в тонкой стене менее 1 см, в полутораметровой — до 3 см. В стене толщиной 0,5 м легко проследить несовпадение разрезки швов на противоположных поверхностях стены, из-за которого расстояние между швами расходится на 14 см (рис. 1а). Стена толщиной в 1,5 м имеет внизу прослойку из трех рядов сырца (рис. 1 г.), что обычно для Кяхкаха I в Шахристане (VII—VIII вв.). Единственный пока случай пахсы с наклонными швами выявлен раскопками жилого здания в рабаде (объект 2), но этим способом выполнена лишь цокольная часть стены (рис. 1 д), далее внешний контур стен выложен из ложковых рядов сырца, а внутри они забутованы комьями земли. Эта непрочная конструкция, впервые зафиксированная на Актобе, и явилась причиной влохой сохранности здания.

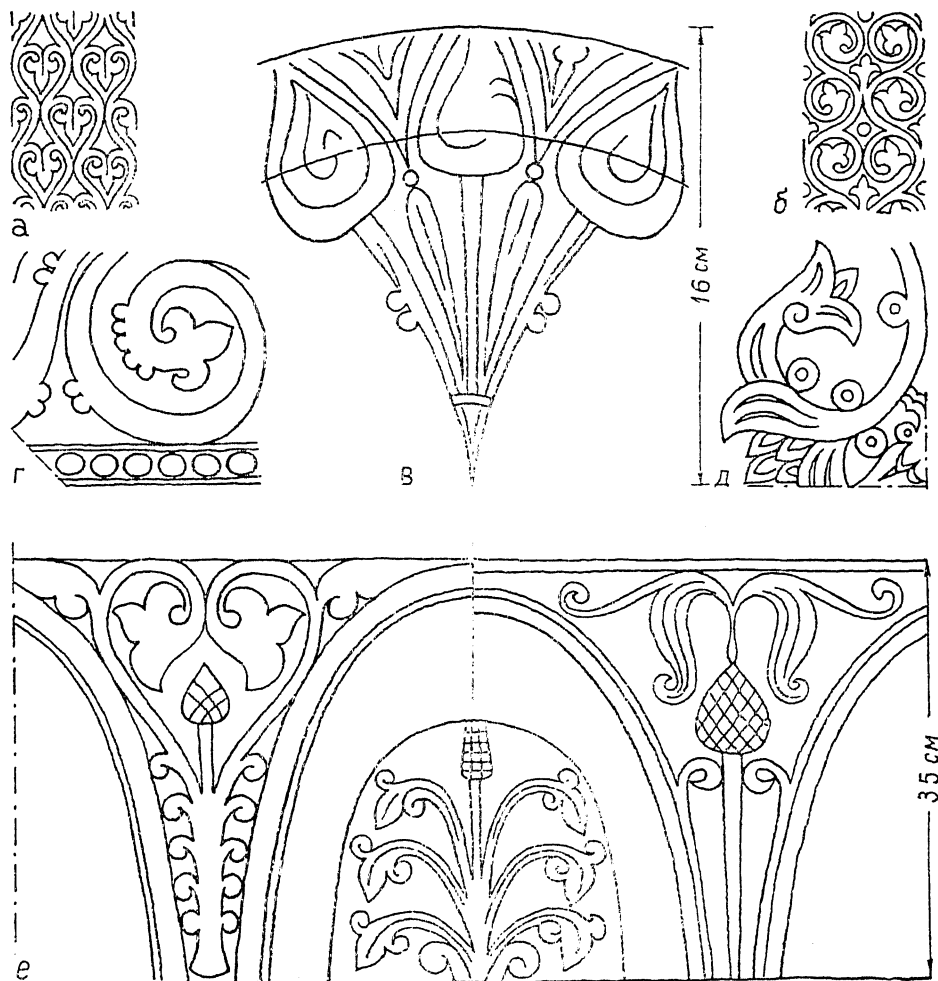
Перекрытия жилых построек были, судя по плану, плоские балочные. Но помещение № 1 объекта 2 было покрыто сырцовым сводом. Пята свода частично уцелела на западной стене, на высоте около 1 м над

полом, (рис. 1е), остатки рухнувшей оболочки лежали довольно ровным слоем в завале помещения. Для свода был использован тот же сырец форматом $37-38 \times 19 \times 8-9$ см, который шел в кладку стен, уложенный в перевязку. Конструкция не выдерживает сравнения с прочными сводами, сохранившимися в руинах памятников раннего средневековья. Сырец уложен в оболочку свода длинной стороной. Тонкая оболочка в полкирпича имеет некоторые преимущества в том смысле, что получается вдвое более легкой и короткие радиальные швы слабо расширяются к периферии, но явно ненадежна для трехметрового пролета. Тем не менее свод выдержал два периода обживания постройки, когда в помещении № 1 появился второй (точнее даже третий) уровень пола. Сводиком был покрыт также проход между помещениями №№ 1 и 2, но это покрытие полностью рухнуло из-за непрочной кладки южной стены, о которой говорилось выше.

Дворцовое здание цитадели, в противоположность упомянутым постройкам рабада, имеет солидные сырцовые стены, сложенные с точным

соблюдением перевязки. Сводчатых перекрытий здесь не обнаружено. Некоторые черты организации дворца опять-таки вызывают в памяти постройки Согда и Уструшаны. Здесь, как и в Древнем Пенджикенте, был парадный зал с почетным местом — суфой и нишей (помещение № 10). Как и во дворце Кахкаха I имелось нечто вроде бельведера на глухом сырцовом цоколе, куда поднимались по ступеням. В помещении № 3 обнаружен любопытный очаг в виде ниши. Неглубокая ниша округлого контура шириной 48 и высотой 65 см была обрамлена парой глиняных полуколонн (они почти не сохранились). Поверхность ниши закопчена — в овальном углублении у ее основания разводили огонь. В данном случае отпадают всякие сомнения, что прототипом явились доисламские алтари древнего Пенджикента в их каноническом виде — ниша, фланкированная колоннами (алтари Пенджикента устраивались, как правило, в восточной стене помещений, здесь ниша в западной стене². Таким образом, подмеченное сходство в организации здания отнюдь не случайно. Преемственность форм плана и деталей становится очевидной, хотя пути распространения традиции пока не ясны.

Что касается резного по глине орнамента в помещениях дворца, его узор в основном воспроизводит мотивы, хорошо известные именно для XI—XII вв. Ниша помещения № 2 была окаймлена выпуклым бордюром с сеткой из трилистников, как на внешней раме деревянного искодарского михраба (рис. 2а)³. Фоном надписи в помещении № 11 служили завитки растительного узора, как на резных колоннах II стиля хивинской соборной мечети (рис. 2б)⁴. Узор ограничивали цепочки перлов, распространенных в резном штурке и терракоте вплоть до XV в.

Поскольку речь зашла об орнаменте, следует затронуть один из сюжетов узора, не связанного с архитектурой. А именно — роспись поливного керамического блюда с объекта 2. По краю блюда четырежды повторяется букет, где внимание привлекают бутоны, или скорее цветы в форме нераскрывшегося тюльпана, собранные по три, стебли их сходятся к центру блюда (рис. 2а). Цвет «тюльпанов» слишком темный, марганцево-коричневый, но сходство подчеркнуто процарапанными линиями, повторяющими контур цветка. Форма его напоминает шишечку, украшавшую деревянные фризы VII—VIII вв. (рис. 2е) — может быть то был стилизованный вариант тюльпана с косой насечкой? На желтоватом стебле цветка видны круглые парные наросты, аналогичные таким же в росписях древнего Пенджикента (рис. 2г). Отчетливое сходство этих деталей не оставляет сомнений в повторе более раннего мотива. Происхождение кружков прослеживается на стебле между арок пенджикентского фриза (рис. 2е, слева) — это свернувшиеся листочки. Схематизированный вариант кружков-наростов оказался настолько жизнеспособным, что оживает в хивинской резьбе по дереву XIX—XX вв., где стебли растительного узора усеяны кружочками «маргуля».

Даже краткий экскурс доказывает активность старых традиций, которые воспроизводятся веками в творчестве народных мастеров.

¹ Воронина В. Л. Древняя строительная техника Средней Азии. «Архитектурное наследство», № 3, 1953.

² Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента (результаты раскопок 1954—1959 гг.) — МИА, № 124, М.-Л., 1964, рис. 11—14.

³ МИА, № 15, 1958, таб. 19.

⁴ Воронина В. Л. Колонны соборной мечети в Хиве. «Архитектурное наследство», № 11, 1958, рис. 16, 18.

У. Х. ШАЛЕКЕНОВ, А. М. ОРАЗБАЕВ

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О ВОДОПРОВОДНОЙ СИСТЕМЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА АКТОБЕ

В данной статье обобщены материалы работы и исследований водопроводной системы средневекового города Актобе за 1974—1977 годы, проводимых Казахским государственным университетом имени С. М. Кирова и Республиканским обществом охраны памятников культуры при Совете Министров Казахской ССР.

В процессе раскопа четко вырисовывается топография средневекового города. Планировка жилых помещений, дворцовых комплексов ти-

пична для многих средневековых городов Казахстана и Средней Азии¹. Так же типична и система водоснабжения города, хотя система водопровода на городище Актобе представляет известный интерес для исследователей ввиду ее относительно хорошей сохранности и охвата исследованьем всей системы в целом.

По материалам, опубликованным по исследованию других средневековых городов на территории Казахстана, мы можем говорить о высокой организации градоустройства, имеем бесспорные данные о наличии водопроводов в крупных средневековых городах, описание отдельных фрагментов водопроводных линий, чаще всего отдельных керамических труб — кубуров².

На городище Актобе удалось вскрыть на большой протяженности основные магистральные линии городского водопровода, выяснить принципы его действия, технические и конструктивные приемы его устройства.

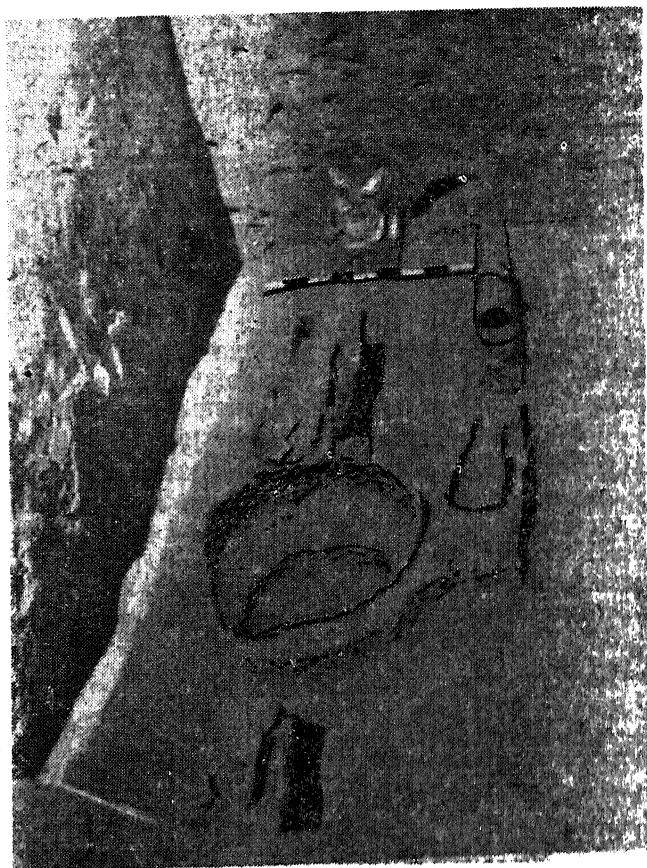
В 1969 году колхозом имени Калинина Чуйского района Джамбулской области для водохранилища была сооружена дамба с юго-западной стороны цитадели городища Актобе. Она начинается с высоты трех метров от нижней части цитадели в юго-западном направлении, захватывая часть территории шахристана и рабада. Дамба длиной 270 м, шириной 10 м, высотой 4 м. Вследствии работы бульдозера культурный слой с северо-западной и юго-западной стороны шахристана и рабада, вдоль дамбы на ширину 50—60 метров, разрушен.

Впервые водопроводные трубы на городище Актобе были найдены в 1974 году в юго-западном конце дамбы. В 1974 году в юго-западном конце дамбы был заложен разведывательный шурф, а за ним в юго-западном направлении еще несколько шурфов.

Шурф № 1 (1974 г.). Заложен с северо-запада на юго-восток, размеры его 10×4 м. Здесь при раскопках на глубине 0,8 м обнаружены водопроводные трубы, уложенные в два ряда узкими концами на северо-восток, т. е. в сторону цитадели. Расстояние между рядами 40 см. Размеры труб: северо-западная длиной 52 см, диаметр широкой части 19 см, узкой 15 см, юго-западная труба длиной 50 см, диаметр широкой части 20 см, узкой — 17 см.

Для выяснения направления водопроводной системы с юго-западной стороны раскопа, откуда шли трубы, была заложена траншея с северо-запада на юго-запад перпендикулярно к шурфу № 1. Размеры траншеи 4×1 м. При раскопке траншеи в верхних слоях на глубине 40—60 см найдены фрагменты керамики, обломки водопроводной трубы. При дальнейшем исследовании на глубине 80 см обнаружено продолжение труб. Юго-восточная труба (по ходу водопровода) оказалась сравнительно большой и целой, длиной 58 см, диаметр широкого конца 21 см, узкого — 14 см.

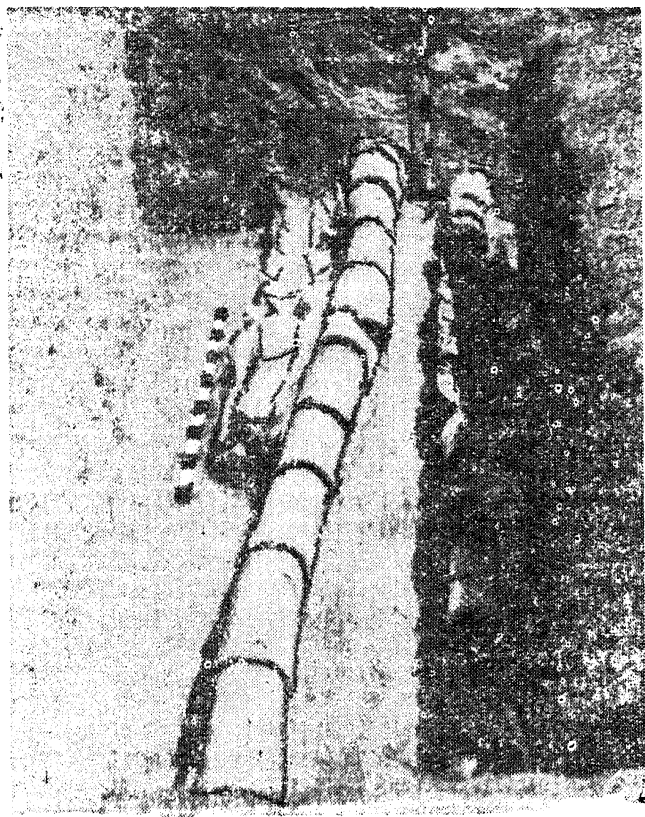
Северо-западная труба сильно повреждена, но фрагменты ее хорошо сохранились и по ним хорошо восстанавливается направление укладки. В конце траншеи, заложеной в юго-западном направлении от шурфа № 1 по ходу труб (в юго-западном конце) был обнаружен керамический сосуд с прямыми расширяющимися кверху стенками высотой 60 см, верхний диаметр 45 см, по дну 25 см, служивший соединительной деталью при разветвлении водопроводных труб по разным направлениям. Кроме того, эта деталь выполняла функции регулятора уровня воды в системе водопровода.

Шурф № 1. Водопроводные трубы и отстойник.

Шурф № 2 (1974 г.) заложен на расстоянии 12 м на юго-запад от водораспределителя с северо-запада на юго-восток, размеры 4×1 м. При раскопке шурфа на глубине 80, 84, 88 см были обнаружены трубы, уложенные в три ряда, узкой частью на северо-восток, т. е. в сторону водораспределителя, цитадели. Широкой частью трубы уходили на юго-запад. Средняя труба располагалась выше двух боковых и она оказалась целой, а боковые сильно повреждены. Трубы размерами разные. Северо-западная труба в длину 56 см, диаметр широкого конца 20,5 см, узкого 13,5 см. Средняя труба длиной 54,5 см, диаметр широкого конца 19,5 см, узкого — 15 см; юго-западная труба в длину 51 см, диаметр широкого конца 16 см, узкого — 10,5 см.

С юго-западной стороны перпендикулярно к шурфу № 2 была заложена траншея. Размеры траншеи 10×2 м. При раскопке траншеи на глубине 80, 83, 84 см обнаружены трубы, уходящие в юго-западном направлении. Трубы вставлялись одна в другую. Узкая часть одной трубы вставлялась в широкую часть предыдущей трубы. Здесь обнаружены целые трубы, расширяющиеся к концу с небольшой втулкой и невысоким бортиком на узком конце, имеющие 14 см в диаметре по наружному обмеру и 12 см по внутреннему; диаметр утолщенной части по внутренней стороне 18, по наружной — 21 см. На широком конце, диаметром 18 см, имеются специальные срезы для соединения с овальной втулкой преды-

Шурф № 2. Общий вид трехрядной линии водопроводных труб

душей трубы. Все трубы с внутренней стороны имеют частые горизонтальные желобки. Длина обнаруженные в шурфе и траншее труб колеблется от 50 до 58 см. Трубы хорошего обжига, красновато-розового цвета. Все трубы изготовлены на гончарном круге.

Шурф № 3 (1974 г.) заложен на юго-запад от шурфа № 2, на расстоянии 80 метров. Он ориентирован с северо-запада на юго-восток. Размеры его 6×1 м. В результате раскопа в северо-западной стороне шурфа на глубине 2-х метров обнаружена водопроводная труба, фрагменты керамики, обломки труб. Обнаруженная труба узким концом направлена к шурфу № 2, в сторону цитадели. Для определения трассы водопровода с юго-западной стороны шурфа № 3, на склоне возвышения проложена траншея 4×1,5 м. При углублении траншеи в ее северо-восточном конце на глубине около 2-х метров и юго-западном конце на глубине 60—70 см на протяжении четырех метров обнаружены водопроводные трубы, уложенные одна в другую, в один ряд. Юго-западный конец трассы водопровода обрывался, т. к. в этом конце траншеи начинается большая впадина, искусственно сделанная для водоема в 1969 г. колхозом имени Калинина. Водоем имеет подпрямоугольную форму. Размеры его 50×30 м; глубина 5—6 м. При рытье водоема земля выбрасывалась с северо-западную, юго-западную и северо-восточную стороны территории рабада (по разным сторонам котлована), поэтому края водоема имеют искусственные всхолмления. В связи с искусственно созданными возвышениями над территорией рабада (в районе водоема) глубина шурфа № 3

и траншеи бралась с дневной поверхности, а не с обычной поверхности территории рабада. Поэтому глубина нахождения водопроводных труб здесь не соответствует первоначальной глубине. В юго-западном конце траншеи шурфа № 3 трубы лежали на глубине 60—70 см. т. к. земля сверху была снята при сооружении водоема.

Шурф № 4 (1974 г.) заложен на противоположном скате водоема. По ходу трассы водопровода, т. е. на его северо-восточной стороне, на расстоянии 10 метров от траншеи шурфа № 3. Размеры 4×5 м, ориентирован длинной осью с северо-запада на юго-восток. При углублении шурфа на глубину 1,15 м обнаружены водопроводные трубы. Трубы были уложены с северо-востока на юго-запад с некоторым отклонением на юг, узкими концами на северо-запад. Широкими концами трубы уходили в юго-западном направлении. Раскопки шурфа № 4 завершили исследование водопроводной системы на территории рабада городища Актобе.

В 1975 году раскоп шурфа № 4, начатый в 1974 году, был продолжен в юго-западном направлении. Размеры шурфа, заложенного в 1975 г., — в длину 2,5 м, в ширину 1,5 м, на глубину 1,25 м. На этой глубине обнаружены трубы, которые являются продолжением труб шурфа № 4. Трубы шли с юго-запада на северо-восток, уложенные одна в другую узкими концами на северо-восток. Трубы длиной в среднем 50 см. Диаметр узкого конца 15 см, широкого — 21.

Шурф № 5. В полевом сезоне 1975 года через 1,5 м по ходу труб был заложен шурф № 5. Размеры его: длина — 2,75 м, ширина шурфа в северо-западной части 1,25 м, в юго-западной — 1 м. На глубине 1,75 м от дневной поверхности было обнаружено продолжение труб, вскрытых в шурфе № 4. Трубы, обнаруженные в шурфе № 5, имели общую длину 1,75 м и широкими концами уходили на юго-запад, с некоторым отклонением на запад. При расчистке юго-восточной стенки шурфа № 5 выше дна шурфа на 1 м были обнаружены трубы уложенные с юго-запада на северо-восток, узкими концами в направлении шурфа № 4. Длина труб от 40 см до 56 см. В северо-восточной части расстояние между трубами по горизонтали 60 см, в юго-западной — 1,6 м. Трубы как бы расходятся в разном направлении: верхняя труба широкими концами уходит на юг, и нижняя на юго-запад.

Шурф № 6. Для выяснения направления водопроводных труб с юго-западной стороны шурфа № 5 на расстоянии 20 м был заложен шурф размером 4×1,5 м. При глубине шурфа до 2-х м трубы не обнаружены. В процессе раскопок найдены обломки глиняных сосудов и фрагменты крышек.

Шурф № 7. Для установления направления трассы водопровода на запад от шурфа № 6 на расстоянии 35 м был заложен шурф с северо-запада и на юго-восток размерами 5×1,5 м. При углублении шурфа на 1,7 м трубы не обнаружены. При расчистке шурфа в культурном слое найдено много керамики: ручки от глиняных сосудов, венчики, донная часть, орнаментированные глиняные крышки от котлообразных сосудов и много костей животных, преимущественно крупного рогатого скота.

Шурф № 8 заложен в 150 м на юго-запад от подножия цитадели с северо-западной стороны дамбы. Размеры его 7,7×1,5 м, ориентирован с северо-запада на юго-восток. В юго-восточной части шурфа на глубине 3,40; 3,35; 3,20 м обнаружены водопроводные трубы, уложенные в четыре ряда, узкими концами на северо-восток, в сторону цитадели. Юго-восточные трубы обнаружены на глубине 3,4 м от поверхности дамбы на расстоянии 78 см от юго-восточной стенки шурфа. Они находились выше се-

веро-западных на 15—20 см и лежали параллельно в два ряда. Трубы хорошей сохранности розового цвета, размеры их: длина — 58 см, диаметр узкого конца по внутренней части — 12 см, диаметр широкого конца по внутренней части — 18 см. С северо-западной стороны юго-восточных труб, на 20 см ниже параллельно верхним находилась третья труба. Четвертая, северо-западная, несколько выше предыдущей (на 15 см). Северо-западная пара труб была меньше по размеру и цвет их красно-кирпичный. Размеры их: длина — 53 см, диаметр узкого конца по внутренней части — 10 см, диаметр широкого конца по внутренней части — 14 см.

В результате раскопок в шурфе № 8 установлено, что все четыре водопроводные трубы уложены в направлении цитадели.

В 1975 году в северо-восточной части шурфа № 1 (1974 г.) была заложена траншея в северном направлении, где в стене был виден широкий конец водопроводной трубы, уходящей в северном направлении. Размеры траншеи: длина 3,9; ширина — 1,4 м. В юго-западной части траншеи на глубине 1,7 м от поверхности дамбы обнаружены четыре водопроводные трубы, уложенные одна в другую узким концом в северном направлении от водораспределителя. Длина труб 40—50 см. Общая длина обнаруженных труб — 1,9 м.

На территории шахристана и рабада раскопками установлено разветвление водопроводных труб от основной трассы. Общее направление водопроводной системы идет с юго-запада на северо-восток, т. е. в сторону цитадели.

В 1976 году на трассе водопровода с северной стороны дамбы в 100—200 м от западного подножия цитадели была заложена траншея (раскоп № 2), на оплывшем северо-восточном скате насыпи дамбы, расположенной с востока на запад по отношению к траншее. У западной стены траншеи на глубине 4,5 м обнаружены керамические водопроводные трубы уложенные с юга на север. При тщательной зачистке было выявлено 9 труб, вставленных одна в другую, узкими концами в широкие. Трубы были уложены узкими концами в направлении севера, а широкая часть их уходила на юг под дамбу. По ходу труб с северной стороны прямоугольного шурфа была заложена траншея в северном направлении, длиной 5,4 м, шириной 1 м. В результате раскопок трубы прослежены в северном направлении по всей длине заложеной траншеи. От конца траншеи трубы уходят дальше, в сторону шахристана.

Для выяснения не соединяется ли южная часть линии водопровода (траншея № 2) с трубами, идущими с юго-запада в сторону цитадели, в южной стене траншеи, по ходу труб, был заложен туннель в виде арки шириной с востока на запад 1,15 см, высотой 1,45 м, протяженностью вглубь насыпи дамбы на 2,8 м. По всей длине туннеля в южном направлении шло продолжение водопроводных труб. Трубы уходили дальше на юг под насыпь дамбы.

При раскопке траншеи № 2 в 1976 году на вскрытой линии водопровода обнаружено 28 гончарных труб хорошей сохранности, длиной 49 см, диаметром широкой части 21 см, узкой — 14 см; длина 52 см, с диаметром широкой части 20 см, узкой — 15 см. Большая часть обнаруженных труб, 15 штук, уложены с юга на север, шестнадцатая же по порядку труба уложена наоборот, с севера на юг, при этом узкий конец шестнадцатой трубы входит в узкий конец пятнадцатой трубы. Таким образом, начиная с шестнадцатой трубы, все последующие тринадцать труб уложены с севера на юг, т. е. во встречном направлении. При этом пятнадцатая и шестнадцатая трубы — обычные, ничем не отличающиеся от ос-

тальных, боковых отверстий не имеют. Размеры труб на стыке юг — север следующие: северная труба — длина 52 см, диаметр широкой части — 18 см, узкой — 14 см. Среди 15 гончарных труб, уложенных с юга на север, три трубы на поверхности широкого края имеют орнамент в виде круглых ямок, вдавленных концами пальцев.

В 1977 году в траншее № 1 для выяснения системы укладки водопроводных труб, шедших во встречном направлении, был заложен раскоп размерами сторон: южная — 4,4 м, западная — 4,8, северная — 4,2, восточная — 5,6 м. При углублении раскопа на глубине 1,4 м было обнаружено продолжение труб, идущих в северном направлении, обнаруженных и законсервированных в предыдущем сезоне. Линия водопроводных труб в траншее № 1 (1976 г.) шла с юга на север и уходила в северном направлении под стену раскопа. При продолжении раскопа в северной стороне траншеи выяснилось, что линия водопровода с северо-запада плавно загибаясь дугой поворачивает на запад. Здесь вскрыто одиннадцать труб, которые занимают площадь в длину 5 м 30 см. Длина обнаруженных труб различная: 49, 50, 51 см. Трубы узким концом вставлены в широкий конец предыдущих труб, уложенных с запада на юго-восток, т. е. эта линия была уложена навстречу водопроводной линии, шедшей с юга на север из-под дамбы, где были соединены два узких конца труб, шедших с юга на север.

Таким образом выяснилось, что соединение труб идущих с юга на север узкими концами являются стыком двух встречных водопроводных линий, шедших с запада, северо-запада и с юго-востока. Западная часть (двенадцатая труба) линии водопровода, обнаруженной в 1977 году в

Шурф № 2. Четырехрядная линия водопроводной передачи.

северной части траншеи № 1, уходит под западную стенку раскопа. Стыки труб обмазаны и по бокам подперты одним или двумя обожженными кирпичами. Поверх обмазки стыки труб прикрывались обломками разбитых труб, примазанных сверху стыков. Некоторые трубы из одиннадцати, обнаруженных ранее (2, 4, 8, 10, 11), в широкой части имеют орнамент в виде вдавлений, сделанных концами пальцев.

В раскопе 1977 года в траншее № 1 на расстоянии 1,75 м от западной стенки на 65 см выше линии водопровода, состоящей из одиннадцати труб, уложенных с запада на юго-восток, обнаружена другая линия водопровода, идущая с юго-запада на северо-восток на 5 м 60 см. Начало этой линии обнаружено у юго-западной стены под каменными завалами. Новая линия водопроводных труб, обнаруженных в северо-западной части раскопа в траншее № 1, начинается у юго-западной стенки раскопа, дальше идет вдоль северной его стены и, плавно изгибаясь, поворачивает на восток и прерывается. Эта линия состоит из девяти труб.

В полевом сезоне 1977 года с целью выявления труб водопроводной трассы, шедшей с юго-запада на восток с западной стороны шурфа № 1 (1975 г.) на дамбе, на расстоянии 5 м от шурфа № 1 была заложена траншея размерами 10×3 м. При раскопке траншеи на глубине 3,65 м от поверхности дамбы обнаружены водопроводные трубы, уложенные в три ряда с запада на восток. От южной линии водопровода найдены всего три раздавленных трубы. От северной линии на месте укладки водопроводных труб на расстоянии двух метров с запада на восток сохранились лишь фрагменты нижней части трубы. Трубы средней линии водопровода сохранились более или менее хорошо. Здесь выявлены двенадцать труб, уложенных с запада на восток. Трубы узкими концами вставлены в широкие концы последующих труб, а стыки соединения труб плотно промазаны глиной. Трубы западного конца средней линии водопровода широкими концами уходят под западную стенку траншеи.

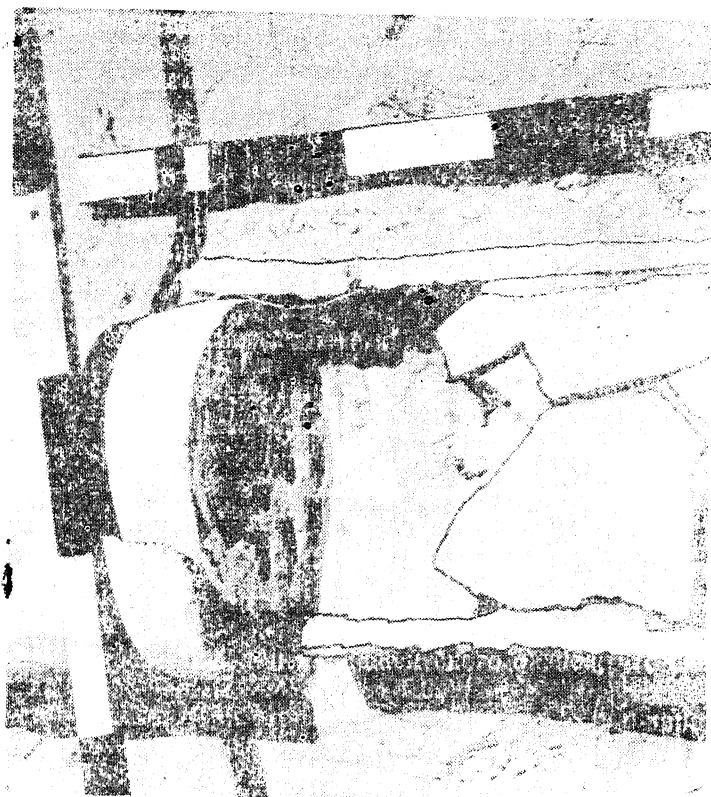
При зачистке стен траншеи, заложенной в 1977 году, западнее шурфа № 8 у основания южной стены на уровне средней линии водопроводных труб, уложенных с запада на восток на расстоянии 2 м 80 см от восточного конца траншеи и 1 м 95 см от восточного конца средней линии водопроводных труб, обнаружена гончарная водопроводная труба, аналогичная трубам найденным в траншее. Эта труба была уложена широким концом на север, узкий конец ее уходил под южную стену траншеи, т. е. она лежала перпендикулярно к трассе водопровода, идущего с запада на восток. При зачистке трубы и при углублении стены вокруг нее выяснилось, что обнаруженная труба была целой, кроме того, узкий конец трубы вставлен в широкий конец следующей такой же трубы. Узкий конец второй трубы уходил в южном направлении под дамбу. Стык между трубами был плотно замазан глиной.

Судя по положению труб, уложенных с севера на юг перпендикулярно к линии основной трассы водопровода, идущей с запада на восток, в сторону цитадели, трубы водопроводных линий, идущих с запада на восток, укладывались позже. Раскопками траншеи № 1 (1976 г.) и траншеи западнее шурфа № 8 (1975 г.) устанавливается, что на линии насыпи дамбы, юго-западнее цитадели, на расстоянии 70—80 м одна от другой были уложены две линии водопровода. Трубы первой линии, обнаруженной в траншее № 1 (1976 г.), шли с юга на север, перпендикулярно к основной трассе. Водопроводные трубы, выявленные при раскопке траншеи западнее шурфа № 8 (1975 г.) были уложены в обратном направлении, т. е. с севера на юг.

Таким образом, на участках раскопок вдоль дамбы на территории рабада городища Актобе установлено несколько водопроводных линий, уложенных в различных направлениях: с юга на север (траншея № 1 1976 г.), с юго-запада на северо-восток (шурф № 1 в конце дамбы 1975 г.), траншея западнее шурфа № 8 (1975 г.), раскопанная в 1977 году.

В полевом сезоне 1977 года в западном конце дамбы с западной стороны старого раскопа (шурф № 1, 1974 г.) была заложена траншея для выявления трассы водопровода в юго-западном направлении. Размеры ее в длину 26 м, в ширину — 9 м. Этот раскоп в дальнейшем будет называться траншеей № 2. В восточной части нового раскопа (1977 г.), у самого восточного края траншеи, на глубине 85 см обнаружены обломки водопроводных труб. При тщательной зачистке оказалось, что обнаруженные обломки являются средней частью нижних стенок труб. Средние размеры обнаруженных труб в длину 32 см, ширину 15 см. При продолжении раскопа в западном направлении установлено, что линия водопроводных труб прерывается и через 1,9 м снова продолжается на запад, протяженностью 3,5 м, затем линия опять прерывается (на 60 см), дальше в сторону запада трубы на расстоянии 8 м уложены в два ряда. Трубы южного ряда сильно разрушены. Трубы северного ряда на расстоянии 2,1 м раздавлены, а дальше в западном направлении идут целые. На стыках труб, в местах соединения трубы плотно замазаны глиной и сверху обмазки прикрыты обломками труб большого диаметра для прочности, во избежание утечки воды и для того, чтобы на стыке трубы не сдвигались. Трубы этой линии, как было уже сказано, на расстоянии 8 м целые, а дальше на расстоянии 5,2 м сильно разбиты. От труб остались лишь нижние стенки, по которым можно проследить, что здесь трубы проходили в две линии. От западного конца предыдущих линий водопровода (на расстоянии 13,7 м) трубы снова идут в два ряда. Трубы правой стороны, т. е. северной линии, почти все целы. Стыки их заложены обломками труб большого диаметра и замазаны. Трубы южного ряда разбиты, лежат в обломках. С расстояния 33,7 м от восточного конца водопроводных линий на протяжении 3,7 м в западном направлении, трубы идут в три ряда, а потом снова в два ряда и дальше на запад, до конца раскопа, трубы уложены в один ряд. Средний размер труб, выявленных при раскопе траншеи № 2: длина 50 см, диаметр широкой части — 23 см, узкой — 15 см. Толщина стенок труб 1—1,5 см, ширина втулки — «воротничка» узкой части трубы, которая входила в широкую часть трубы — 4 см.

При расчистке линий водопроводных труб на расстоянии 37 м от западного конца линии водопровода, идущей в один ряд в восточном направлении, обнаружена труба с фильтром. Она представляла собой обычную в трассе трубу с широким глухим концом, в котором были проделаны 19 отверстий, расположенных по кругу (рис. 4). Большие отверстия расположены по краям для трубы, а меньшие к середине. Размеры больших отверстий: $2 \times 2,8$ см; $2,8 \times 2,5$; $1,6 \times 2,2$ см; отверстия второго круга — среднего: $1,2 \times 1$ см; 1×1 , $1,2 \times 1$ см. Размеры центрального отверстия $1,5 \times 1,5$ см. Размеры трубы с фильтром: длина 51 см, диаметр широкой части 19,5, узкой — 12,5 см. На поверхности широкого конца трубы с фильтром нанесен орнамент в виде коротких продолговатых вдавлений, сделанных концом пальца. Труба с фильтром на стыке сверху была прикрыта обломками другой трубы.

Общий вид фильтра на линии водопроводной трассы.

Общая протяженность вскрытой водопроводной трассы в полевом сезоне 1977 года составляет около 100 м.

В полевом сезоне 1979 года по ходу вскрытой ранее водопроводной линии в юго-западной части территории городища были заложены шесть траншей. Во всех траншеях были обнаружены кубуры, уложенные узкими концами на северо-запад, т. е. в сторону цитадели. Длина водопроводной линии, обнаруженной в 1979 году, от первой траншеи до истока равнялась 290 метрам. Сохранность труб хорошая. Наличие на этом участке большого количества обломков жженных кирпичей и керамики дает основание предполагать существование здесь сооружения использовавшего воду поступавшую по водопроводной системе. Изначальное направление труб было юго-западное, описав большую дугу, к истоку они подходят с юго-восточной стороны. Истоком водопроводной системы являлся водоем-хауз площадью 2000—2500 м², куда подводилась головная часть водопровода. Сам хауз питался водой арыка, следы которого сохранились в западной части водоема. Сохранившиеся остатки арыка имели ширину 1,5 м и глубину 0,7 м. На расстоянии 1 км от устья арык имеет ответвление в северную сторону, которое к северо-востоку от вышеупомянутого хауза образует другой хауз. Второй хауз имеет почти прямоугольную форму, сужающуюся к северо-востоку. Ориентировочная площадь 500—600 м². В 5—6 метрах к северо-западу от самого узкого места второго хауза начинается новая линия водопроводной системы города. Направляется она в северо-восточную сторону, имеет небольшой, но крутой изгиб на северо-запад и через 10 метров снова принимает

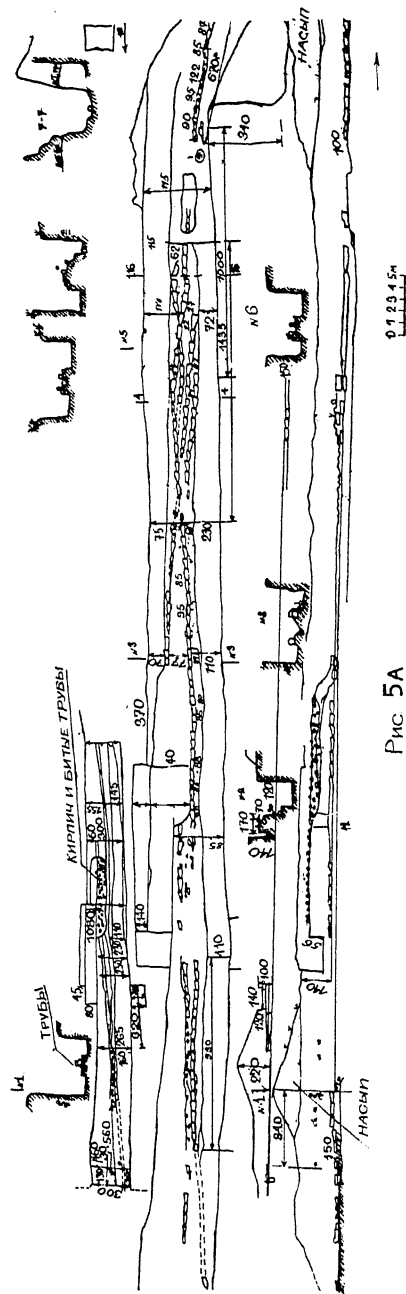

Рис. 5 А-Б. Общая протяженность вкрытой водопроводной трассы в 1977 году.

прежнее направление. Общая протяженность вскрытой части водопровода 37 м. Данная линия водопроводной системы была обнаружена на глубине 1,8 м и сложена из кубуров двух размеров. Маленьких — длиной 47—53 см, с диаметрами 14—15 см и 18—20 см и больших — длиной 71—84 см и диаметрами 19—22 см, 29—31 см. Кубуры соединены, как и в предыдущей линии, узкий конец одного соединялся с широким концом другого. Места стыковки были обложены обломками кубуров большого диаметра. Кубуры направлены узкими концами по течению воды.

Таким образом, раскопками на территории шахристана и рабада, в юго-западной части цитадели выявлен ряд водопроводных линий, снабжавших питьевой водой жителей городища Актобе. Основная трасса водопровода шла с юго-запада на северо-восток в сторону цитадели. Основной водной артерией, обеспечивавшей город питьевой водой, был магистральный канал под названием «Дода», канал пролежавший вдоль юго-западной и западной сторон городища, бравший начало из реки Аксу.

Трубы других линий уложены как в южном, так и в северном направлении, что указывает на широкое разветвление водопроводных линий по всей территории городища. Очевидно, в городе действовала сложная водопроводная система, части которой периодически приходили в негодность, местами старые трубы заменялись на новые, иные линии вообще забрасывались и прокладывались новые, иногда рядом со старыми, иногда по новым маршрутам.

Водопроводная система городища Актобе является классической кубурной системой. В благоустройстве городов Средней Азии кубуры употреблялись с древности. Наибольшее распространение они получили в X—XI вв.³ Исследуемая нами система водопровода показывает, что именно в этот период кубуры распространялись на территории южного Казахстана и прочно вошли в систему благоустройства городов.

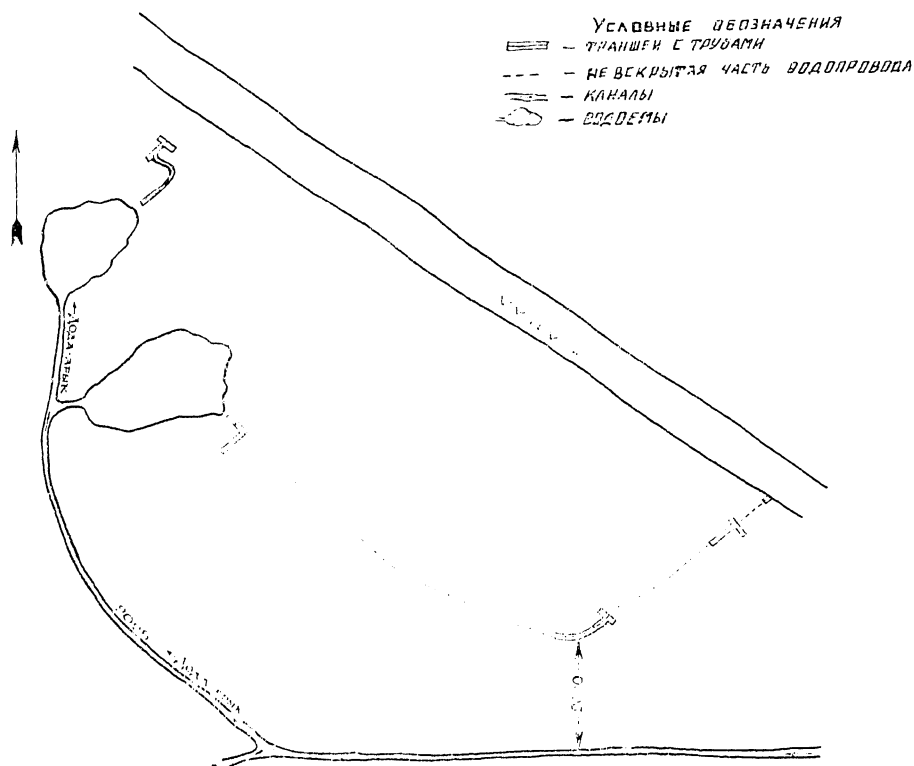
Кубуры городища Актобе представляют собой конической формы трубы длиной от 50 до 56 см, диаметры внутренних широких концов колеблются от 16 до 20,5 см, а узких внутренних концов от 10 до 15 см. Кубуры вставлялись один в другой, узкой частью в широкую часть предыдущей трубы. Все трубы с внутренней стороны имеют частые горизонтальные желобки. Трубы хорошего обжига, красноватого цвета, все они изготовлены на гончарном круге. Глубина закладки кубуров колеблется от 80 до 115 см. Количество рядов водопроводной линии колеблется от 2-х до 4-х.

В 1976 году группа студентов исторического факультета Казгосуниверситета под руководством доцента Ю. А. Богомякова занималась геодезической съемкой территории, прилегающей к городищу Актобе, и изучением уровней залегания водопроводной системы. Для обследования водопроводной линии вдоль нее по современной дамбе был проложен двойной нивелирный ход IV класса, от пикетных точек которого производилось техническое нивелирование вскрытых участков труб также дважды в оба конца.

За сезон исследована глубина залегания и уклоны водопровода во вскрытых участках на расстоянии около 500 м. Водопровод тянется с запада на восток к цитадели. Уклон непостоянен: на первом участке от цитадели на запад, протяженность которого 122 м, уклон (тангенс угла наклона) составляет 0,12032, или 12 м, понижение на 100 м, наклон труб к потребителю (цитадели); на втором участке протяженностью

70 м уклон к цитадели составляет 0,01383, т. е. 1,38 м на 100 м; на третьем участке длиной 106 м уклон равен 0,00567 или 0,56 м на 100 м труб; на четвертом участке протяженностью 105 м уклон 0,01520 или 1,52 м на 100 м; на последнем участке длиной 8 м уклон 0,17420 или 17,4 м на 100 м.

Таким образом установлено, что уклон труб достаточен для подачи самотеком воды, но это не исключает возможность снабжения водой и при наличии отрицательных уклонов на основе принципа сообщающихся сосудов. Анализ накопленных материалов дает возможность установить, что водопровод городища Актобе построен на строго инженерной основе с определенным искусственно созданным уклоном, 1 метр уклона на 100 метров трассы. По материалам раскопок были выяснены основные конструктивные приемы построения древней водопроводной системы. Установлено, что отвод боковых ответвлений водопровода от основной трассы осуществляется при помощи цилиндрических сосудов с высокими, толстыми, слегка расширяющимися кверху стенками: широкая труба основной трассы входила в одну из стенок сосуда, наполняя его,

по другим сторонам вмазывались более узкие трубы, меньшего диаметра, по которым вода текла в разветвления водопровода. Размеры сосуда-бассейна, количество возможных отводных линий зависели, вероятно, от напора воды в основной трассе, от степени наклона труб основной трассы, от количества воды в источнике, питающей водопровод. При

резком наклоне трассы, когда трубы приходилось укладывать по отвесному спуску, под уклон, использовались также толстостенные цилиндрические сосуды: конец верхней трубы вводился в верхнюю часть боковой стенки сосуда «муфты», следующая труба выводилась из нижней части противоположной стенки. Таким образом, трасса водопровода переводилась из одного более высокого горизонта в более низкий. При этом по всей длине трубы защищались от резких сгибов, сохраняли обычную прочность не давая трещин. В начале трассы располагались отстойники-хаузы, водоемы, где вода, поступающая по арыкам из речки, отстаивалась и шла в городскую водопроводную сеть. Помимо отстойников для очистки воды от механических примесей различного рода, по ходу трассы устанавливались фильтры. Они представляли собой обычные в трассе трубы с глухим концом с мелкими отверстиями по всей его площади, просачиваясь через которые вода очищалась от механических примесей.

Интересным моментом является изгиб водопроводной линии. В местах соединения кубуров при изгибах стыки их плотно замазывались глиной с примазанными сверху черепками от старых труб. При этом кубуры по бокам укреплялись поставленными вертикально кирпичами.

Таким образом, вскрытая сложная, большой протяженности система водопровода на древнем Актобе свидетельствует о высоком уровне его благоустройства.

Средневековой город Актобе, судя по накопленным в процессе раскопок материалам, являлся культурным, цивилизованным городом эпохи караханидов и представляет большой научный интерес.

¹ Кожемяко П. Н. Ранние средневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, с. 114; Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — Тр. ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 5, Алма-Ата, 1958, с. 3—210.

² Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, «Наука», 1972, с. 202—205; Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, «Наука», 1972, с. 127—128; Агеева Е. И., Сенигова Т. Н. Памятники средневековья (раскопки на Баба-ата), Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 14, Алма-Ата, 1962, с. 174, 177; Бериштам А. Н. Древние города Чуйской долины. МИА, № 14, М., 1950, с. 12; Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана, Алма-Ата, 1950, с. 59, рис. 31.

³ Массон М. Е. Новые археологические данные к изучению истории Парфии. Известия АН ТуркССР, 1952, № 5, с. 16; Вязмитина М. Н. Керамика Айртам времени кушанов. Труды ТАЭ, Ташкент, 1945, т. II, с. 38—39; Григорьев Т. В. Краткий отчет о работах ягнниольской экспедиции 1937 г., Ташкент, 1940, с. 9; Раппопорт Ю. А., Трудновская С. А. Городище Гуяр-Кала. Труды ХАЭЭ, т. II, М., 1958, с. 356; Беленицкий А. М. Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг., МИА, № 37, с. 55; Шишкин В. А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей, сб.: Афрасиаб, вып. I, Ташкент, 1969, с. 101; его же, Кала и Афрасиаб, сб.: Афрасиаб, вып. I, Ташкент, 1969, с. 144; Немцева Н. Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб, сб.: Афрасиаб, вып. I, Ташкент, 1969, с. 175, 182; Гулямова Э. Хульбук — столица Хутгаля. Душанбе, 1968, с. 40; Заднепровский Ю. А. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г., Труды Кирг. АЭЭ, т. IV, М., 1960, с. 236—237; Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957, с. 160—162; Анарбаев А. О применении кубуров в водоснабжении и канализации городов Средней Азии (материалы к истории городского благоустройства), сб. История материальной культуры Узбекистана, вып. II, Ташкент, 1974, с. 127—134.

ЖИЛИЩА ГОРОЖАН НА РАБАДЕ ГОРОДИЩА АКТОБЕ

Изучение городов Чуйской долины в историко-этнографическом плане показывает, что на городищах вокруг центральных развалин на огромной территории разбросаны остатки построек с различной степенью плотности. Они окружены длинными валами, с внешней стороны которых проходят рвы¹.

Рост плотности застроек рабада тесно связан с бурным ростом городов Средней Азии² и Казахстана³ в IX—XI вв. На рабаде концентрировалась основная масса жителей города, здесь же располагались базары, кварталы ремесленников, караван-сарай и др. общественные учреждения. В XI—XII вв. быстрым темпом происходит перенос экономического центра в рабад⁴.

Внутренняя жизнь городов Чуйской долины до сих пор изучена слабо: в 1939—1940 гг. Семиреченская археологическая экспедиция вскрыла жилой дом XI—XII вв. на территории рабада Краснореченского городища⁵. Затем в 1962—1963 гг. на городище была раскопана группа домов городских жителей.

Таким образом, раскопки жилых домов Краснореченского городища являются важным этапом в изучении внутренней застройки рабадов городов Чуйской долины⁶.

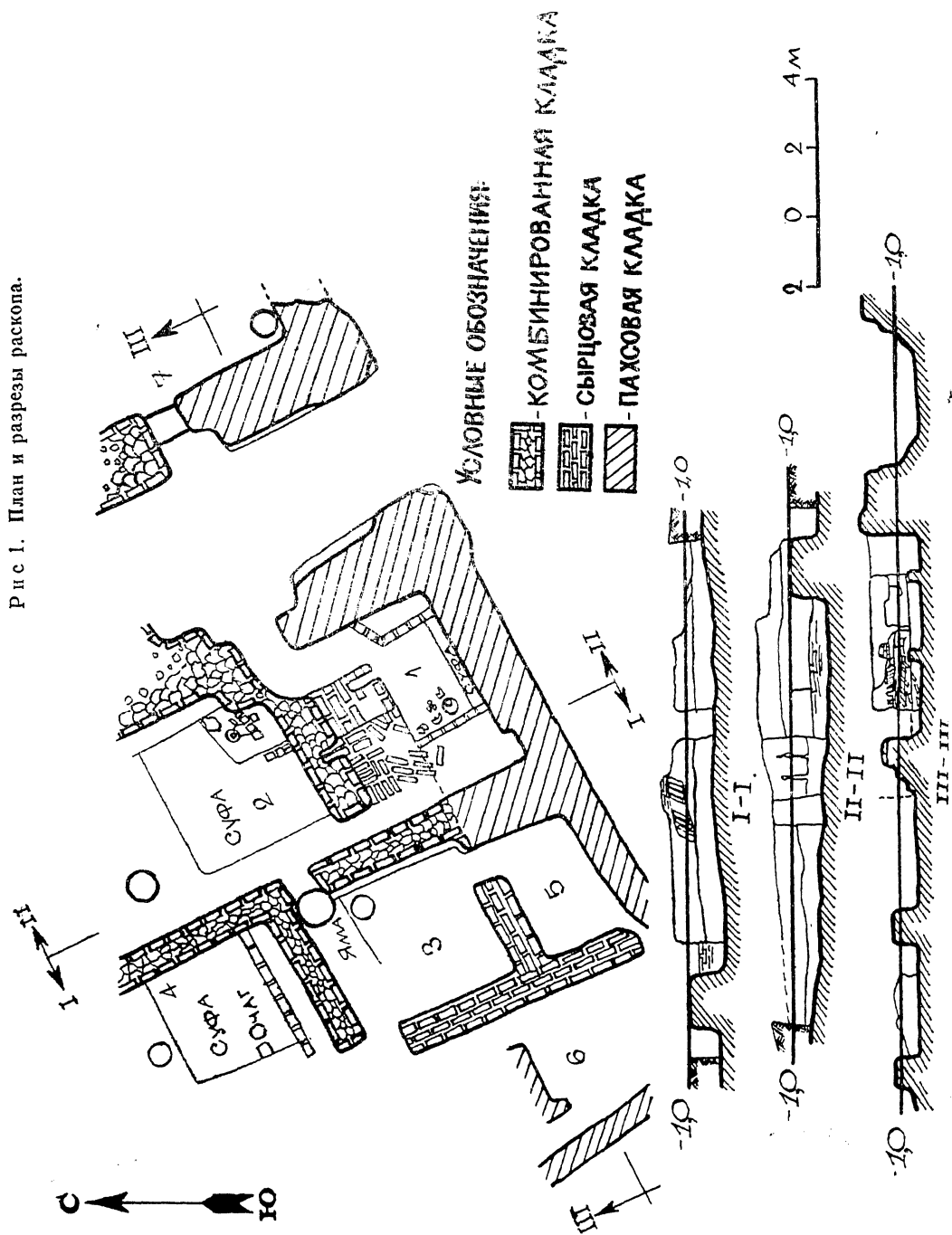
Наряду с изучением цитадели, шахристана, фортификации, водопроводной системы городища Актобе, в 1979 году был заложен раскоп на рабаде. Судя по микрорельефу, основная городская жизнь на городище Актобе была сосредоточена на рабаде. Так как к западу от центральных развалин почти в центре рабада прослеживаются тесно стоящие сильно оплывшие холмы, составляющие сплошной массив, со следами улиц в виде оплывших рвов.

На этом участке в 700—800 м к западу от цитадели был заложен раскоп на одном из крупных холмов (высота 2—2,5 м) размером 30×16 м (480 м²). Стороны ориентированы по странам света. В результате раскопок нами вскрыты часть улицы и примыкающие к ней 7 жилых помещений с одним общим входом с улицы. Обнаруженный вход имеет ширину у основания 2,7 м и расчищен в длину на 9 м. С обеих сторон вскрыты мощные стены с уступами, сохранившиеся на высоту 1,5 м. Ширина входа равняется 4 м. С уличной стороны они имеют уступ размером 0,3×0,2 м, далее на расстоянии 1,5 м стены идут ровно до отметки 1,8 м, где опять образован уступ вовнутрь на глубину 0,3 м, затем опять ровная стена на расстоянии 4,4 м и уступ глубиной 0,8 м, который соединяется с дверным проемом шириной 1,2 м. Дверной проем соединяет вход с помещением, размеры которого не установлены. В южном углу помещения расположен очаг диаметром 0,6 м.

В западной стене входа на расстоянии 4,7 м от края имеется уступ шириной 3 м и глубиной 1,25 м, который соединяется с дверным проемом дугообразной формы шириной 1,3 м. Дверной проем соединяет вход с помещением № 1 (рис. 1).

Помещение № 1 прямоугольной формы размерами 5,75×4,4 м. Внешние стены толщиной 1,75 и 3 м сложены из блоков пахсы, поверхность покрыта самановой штукатуркой плохой сохранности. Юго-западная стена толщиной от 1 м до 1,5 м сложена из пахсовых блоков разме-

Рис 1. План и разрезы раскопа.

рами 50×60 см с наклонными швами. Этими блоками сложена нижняя часть стены. Выше внешний контур стен по краю выложен сырцовыми кирпичами размерами $37-38 \times 19-20 \times 8-9$ см; $55 \times 19-20 \times 8-9$ см; а внутри заполнены комьями земли. Такая непрочная конструкция впервые зафиксирована на городище Актобе⁸. Стена имеет следы самановой штукатурки. Северо-западная стена толщиной 1,3 м длиной 3,7 м сложена из сырцового кирпича размерами $40 \times 20 \times 10-11$ см; $37 \times 18 \times 9-10$ см. На высоте 1 м от пола имеется след основания свода, служившего перекрытием помещения. Остатки рухнувшего свода лежали ровным слоем в северо-западной части помещения. Сохранившаяся высота стен 1,5—2 м. Помещение имеет три уровня пола, все постройки внутри его связаны со вторым полом. В восточном углу комнаты выявлено хранилище размерами $0,6 \times 2 \times 1 \times 1,6$ м. Стены хранилища толщиной 20 см и высотой 25 см сложены из сырцового кирпича размерами $37 \times 18 \times 9-10$ см и покрыты самановой обмазкой. В 2,5 м к юго-западу от хранилища идет перегородка перпендикулярно юго-восточной стене помещения. Сложена она из сырцового кирпича в два ряда длиной 2,65, толщиной 20 см. Между хранилищем и перегородкой, вдоль юго-восточной стены, установлена узкая суфа длиной 2,5 м, шириной 0,75 м и высотой 25 см. Поверхность суфы покрыта самановой обмазкой плохой сохранности. У северо-восточной стены перегородки расположены остатки очага, на которой имеется плохо сохранившийся хум. Вокруг очага разбросаны изделия из железа и стекла, обломки поливной керамики, две монеты караханидского времени, а также куски меди со сплавленными монетами.

В западном углу помещения в северо-западной стене имеется проход шириной 0,9 м со следами сводчатого перекрытия. Этот проход связывает помещение № 1 с помещением № 2.

Помещение № 2 шириной 6 м, длина не установлена. Юго-восточная стена помещения № 1 является северо-западной стеной помещения № 2. Северо-восточная стена толщиной 2 м, высотой 0,6 м, сложена из 43 пахсовых блоков. Юго-западная — толщиной 1 м и высотой 1 м. К юго-восточной стене примыкает суфа размерами $4,15 \times 3,75$ м, высотой 0,4 м и находится на расстоянии 1,2 м от юго-западной стены и 75 см от северо-восточной стены помещения. В восточном углу суфы имеется возвышение прямоугольной формы размерами $1,6 \times 1,4$ м, высотой $0,2 \times 0,25$ м. Поверхность возвышения выложена в один ряд жженным кирпичом размерами $22 \times 22 \times 4-5$ см, рядом фрагмент дастархана и кувшин плохой сохранности. Здесь же на полу помещения обнаружены две медные монеты. В северо-западном углу помещения расположена яма диаметром 0,8 м.

Помещение № 3 размерами $4,15 \times 4,6$ м. Северо-восточная стена толщиной у основания 1,3 м, а сохранившаяся высота 1 м является юго-западной стеной помещения № 1, сложенной из пахсы и сырцовых кирпичей. Юго-западная и юго-восточная стены сложены из сырцовых кирпичей размерами $38 \times 20 \times 8-9$; $43-44 \times 19-20 \times 8$ см. Северо-западная стена сложена из пахсовых блоков, сырцовых кирпичей, строительная техника аналогична северо-восточной стене помещения. Параллельно северо-восточной стене на расстоянии 1,1 м проходит стена длиной 1,5 м, шириной 0,2 м, высотой 0,4 м, сложенная из сырцовых кирпичей размерами $37-38 \times 19-20 \times 8-9$ см. Рядом со стеной расположен тандыр диаметром 0,65 м плохой сохранности. Рядом с тандыром обнаружена одна караханидская монета. В северном углу помещения рас-

положен проход шириной 1 м, соединяющий помещение № 1 и помещение № 3. Тут же расположена яма более позднего времени диаметром 1 м.

Помещение № 4 примыкает с северо-запада к помещению № 3 и имеет с ним общую стенку. Северо-восточная стена помещения № 4 является юго-западной стеной помещения № 2. Установленные размеры ее $4 \times 4,5$ м. На расстоянии 0,6 м от юго-восточной стены и параллельно ей проходит стенка длиной 3,75 м толщиной 0,2 м, сложенная из сырцового кирпича размером $37-38 \times 19-20 \times 8-9$ см, сохранившаяся высота 30—40 см. С северо-запада к ней пристроена суфа квадратной формы размерами $3,25 \times 3,25$ м высотой 0,25 м, сложенной из сырцового кирпича вышеуказанного размера. В юго-западной стенке суфы установлен очаг диаметром 0,3 м. К северо-западу от суфы расположена поздняя яма диаметром 0,65 м.

Помещение № 5 смежное с помещением № 1 и примыкает к нему с юго-запада, размеры его $3,75 \times 2$ м. Юго-западная стена помещения № 1 у них общая. Юго-восточная стена помещения № 5 является продолжением юго-восточной стены первого помещения. Юго-западная и северо-западная стены толщиной соответственно 0,9 и 1,1 м сложены из сырцового кирпича размером $37 \times 20 \times 8-9$ см. Сохранившаяся высота стен от 0,8 до 1,2 м. Поверхность пола и стен покрыта плохо сохранившейся саманной обмазкой.

Помещение № 6 расположено юго-западнее помещения № 5 и северо-восточная стена у них является общей. Юго-западная стена сложена из пахсовых блоков толщиной 0,8 м, сохранившаяся высота 0,7 м. С северо-запада сохранился небольшой отрезок пахсовой стены длиной 2, высотой 0,7 м. Размеры помещения не установлены.

Следует также отметить, что к северу от помещения № 6 и к западу от помещения № 3 расположен большой зольник. Зола, видимо, выносилась из жилых помещений.

При раскопках собран значительный вещественный материал, главным образом обломки поливной и неполивной керамики, изделия из железа и в незначительном количестве из стекла.

Поливную керамику составляют предметы в форме блюд, чаш, светильников. Обращает на себя внимание орнаментальное богатство росписи: эпиграфической, стилизованной, растительной и монетно-геометрической.

Фрагмент поливного блюда со слегка отогнутыми бортиками. Снаружи покрыт белой поливой, внутри на белом фоне по краю блюда четырежды повторяются букеты, каждый из них состоит из трех бутонов, стебли их сходятся к центру блюда. По краю венчика между букетами нанесен эпиграфический орнамент. Орнамент выполнен темно-коричневыми цветами (рис. 2, 1).

Другое большое блюдо диаметром 44 см также снаружи покрыто белой поливой, внутри на белом фоне нанесен зеленым цветом растительный орнамент, в виде большого листа изображенного внутри побегов, коричневым цветом нанесен эпиграфический орнамент. Растительный и эпиграфический орнаменты чередуются (рис. 2, 2).

Также эпиграфический орнамент имеет небольшой фрагмент чаши, внутри на белом фоне между линиями коричневого цвета (рис. 2, 3). Множество чаш расписаны сочетанием пятен, полос, мазков. Между геометрических полос, исполненных на белом фоне темно-коричневым и зеленым цветом, повторяются черные пятна (рис. 2, 5—10, 12).

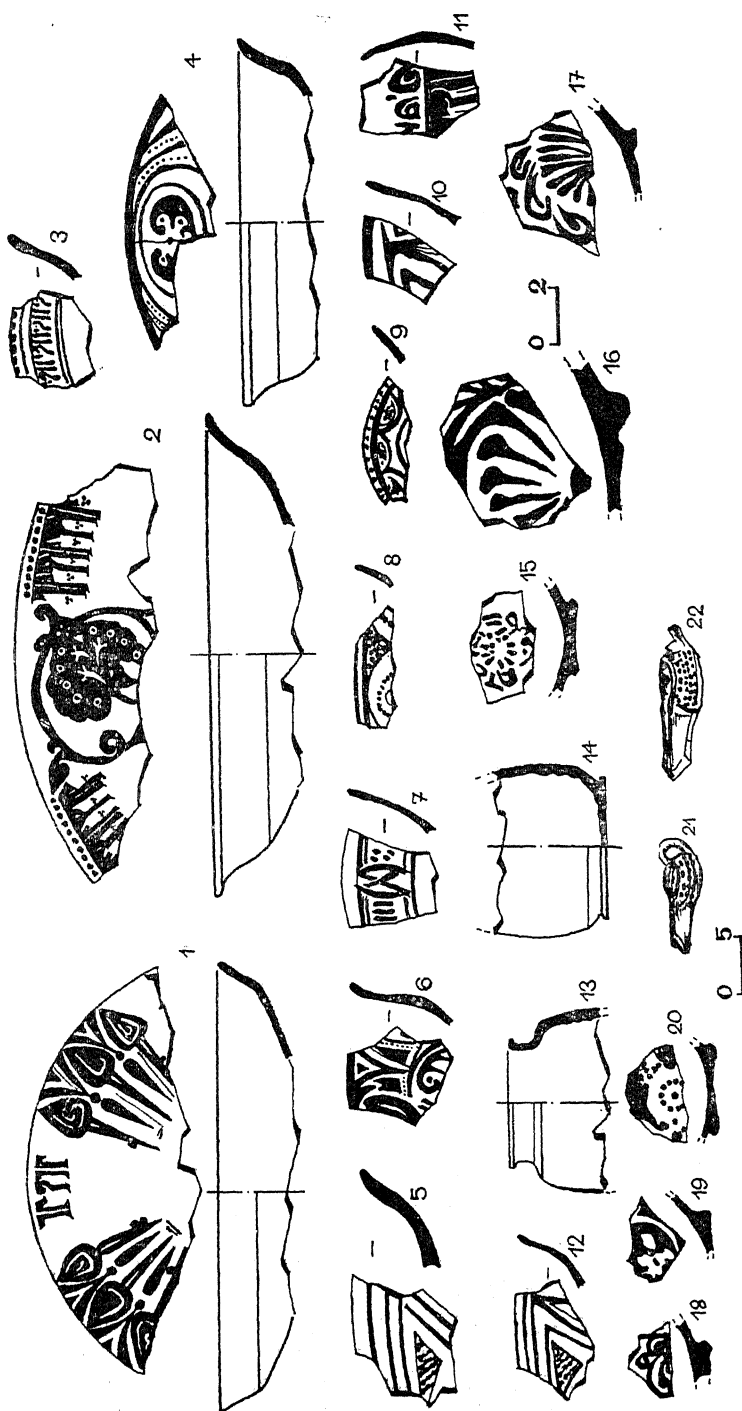

рис. 2. Поливная керамика из жилого здания.

Среди фрагментов поливной керамики имеются два фрагмента поливных банкообразных сосуда. Сохранившаяся горловина одного из них несколько сужается и венчик под прямым углом отогнут наружу. Поддон второго сосуда имеет дисковидную форму. С внутренней и внешней стороны покрыты светло-серой поливой. Несколько донцов чаш с вихревой розеткой в центре, выполненной темно-коричневым цветом, на белом фоне (рис. 2, 16—18).

Среди чаш имеются чаши с поддоном, внутри которого орнамент с зеленой поливой (рис. 2, 19).

Светильники с вытянутым носиком и петлеобразной ручкой, орнамент нанесен на белом фоне черными пятнами (рис. 2, 21, 22).

Весь комплекс поливной посуды находит широкую аналогию. Упомянутые блюда найдены и в Чуйской долине⁹, и в Таразе¹⁰. Датируются X—XII вв. Чаши по формам и манере исполнения и оформления имеют аналогию в Ташкентском оазисе¹¹, Отраре¹², датируются X—XI вв.

Вихревая розетка в украшении средневековых чаш имеет широкую аналогию в X—XII вв. — в частности, Чуйской¹³ и Таласской долинах¹⁴. Светильники имеют аналогии на Краснореченском городище X—XII вв.¹⁵

Хумы (рис. 3, 1—3) представлены фрагментами гончарного производства, изготовлены из теста с примесью песка, обжиг красноватый, покрыты красновато-коричневым ангобом. Венчик хумов диаметром от 39 до 43 см, отогнутый наружу, подтреугольный в сечении. По описанию, подобные хумы известны в керамике Кулана¹⁶ (XI—XII вв.).

Фрагмент кувшина (рис. 3, 4) имеет коленчатую ручку прикрепленную под венчиком (диаметр венчика 11 см).

Горшкообразный сосуд (рис. 3, 5) с клювообразным в сечении венчиком, скошенным наружу, диаметром 19,5 см. Ручной лепки из теста с примесью песка и мелко дробленной извести. Обжиг качественный, сосуд покрыт светло-красноватым ангобом.

Фрагмент горшка (рис. 3, 6) миниатюрно изготовленный на круге, из теста без примесей, тонкостенная, светло-серого обжига. Сосуд имеет невысокую цилиндрическую горловину высотой 2,5 см с закрашенной слегка отогнутой наружу диаметром 9 см. Вся поверхность покрыта оранжевым ангобом. Ручка петлеобразная прикреплена в верхней части тулова.

Аналогичные горшки известны в слое X—XI вв. Отрара¹⁷.

Найдены донные части сосудов (рис. 3, 7—8). Одна из них у нижней части тулова имеет орнамент, состоящий из горизонтальных полосок, середина которых заполнена короткими линиями.

Фрагмент кружки (рис. 3, 9), ручной лепки изготовлен из хорошо отмученной глины. Черепок в изломе серого цвета, покрыт светло-серым ангобом. Сосуд с прямым слабо выраженным невысоким горлом, плавно переходящим в округлое тулово. Петлевидная ручка одним концом прикреплена на плечиках сосуда, а вторым концом — на венчик сосуда.

Светильники (рис. 3, 10—11). Это невысокие плошки высотой 1,5—2 см, диаметром 10,5 и 11 см.

Дастарханы (рис. 3, 12—17). Все они относятся к одному типу, представляющему собой круглую столешницу, которая опирается на высокий кольцевидный поддон. Размеры столешницы колеблются от 48 до 69 см. Диаметр кольцевого поддона в два раза меньше, высота его от 10 до 20 см. Тесто, из которого лепились дастарханы, содержит примесь песка и дресвы.

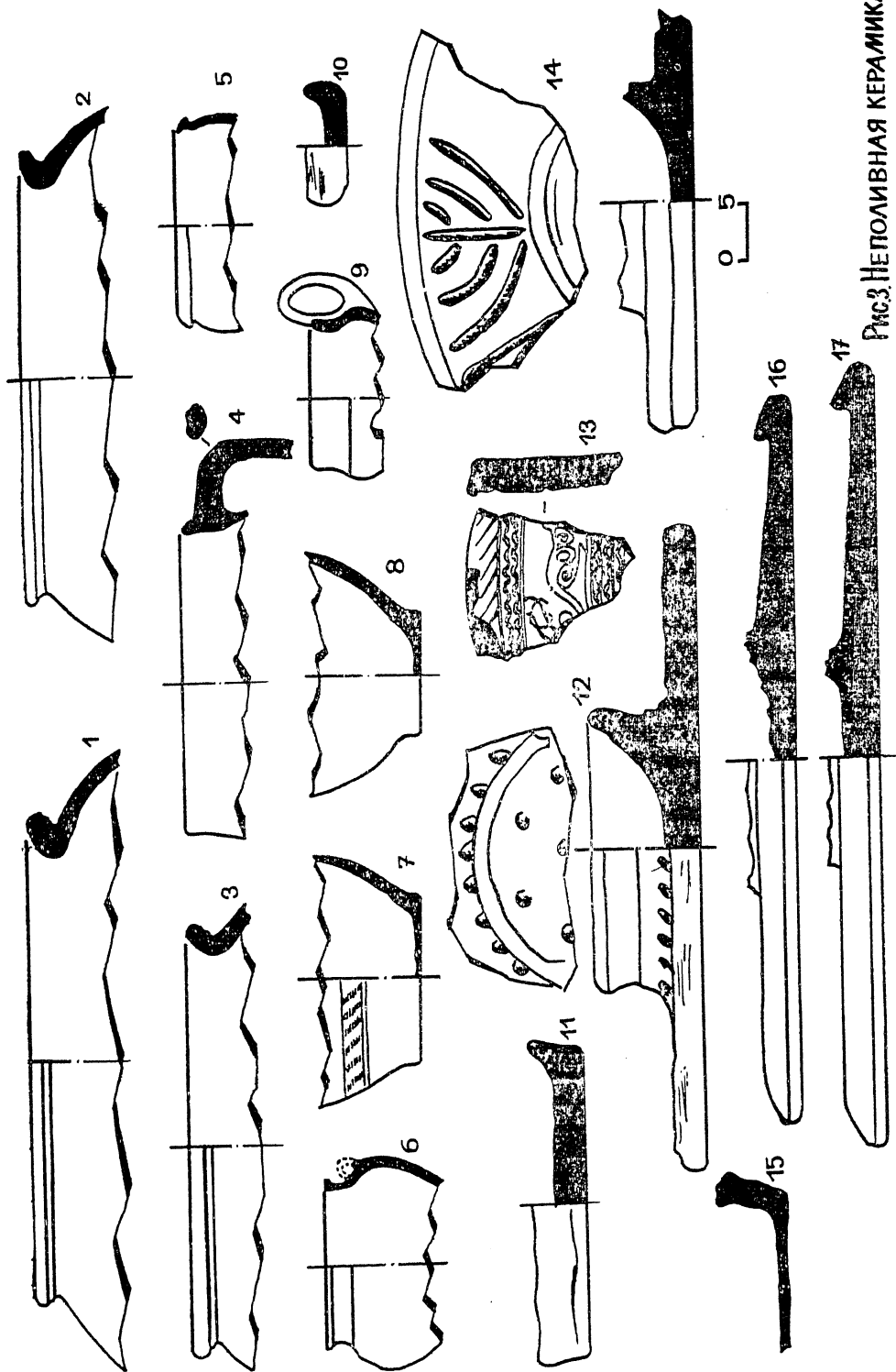

Рис. 3 НЕПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА

Столики тяжелые, массивные. Рабочая поверхность заглажена до блеска. Обратная сторона, к которой прикрепляется поддон, в трех дастарханах гладкая (рис. 3, 15—17). В одном дастархане обратная сторона гладкая, лишь поверхность и его основание орнаментированы пальцевыми вдавлениями. Фрагмент другого дастархана орнаментирован пальцевыми вдавлениями, мотив орнамента напоминает ветви дерева (рис. 3, 14).

Особо следует обратить внимание на фрагмент дастархана с прорезным орнаментом (рис. 3, 13). Вся поверхность его украшена резным орнаментом. Элементы украшения — стилизация растительных мотивов, зигзаги.

Вышеописанные дастарханы имеют аналогию по орнаменту с дастарханами Чуйской долины¹⁶.

В раскопе, в основном в помещении № 1, где имелось сводчатое перекрытие, собран небольшой комплекс из железа. Из них многие железные куски не имеют никакой формы, и назначение их непонятно. Среди них находится несколько кусков меди со сплавленными монетами, видимо, вторично использованными в качестве металла.

Из железных изделий, назначение которых можно определить, это железные гвозди со шляпками (рис. 4, 3, 4), предметы дверной принадлежности (рис. 4, 1, 7—9), небольшие инструменты назначения которых определить не удалось (рис. 4, 2, 14, 15). Наконечник стрелы (рис. 4, 6), рамка железной ременной пряжки (рис. 4, 10). Из них наибольший интерес представляют маленькие ювелирные железные сосуды. Размеры от 3 до 5 высотой, диаметром 2—3 см. Рукоятка ножа (рис. 4, 16). Железная трубка диаметром 2,5 см (рис. 4, 5).

Найдено также несколько фрагментов изделий из стекла — очень тонкостенные венчики, ручка, фрагмент донца (рис. 4, 18—12). Пуговица из кости (рис. 4, 23). Поливная пряслица желтоватого цвета (рис. 4, 24), каменное точило (рис. 4, 25).

Железные изделия и изделия из стекла показывают, что помещение № 1 имело функцию мастерской рядового ремесленника.

Таким образом, жилое здание (или жилой комплекс) в центре городища Актобе, опираясь на вышеприведенные аналоги, можно датировать X—XII вв.

Жилые здания XI—XII вв. раскопаны в ряде городов Средней Азии¹⁹, отдельные жилые дома в Чуйской и Таласской долинах²⁰.

В постройке жилых зданий этих городов использовались приблизительно одинаковые строительные материалы такие как пахса, сырец, однако в планировке помещений есть существенные различия²¹.

Жилые здания на густо сосредоточенной застройке рабада Актобе имеют свою специфику. Нельзя считать, что постройки это отдельные усадьбы или дома, скорее всего это часть жилых домов одного из кварталов в центральной части рабада. Это заключение можно сделать на основании входа со стороны улиц, монументальности стен вдоль улиц. Жилые дома Краснореченского городища отличаются богатством внутренней орнаментации, что отсутствует в Актобе.

Строительная техника и планировка жилых зданий городища Актобе имеет свои особенности. Так помещение № 1 имеет следы свода, остальное по мнению В. Л. Ворониной, с балочными перекрытиями²². Судя по непрочной конструкции, бедной архитектурной декорации, здание раскопанное на Актобе принадлежало рядовым ремесленникам города.

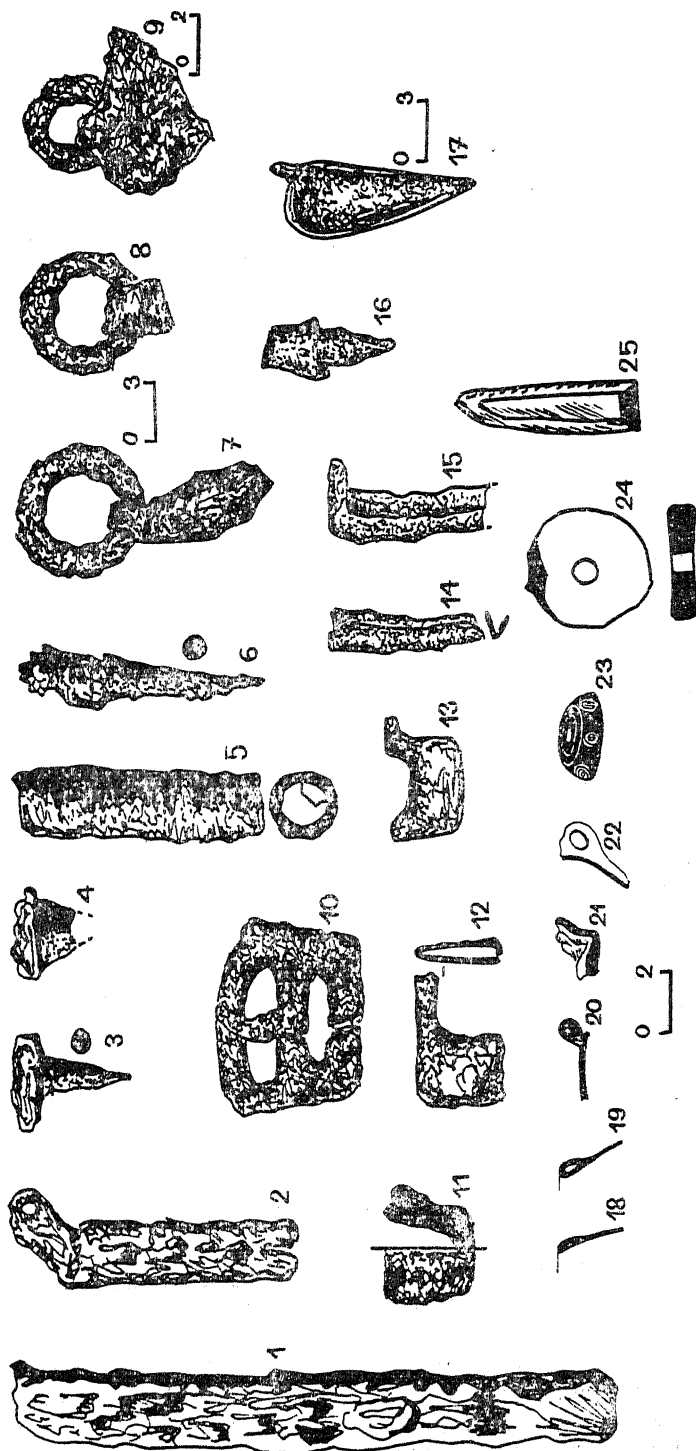

Рис. 4. Находки из раскопа - ЖЕЛЕЗО (1-17), СТЕКЛО (18-19), ПРЯСЛИЦА (24), ПУГОВИЦА (23), ТОЧИЛО (25).

Изучение густо застроенной части рабада доказывает необходимость продолжения раскопок на этом участке города. Это даст возможность проследить жизнь городов Чуйской долины.

- ¹ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, с. 65.
- ² Большаков О. Г. Некоторые вопросы изучения среднеазиатского города VIII—XII вв. в свете общей проблематики истории городов Востока. — КСИА АН СССР, № 122, 1970, с. 98.
- ³ Байпаков К. М. Некоторые вопросы изучения средневековых городов юга Казахстана. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1975, № 5, с. 36. Его же. О численности оседлого населения Илийской долины в Средневековье. — В сб.: «В глубь веков». Алма-Ата, с. 192.
- ⁴ Байпаков К. М. Некоторые вопросы изучения средневековых городов, с. 37.
- ⁵ Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина» — МИА, № 14, 1950, с. 43—46.
- ⁶ Кожемяко П. Н. Раскопки жилищ горожан XI—XII вв. на Краснореченском городище. — В кн.: Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967, с. 53—91.
- ⁷ Шалекенов У. Х., Елеуов М. Е., Алдабергенов Н. О. Раскопки на цитадели городища Актобе. — В кн.: «Вопросы истории социалистического и коммунистического строительства в Казахстане. Алма-Ата, 1978, с. 167—179.
- ⁸ Воронина В. Л. Элементы строительной и художественной культуры городища Актобе. См. настоящий сборник, с.
- ⁹ МИА, 14 с. 136—138, табл. 1, XXXIII — I XXXIV.
- ¹⁰ Сенигова Т. Н. Орнаментальные узоры на керамических сосудах VI—IX веков. — В сб.: «В глубь веков». Алма-Ата, 1974, с. 140.
- ¹¹ Древности Ташкента. Ташкент, 1976, с. 101—102.
- ¹² Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 97.
- ¹³ Кожемяко П. Н. Раскопки жилищ горожан. Фрунзе, 1967, с. 65.
- ¹⁴ Кожемяко П. Н. Оседлые поселения Таласской долины. В кн.: — Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, с. 149. Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, с. 157.
- ¹⁵ Кожемяко П. Н. Раскопки жилищ горожан, Фрунзе, 1967, с. 64.
- ¹⁶ Байпаков К. М. Керамика средневекового Кулапа. — В сб.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, с. 95.
- ¹⁷ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Указ. раб., с. 100, рис. 54, 1, 2.
- ¹⁸ МИА, 14 с. 129—130. Табл. I XXIII, I XXIV.
- ¹⁹ Шишкин В. А. Городище Варахша. М., 1963, с. 101—104.
- ²⁰ Кожемяко П. Н. Раскопки жилищ горожан XI—XII вв. на Краснореченском городище, с. 55. Его же. Оседлые поселения Таласской долины, с. 160—166.
- ²¹ Кожемяко П. Н. Раскопки жилищ горожан, Фрунзе, 1967, с. 89.
- ²² Воронина В. Л. Элементы строительной и художественной культуры городища Актобе. См. настоящий сборник.

М. ЕЛЕУОВ

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ ШАХРИСТАНА ГОРОДИЩА АКТОБЕ

Изучение древних оборонительных сооружений занимает особое место в исследовании средневековых городов Южного Казахстана, ибо укрепления составляют один из существенных элементов городского организма. Поэтому археологическая экспедиция университета, изучая городище Актобе, уделяет много внимания его фортификационной системе.

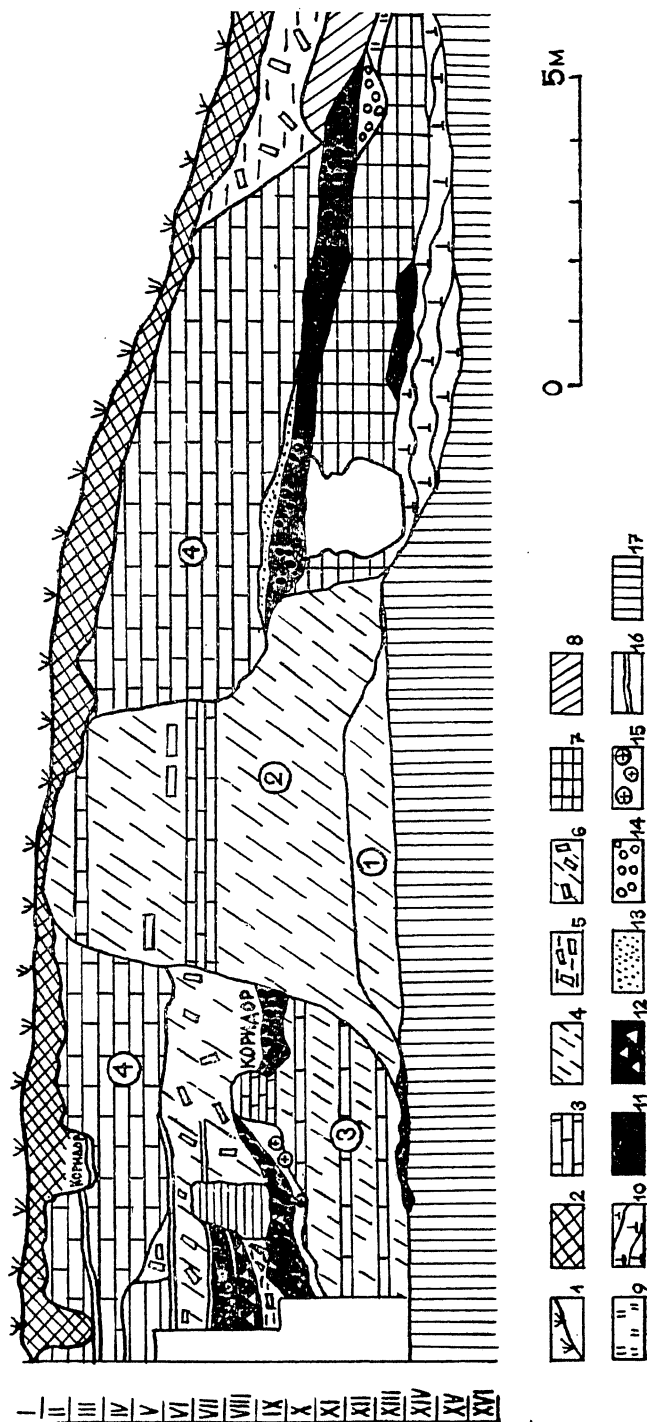

Рис. 1 Разрез крепостной стены Шахристана.

Условные обозначения:

1-деревянный слой; 2-опилки; 3-кирпичная кладка; 4-паксовая кладка; 5-разрушенный слой сырового кирпича; 6-плотный завал с кусками сырового кирпича и паксы; 7-плотный слой лесса; 8-плотная глина; 9-натечные прослойки; 10-волотный слой; 11-золяник; 12-зола с керамикой; 13-песок; 14-гумус; 15-обуглившиеся балки; 16-уровень полов; 17-материк.

Оборонительные сооружения Актобе в свое время были описаны Г. И. Пацевичем¹ и П. Н. Кожемяко². Однако Г. И. Пацевичем не были произведены специальные раскопки, а П. Н. Кожемяко ограничился лишь закладкой разрезов на внутренних и внешних валах³.

В 1977—1978 гг. с целью выявления времени появления и фортификационных особенностей крепостной стены шахристана на ее северо-восточном фасе был заложен разрез шириной 1,5 м, длиной 22 м с расширением в западной части до 7 м. Общая толщина культурного слоя в данном участке к началу раскопок достигала 6,5 м от реперной точки, установленной рядом с разрезом. Весь разрез был разбит на 22 квадрата, вертикальная фиксация шла по ярусам (рис. 1).

В итоге проведенных раскопочных работ выявлена сложная картина культурных напластований, определены четыре периода функционирования крепостной стены шахристана. Описание их дается от нижних культурных слоев к верхним.

Первоначальная стена возведена на материковом слое из монолитной пахсы без фундамента. Ширина стены 7,5 м, сохранившаяся высота 0,8—1 м. С внешней стороны проходит ров шириной 10 м, глубиной 2 м. К основанию стены внутренней стороны примыкает культурный слой (0,2—0,3 м), состоящий из рыхлой земли и золы.

Во второй период существования гребень старой крепостной стены был сnivelирован и сверху возведена пахсовая платформа высотой 2,5 м, шириной в верхней части 8,5 м, в нижней 9,5 м. На ней сооружена стена приемом комбинированной кладки. Основание стены находилось в 2,5 м от внешнего края платформы, в результате чего на платформе образован выступ шириной 2,5 м. Нижняя часть стены сложена из пахсы толщиной 0,4 м, над слоем пахсы уложены три ряда сырцового кирпича размером 42×25×10,5 см. Выше них слой пахсы толщиной 1,8 м, а над ним

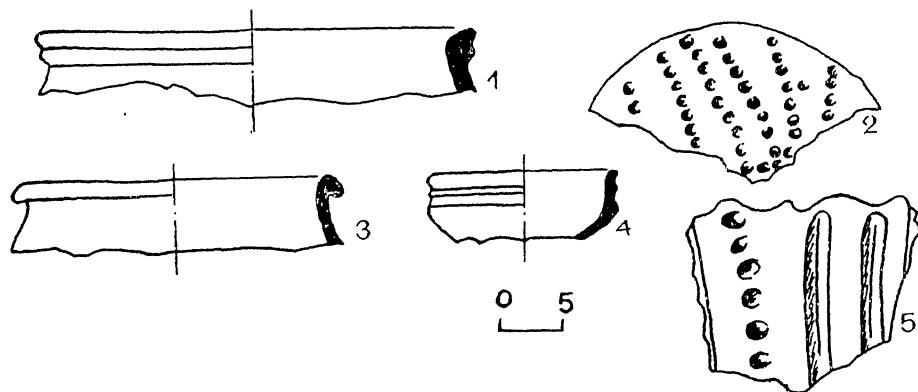

Рис. 2 КЕРАМИКА ИЗ РАЗРЕЗА

один ряд сырцового кирпича размером 40×25×8,5—10 см, еще выше слой пахсы толщиной 0,8 м. Сохранившаяся высота крепостной стены 3,5 м, ширина в верхней части 5 м, в нижней 6 м. С внутренней стороны стена отвесная. Внешняя поверхность стен (в соответствии с обычными требованиями фортификации) с наклоном в 70—75°, образованным с помощью небольших отступов в процессе кладки, эти отступы выравнивались при помощи глинобитной обмазки. Подобная крутизна затрудняла

штурм крепостной стены с помощью лестницы и обеспечивала хороший обстрел противника. В результате выступа платформы внешний фас стены приобрел ступенчатый профиль. Этот фортификационный элемент В. Л. Ворсинна наблюдает у южных стен пенджикентского шахристана, где ступенчатый выступ (берма) достигает высоты 4 м над уровнем прилегающей местности, а откос ее составляет около 30° и является начальной фазой развития элементов фортификации⁴.

Завершение стен не сохранилось, не исключено, что оно было зубчатым — прием очень распространенный в Средней Азии и Южном Казахстане в феодальную эпоху⁵.

С внутренней стороны непосредственно к платформе примыкает помещение, в восточной части которого расположено возвышение типа суфы размером 1,5×2,7 м, высотой 0,2 м. Стены помещения сохранились на высоту 0,6 м, при толщине 0,7 м и сложены из темно-коричневого сырцового кирпича толщиной 9—10 см. Возможно, что вскрытое нами помещение караульное.

К третьему периоду относится площадка с коридором, имеющим пандусный подъем, пристроенный с внутренней стороны крепостной стены II периода. Площадка шириной 4,5 м, сооружена приемом комбинированной кладки. Основание сложено из пахсы толщиной до 1 м, а выше слои пахсы шли попеременно с кладкой сырцового кирпича размером 49—50×24×7—8 см. Коридор шириной 2 м, со стенами из сырцового кирпича того же формата, что и площадка. Наклон площади с коридором в среднем равнялся 25 см на 1 м. Эта цифра дает возможность вычислить длину коридора, начинавшегося на уровне 0,2—0,3 м от материка.

Если считать, что ныне сохранившаяся высота стены II периода ниже первоначальной примерно на 1—1,5 м за счет разрушения зубчатого завершения, то платформа и крепостная стена возвышались над уровнем материка примерно на 7—7,5 м. Следовательно, длина коридорчика (если исходить из того, что наклон его пола на всем протяжении оставался примерно одинаковым), должна была равняться 24—26 м.

Пристройка с внутренней стороны к крепостной стене площадки с коридором может объясняться несколькими причинами: во-первых, пристройка выполняла функцию контрфорса; во-вторых, она облегчала доставку на смену, орудий обороны и переброску резервов; в третьих, площадка с коридором могла служить вместо лестницы, ведущей к угловой башне.

Крепостные стены с коридором с внутренней стороны известны в округе Тараза⁶, а судя по гребням стен других городов Средней Азии, такой ход соединялся с внешними площадками округлых башен⁷.

К стене коридора с внешней стороны примыкали хозяйственные помещения, на уровне пола которых найдено большое количество фрагментов керамики. Расчищен небольшой очаг, найдены три монеты. Со временем эти помещения были забутованы и на новом снивелированном уровне сооружены очередные хозяйственные постройки, на уровне пола которых обнаружена кирпичная вымостка, яма, тандыр, керамика и монета.

В четвертый период постройки, примыкавшие к стене, были забутованы, а над ними возведена стена из сырцового кирпича размером 42×25×8—10,5; 44×22—23×9; 45×24×10—10,5; 46×25×8—9 см, сохранившаяся на высоту до 3 м. Эта стена по внутреннему и внешнему фасаду несколько выступает за линию ранних стен, достигнув толщины 15 м. С внутренней стороны имеется коридор шириной 1 м. По-видимому, это

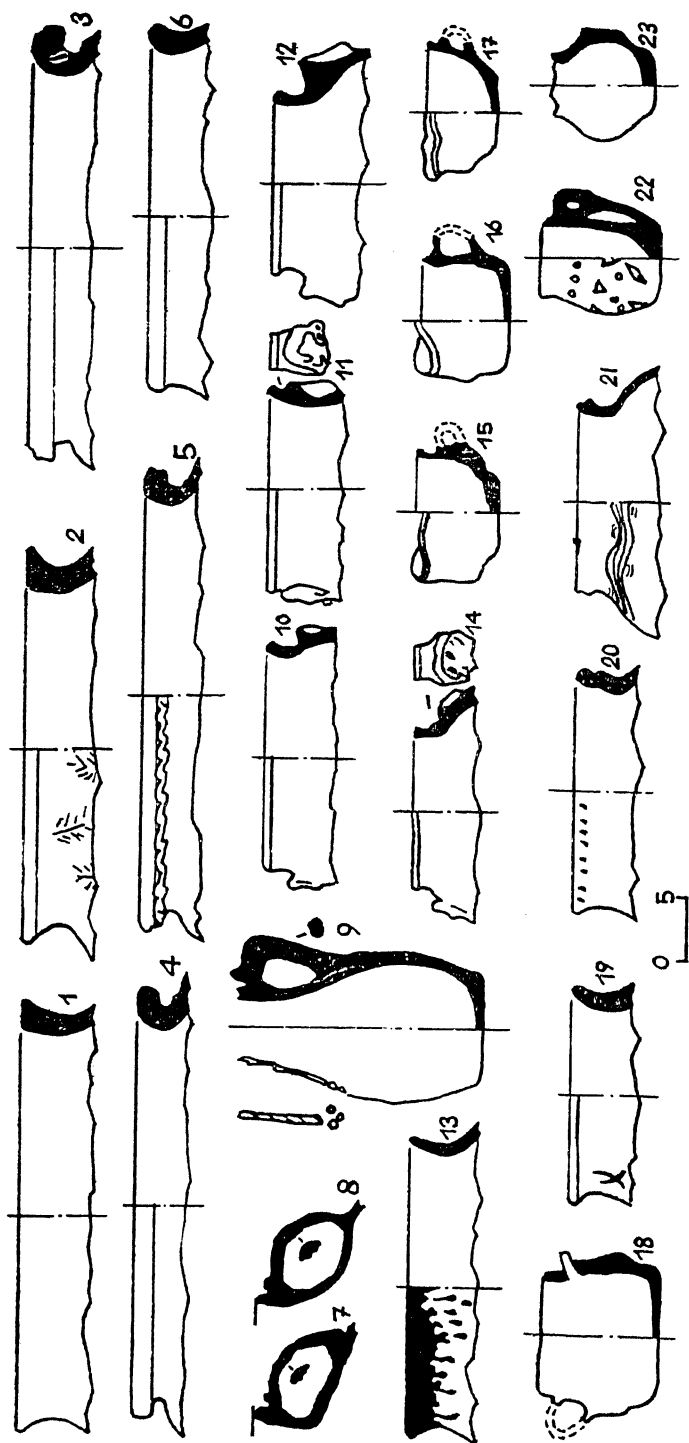

Рис.3 КЕРАМИКА ИЗ РАЗРЕЗА

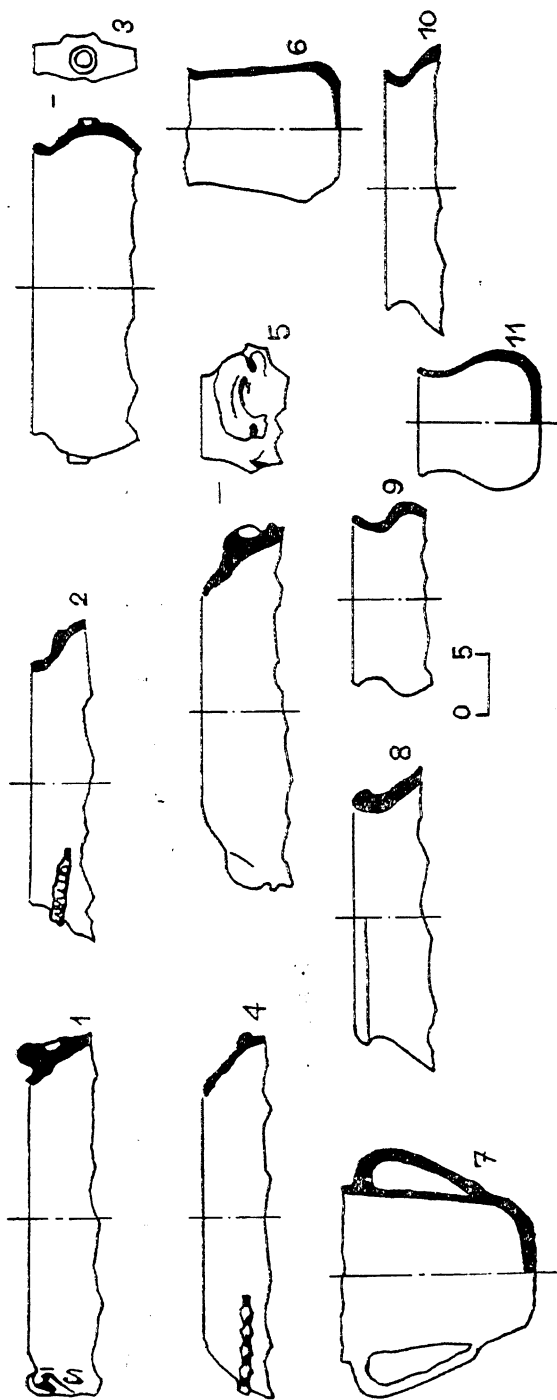

Рис.4 Керамика из разреза

последний период существования стены, так как позже она перестает выполнять оборонительные функции. Об этом свидетельствуют обнаруженные в верхних слоях помещения жилого и хозяйственного назначения, построенные на оплывах стены четвертого периода.

Остановимся на датировке выделенных нами периодов, взяв за основу хронологических определений полученные керамические комплексы и нумизматический материал.

Время существования первого периода определяет керамический материал, полученный из культурного слоя, примыкавшего к стене (рис. 2, 1, 2). Для керамики этого периода характерно наличие хумов с широким устьем и венчиком в виде ободка, отогнутого наружу, покрытых красноватым ангобом. Аналогичные хумы известны в нижних слоях Тараза⁸ и Отрара⁹ и датируются IV—VI вв. Близкие аналоги актовинским хумам известны в верхнем строительном периоде Актобе — 2¹⁰. Исходя из этих аналогий, можно, по-видимому, датировать период функционирования первой крепостной стены V—VI вв.

Второй период датируется VI—VII вв. В кладке самой стены, а также на уровне пола помещений, примыкающих к платформе, найдены фрагменты горшка, чаши и крышки (рис. 2, 3—5).

Фрагмент горшка имеет округлое тулово, горловину диаметром 20 см, заканчивающуюся клювообразным в сечении венчиком, отогнутым наружу. Аналогичные горшки широко известны в нижнем культурном слое городища Актобе — 1¹¹. Чаша с коленчатым перегибом тулова по форме, материалу и технике изготовления находит аналогию в слоях IV—VI вв. Тараза¹².

Датировка третьего периода определяется керамическим и нумизматическим материалом, полученным на уровне полов помещений, пристроенных к стене коридора и в самом коридоре (рис. 3).

Среди них очень разнообразны сосуды типа хумов (рис. 3, 1—6). Их по форме венчика можно условно разделить на три типа. Первый (рис. 3, 1, 2) — хумы со слегка отогнутым наружу венчиком и плоским, относительно широким бережком. Аналогичные хумы известны в Отраре в керамике VII—VIII вв.¹³

Второй тип (рис. 3, 3—5) — хумы с резко отогнутыми наружу подтреугольными и подпрямоугольными в сечении венчиками, разделенными по наружной стороне горизонтальным желобком. Эти хумы, в одном случае, полностью покрыты красноватым ангобом, а в другом — лишь внутри по горлу плотным грязно-бледным ангобом. Хумы этой группы имеют большое сходство с хумами еще более ранних памятников, например, на поселении Актобе — 2, такие хумы найдены как в верхнем строительном периоде¹⁴, так и в нижнем (в верхнем слое цитадели, во дворце, в помещении 8 под стенами верхнего строительного периода), а также в керамике нижнего горизонта Шаушукумтобе¹⁵ и в слое VII—VIII вв. Отрара¹⁶.

Третий тип (рис. 3, 6) — хум с отогнутым наружу и слегка утолщенным сверху венчиком. Подобные хумы находят аналогию с хумами верхнего строительного периода Актобе — 2¹⁷.

В керамике этого периода встречен кувшин со сферическим туловом и узкой горловиной (рис. 3, 23). Аналогичные кувшины встречаются в слое IV—VI вв. Тараза¹⁸.

Характерны для этого времени кувшины с узким горлом и коленчатой ручкой (рис. 3, 7, 8) и кувшин с треугольными в сечении налентами под сливом с косыми насечками по обеим сторонам (рис. 3, 9). Аналогич-

ные кувшины известны в слое VI—VIII вв. Чуйской долины¹⁹ и в Пенджикенте в слое VII—VIII вв.²⁰

Котлы (рис. 3, 10, 14) имеют шаровидное тулово, со слегка отогнутым наружу венчиком и различаются в большинстве случаев только оформлением верхней части (венчика, шейки). Близкие аналогии нашим котлам находим в керамике Чуйско-Таласских долин²¹, на территории Южного Казахстана²² и в Ташкентском оазисе²³.

Найдены фрагменты кружек с волнистым бортом (рис. 3, 15—17). Аналогичные кружки известны в коллекциях Тараза²⁴, Пенджикента²⁵ и замка Зартепе²⁶.

Горшки двух типов: кухонные (рис. 3, 18—20), столовые (рис. 3, 21—22). Подобные кухонные горшки были найдены в нижних слоях Тараза²⁷ и в керамике Южного Казахстана²⁸, столовые горшки — в слое VII—VIII вв. Отара²⁹.

Время существования третьего периода уточняют четыре тюргешские монеты. Три из них найдены возле очага на уровне пола помещения, примыкавшего к стене коридора, а четвертая на уровне пола хозяйственной пристройки. Монеты датированы концом VII началом VIII вв.³⁰

На основании керамического материала и тюргешских монет третий период, а вместе с ним и помещения, примыкавшие к стене коридора, можно отнести к VII— началу VIII вв.

В керамике четвертого периода встречаются котлы со сферическим туловом и широким устьем с отогнутым наружу венчиком (рис. 4, 1—3). Вместе с тем появляются котлы с вытянутым туловом и плавно загибающейся верхней частью со скошенным венчиком (рис. 4, 4, 5). Подобные котлы были найдены в керамике Чу—Таласских долин³¹ и Ташкентского оазиса³².

Сосуды баночной формы двух типов. Один из них имеет широкий отогнутый под прямым углом, треугольный в сечении венчик, тулово цилиндрическое; дно плоское (рис. 4, 6). Второй тип баночных сосудов имеет цилиндрическое тулово, слегка расширяющееся кверху, венчик в виде слабого отогнутого наружу заостренного края, две вертикальные ручки (рис. 4, 7). Аналогичные сосуды первого типа известны в Чуйской долине³³ и Южном Казахстане³⁴, а второго типа из Ново-Покровского городища³⁵.

Встречены фрагменты горшков с овальным туловом и шейкой, образованной отгибом края стенки наружу (рис. 4, 9—11). Аналогии данным сосудам известны в материалах IX—XI вв. Ташкентского оазиса³⁶, а также в слое X—XI вв. Отара³⁷.

На основании керамического материала четвертый период стены датируется X—XI вв.

Итоги археологических исследований крепостной стены северо-восточной части шахристана прежде всего поколебали ранее сложившееся мнение о времени возникновения и существования города³⁸ и позволяют заключить, что шахристан начал складываться в V—VI вв.

Несомненно, дальнейшее изучение оборонительных сооружений городища Актобе даст нам ценный материал по его истории и культуре и дополнит наши знания о средневековой фортификации городов Южного Казахстана.

¹ Пацевич Г. И. Джамбулский археологический пункт ИИАЭ АН КазССР за 10 лет (1938—1948 гг.). Рукопись архива отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, инв. 52, 1962.

² Кожемяко П. Н. К исторической топографии средневековых поселений

- Чуйской долины. — Тр. ИЯЛИ АН КиргССР, Фрунзе, 1965, вып. V; его же. Из истории раннесредневековых поселений Чуйской долины. — Тр. ИИАН КиргССР, Фрунзе, 1958, вып. IV; его же. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959; его же. К вопросу о топографии средневековых поселений Чуйской долины. — Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии (29 октября — 4 ноября 1951 г., Сталинобад). М.-Л., 1959.
- ³ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения..., с. 113, рис. 23.
 - ⁴ Воронина В. Л. Раннесредневековый город Средней Азии. — СА, 1959, I, с. 94.
 - ⁵ Кошеленко Г. А. Фортификация Парфии. — СА, 1963, 2, с. 60; Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, с. 136; Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, с. 76.
 - ⁶ Сенигова Т. Н. Указ. работа, с. 76.
 - ⁷ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 56—72.
 - ⁸ Мерщнев М. С. К вопросу о стратиграфии нижних слоев Тараза. — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 41, рис. 2, 20, 21.
 - ⁹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 87, рис. 41, 1, 2.
 - ¹⁰ Максимова А. Г., Мерщнев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, с. 40, рис. 16, 1.
 - ¹¹ Там же, с. 154, рис. 22, 1, 2.
 - ¹² Мерщнев М. С. Указ. работа, с. 42.
 - ¹³ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Указ. работа, с. 88, рис. 42, 2.
 - ¹⁴ Максимова А. Г., Мерщнев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Указ. работа, с. 40, рис. 16, 16, с. 44, рис. 17, 1, 16.
 - ¹⁵ Там же, с. 98, табл. III.
 - ¹⁶ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Указ. работа, с. 87, рис. 40, 13.
 - ¹⁷ Максимова А. Г., Мерщнев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Указ. работа, с. 40, рис. 16, 2, 4.
 - ¹⁸ Мерщнев М. С. Указ. работа, с. 41, рис. 2, 18.
 - ¹⁹ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения..., с. 24, табл. II, 1, 2.
 - ²⁰ Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.). — МИА, 1964, № 124, рис. 19, 12—18.
 - ²¹ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения..., с. 24, с. 25, табл. 1, 5, 8; Бубнова М. А. Средневековое поселение Актобе I у с. Орловки. В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, с. 142, рис. 9, 57; Байпаков К. М. Керамика средневекового Кулана. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 79, рис. 2, 2, 3.
 - ²² Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — Тр. ИИАЭ АН КазССР, Алма-Ата, 1958, т. 5 (археология), с. 172, рис. 90.
 - ²³ Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975, с. 114, рис. 50, 4, 6.
 - ²⁴ Ремпель Л. И. Некрополь древнего Тараза. — КСИИМК, 1957, вып. 69, с. 104—106.
 - ²⁵ Бентович И. Б. Указ. работа, с. 283, рис. 21.
 - ²⁶ Альбаум Л. И. Раскопки замка Зар-Тепе. — МКУ, Ташкент, 1963, вып. 4, с. 79, рис. 4, 21.
 - ²⁷ Мерщнев М. С. Указ. работа, с. 41, рис. 2, 48, 49; Сенигова Т. Н. Указ. работа, с. 34, табл. II, 26, 27.
 - ²⁸ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Указ. работа, с. 176, рис. 94.
 - ²⁹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Указ. работа, с. 89, рис. 43, 2.
 - ³⁰ Монеты определены Р. З. Бурнашевой, за что приносим свою благодарность.
 - ³¹ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения..., с. 38, табл. VI, 7—10; Байпаков К. М. Указ. работа, с. 89, рис. 8, 3, 6, 8, 9; Сенигова Т. Н. Указ. работа, с. 34, табл. II (X—XI вв.), 21, 22.
 - ³² Брусенко Л. Г. Продукция гончарного ремесла Бинкента. — В кн.: Древности Ташкента. Ташкент, 1976, с. 85, рис. 13, 19; Буряков Ю. Ф. Указ. работа, с. 142, рис. 51, 11—16.
 - ³³ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения..., с. 59, табл. XV, 4.

- ³⁴ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Указ. работа, с. 189, рис. 105. i
³⁵ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения..., с. 59, табл. XV, 7.
³⁶ Буряков Ю. Ф. Указ. работа, с. 142, рис. 51, 9, 21.
³⁷ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ёрзакович Л. Б. Указ. работа, с. 100, рис. 54. 4, 6, 9; с. 103, рис. 58, 3.
³⁸ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения..., с. 118.

М. ЕЛЕУОВ

РАСКОПКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МАСТЕРСКОЙ НА ГОРОДИЩЕ АКТОБЕ

В сентябре 1979 года с целью археологического изучения намеченной зоны затопления Аксуского водохранилища кафедрой археологии и этнографии Казахского государственного университета им. С. М. Кирова совместно с дирекцией строящихся предприятий Таш-Уткульского массива орошения организовали Аксуский отряд.

Одним из объектов, исследованных отрядом, был отдельно стоящий бугор размером в основании 10×8 м и высотой 0,9 м. В ходе работ было полностью раскопано интересное сооружение, где достаточно четко видна первоначальная планировка, состоявшая из коридора и помещения (рис. 1).

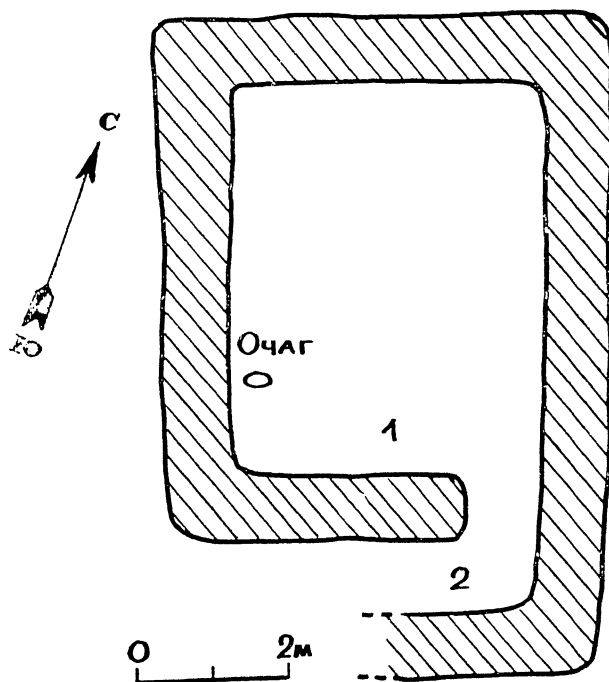
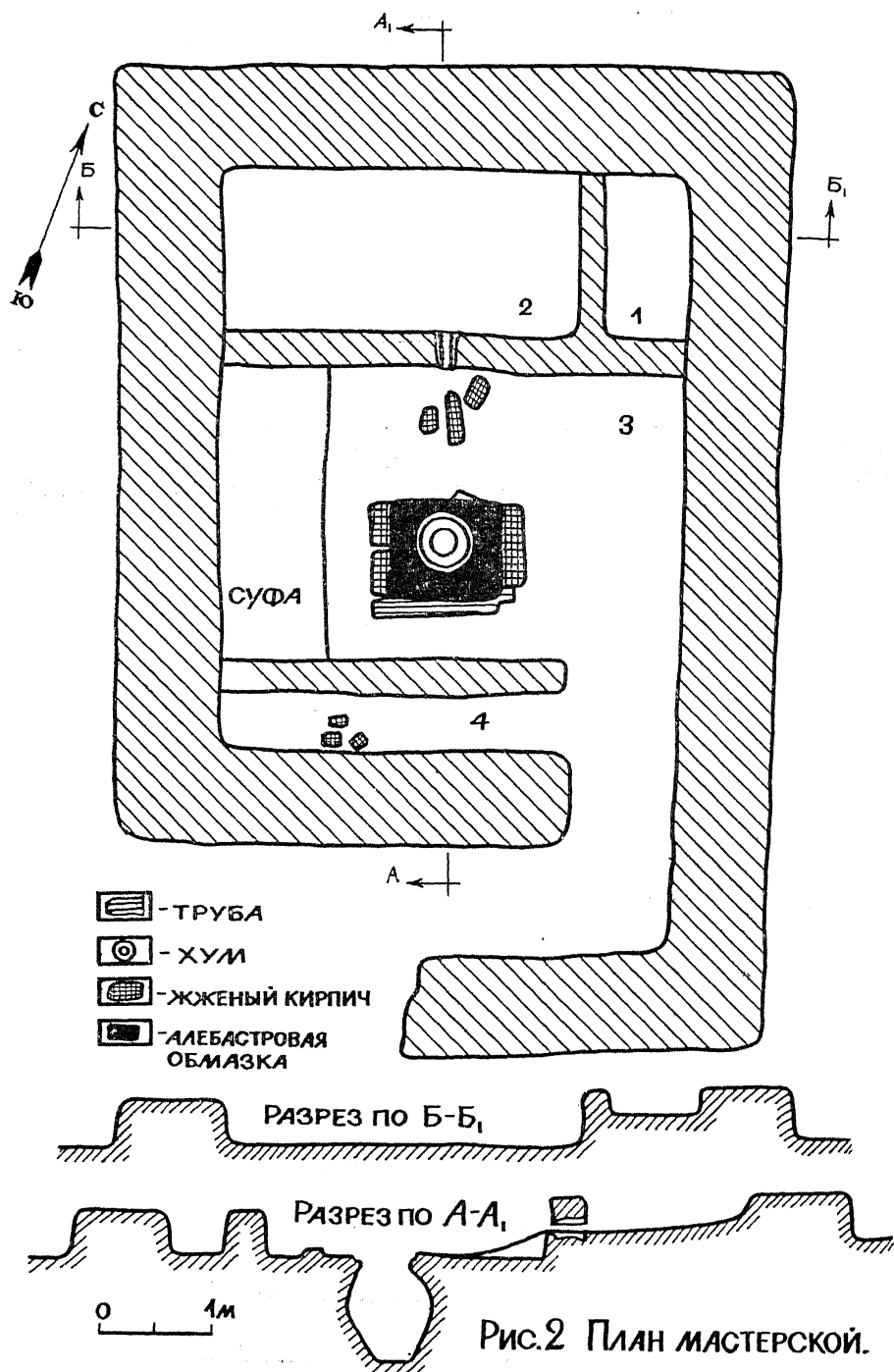

Рис.1 План помещения (1) и коридора (2).

Помещение подквадратное в плане $5,1 \times 4,1$ м. Стены сложены из пахсы, шириной 0,9 м, сохранившаяся высота их 0,5—0,6 м. Пол выложен сырцовым кирпичом размером 41×20 , 5×10 ; $42 \times 22 \times 9$ —10 см. У западной стены расчищен очаг глубиной 0,15 м, длиной 0,4 м, шириной 0,2 м в виде овальной ямки. Очаг заполнен золой, рядом лежал фрагмент котла.

Коридор с юга примыкает к выше описанному помещению и соединен с ним проходом. Ширина коридора 1 м, длина не выяснена.

Интересно отметить, что через короткий промежуток времени (на полу не накопился культурный слой) поверх первого пола был выложен второй толщиной 0,15 м из пахсы и поверх пола возведены перегородки шириной 0,2—0,4 м. В результате перестройки появились четыре помещения, являющиеся служебными помещениями мастерской винодела (рис. 2), как это выяснилось позже.

Помещение 2 размером $3,2 \times 1,5$ м. На внутренней поверхности стен и на полу местами сохранились остатки алебастровой обмазки, насчитывающей три слоя, общей толщиной 0,8—1 см. Северная стена помещения спускается вниз незначительными покатыми уступами, в результате уровень пола у основания южной стены ниже, чем у северной на 0,2 м. Южная стена отвесная и из нее у самого основания выходит гончарная труба диаметром 13,4 см. Эта труба длиной 0,33 м соединяет помещение 2 с помещением 3. К помещению 2 с восточной стороны примыкает помещение 1 размером $1,5 \times 0,75$ м. Их разделяет пахсовая перегородка шириной 0,2 м. Пол помещения пахсовый и выше на 0,3 м от пола помещения 2.

К помещениям 1 и 2 с южной стороны примыкает помещение 3 размером $4,1 \times 2,6$ м. Уровень пола помещения 3 на 0,2 м ниже от уровня пола помещения 2. На расстоянии 1,1 м от северной стены находится площадка из жженного кирпича $31,5 \times 19,5 \times 2,5$; $32 \times 20 \times 3$; $33,5 \times 18,5 \times 3$; $37 \times 18 \times 3,5$ см, размер площадки $1,9 \times 0,9$ м. По краям площадка выложена жженными кирпичами в один ряд. На середине площадки находится хум, вкопанный в пол, венчик хума на 5 см ниже от поверхности площадки. Вся поверхность площадки, вместе с ними и венчик хума, обмазаны алебастром и три слоя, толщина обмазок 0,8—1 см.

От узкого устья гончарной трубы, идущей из помещения 2 до площадки, прослежен уклон, на котором лежали целые и битые жженные кирпичи указанных выше размеров, на лицевой стороне которых сохранились алебастровые обмазки. Вдоль западной стены вытянута пахсовая суфа (шириной 1 м, высотой 0,2 м).

Помещение 4 узкое и длинное в виде закровов, примыкающих к помещению 3, длина его 3 м, ширина 0,5 м, на полу которого лежали три жженных кирпича размером $32 \times 20 \times 3$ —3,3; $? \times 19,5 \times 4$; $33 \times ? \times 3,5$ см.

Таким образом, раскопанное сооружение в первоначальном виде, по-видимому, было жилым, хотя единственным свидетельством в пользу этого служит очаг в западной части помещения.

Второй период жизни помещения начинается с возведения верхнего пола и приспособления помещения для мастерской винодела. Все четыре помещения были связаны с изготовлением вина или с хранением запасов винограда и вина.

Процесс виноделия происходил в помещениях 2 и 3. Сначала помещение 2 заполняли виноградом и давили, а выделенный сок отсюда по гончарной трубе, вделанной в стену, стекал по желобу в хум, вкопанный в пол. Можно предположить, что помещения 1 и 4 были какими-то слу-

жебными помещениями при мастерской, возможно, хранилищем для запасов винограда и вина.

На поверхности обоих полов и в завале над вторым полом во время раскопок было найдено незначительное количество фрагментов керамики (рис. 3). Керамика обоих периодов жизни здания не имеет отличий, поэтому характеристика ее дается в целом.

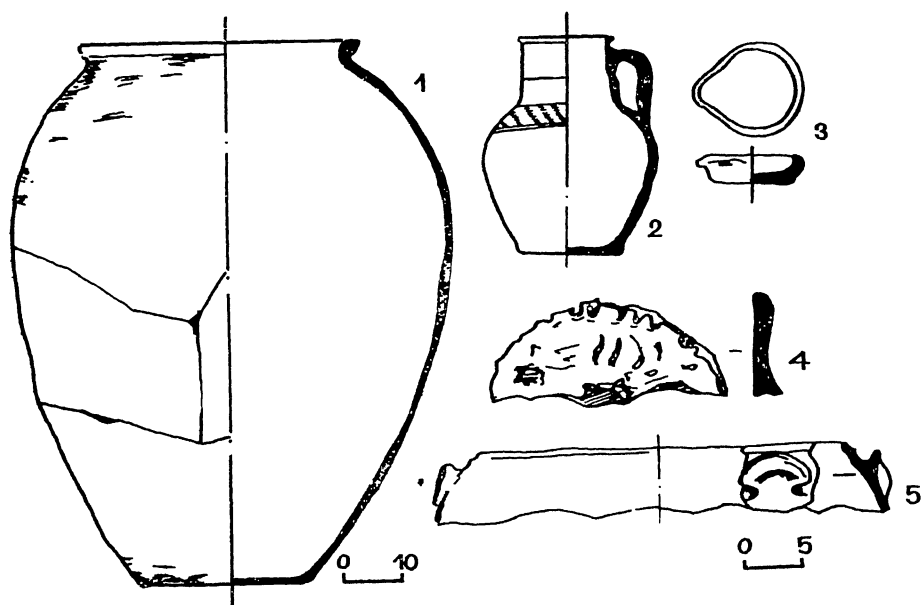

Рис.3 Керамика XI-XII вв.

Керамика представлена хумом, кувшином, светильником и фрагментами котла, крышки.

Хум вкопанный в пол с треугольным в сечении венчиком, скошенным наружу, диаметр венчика 49 см. Высота хума 94 см, толщина стенок 1,4 см, тесто плотное с примесью песка. Снаружи хум покрыт серым ангобом (рис. 3, 1). Аналогичные хумы по описаниям известны в керамике средневекового Кулана и датированы XI—XII вв.²

Кувшин широкогорлый, корпус яйцевидной формы, плавно суживающийся к поддону. Ширина устья 9 см. Ручка коленчатая, верхним концом прикреплена под венчиком, а нижним — в верхней части корпуса. Верхняя часть корпуса украшена прорезным орнаментом (рис. 3, 2). Похожие кувшины известны на городище Актобе, в керамике X—XII вв.³ и в керамике Кулана⁴.

Фрагмент котла ручной лепки (рис. 3, 5) диаметром 32 см и венчиком, вогнутым вовнутрь, толщина стенок 1 см. Котел изготовлен из теста с примесью песка, дресвы. Внешняя поверхность котла заглажена, а внутренняя поверхность до обжига была покрыта тонким слоем отмученной глины серого цвета. Аналогичные котлы известны на городище Жаксылык⁵, есть они также в слоях X—XII вв. городищ Таласской долины⁶. Довольно близкие параллели подобных котлов найдены в слое XI в. Афрасиаба⁷.

Крышка представлена половинкой. Это диск диаметром 23 см, лепленный от руки из теста с примесью песка. Сохранилась часть ручки, представляющей налп в виде развилки. Внешняя поверхность крышки орнаментирована пальцевыми вдавлениями, где имеется знак в виде двух параллельных линий, прочерченных по сырой глине ногтями пальцев. По краю крышки идут пальцевые вдавления (рис. 3, 4). Аналогичные крышки были найдены на исследуемом нами городище⁸.

Светильник ручной лепки имеет оттянутый пальцами слив. Диаметр венчика 8 см (рис. 3, 3).

Таким образом, анализ керамического материала позволяет датировать жилой дом (впоследствии превращенный в винодельню) XI—XII вв.

О наличии виноградарства и виноделия в раннем средневековье в Чуйской и Таласской долинах сообщают письменные источники⁹. Открытие на усадьбе Луговое Б мастерской по производству вина и сладостей из виноградного сока¹⁰, мастерской по производству вина на Нижнем Барсханен¹¹, двух мастерских на рабаде Сарыга¹² и на городище Актобе¹³ подтверждают данные письменных источников. По мнению К. М. Байпакова, второй мастерской на рабаде Сарыга, раскопанной П отрядом (начальник отряда т. Бенедиктов), является мастерская по переработке винограда на бекмес¹⁴.

Открытие двух мастерских по производству вина на городище Актобе свидетельствуют о значительной роли виноградарства и виноделия в хозяйственной деятельности населения городища Актобе.

¹ В археологических раскопках принимали участие студенты исторического факультета Казахского государственного университета им. С. М. Кирова.

² Байпаков К. М. Керамика средневекового Кулана. — В кн.: Поиски и находки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 95.

³ Кожмяко П. Н. Оседлые поселения Таласской долины. — В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, с. 159, табл. V.

⁴ Байпаков К. М. Керамика средневекового Кулана, с. 95.

⁵ Байпаков К. М. Ерзакович Л. Б. Некоторые итоги раскопок городища Жаксылык. В кн.: По следам древнего искусства Казахстана. Алма-Ата, 1970 с. 34, рис. 13, 9—10.

⁶ Кожмяко П. Н. Указ. работа, с. 155, табл. III; Бубнова М. А. Средневековые мастерские рабада. — Известия АН КиргССР, т. 1, Фрунзе, 1959, с. 56; с. 57, рис. 6.

⁷ Кабанов С. К., Филонович М. И., Урманова М. Х. Раскопки части жилого массива IX—XI вв. — В кн.: Афраснаб, Ташкент, 1974, вып. III, с. 81, рис. 6, 4.

⁸ Шалекенов У. Х., Елеуов М., Алдабергенов Н. О. Раскопки цитадели городища Актобе. — В кн.: Вопросы истории социалистического и коммунистического строительства в Казахстане. Алма-Ата, 1978, с. 176.

⁹ Бернштам А. Н. Чуйская долина. — МИА, № 14, 1950, с. 73; Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, с. 108.

¹⁰ Байпаков К. М. Раскопки средневековой мастерской в Семиречье. — Вестник АН КазССР, № 7, 1964, с. 88—91.

¹¹ Сенигова Т. Н. Указ. работа, с. 68.

¹² Бернштам А. Н. Указ. работа, с. 44, 46, табл. VII, 5; с. 90.

¹³ Акишев К. А., Байпаков К. М. АО—1977, М., 1978, с. 511.

¹⁴ Байпаков К. М. Раскопки средневековой мастерской в Семиречье, с. 89.

МОГИЛЬНИК ЖЕТЫ-ЖАР I

В 1978 году одним из отрядов археологической экспедиции Казахского университета по исследованию средневекового городища Актобе под руководством автора велась разведка археологических памятников в Чуйском районе Джамбулской области в долинах рек Аксу и Карабалта. На террасах и водоразделах указанных рек выявлено несколько курганных групп. На одной из них, расположенной на водоразделе р. Аксу и р. Карабалта, проводились раскопки.

Могильник условно назван Жеты-Жар I по наименованию расположенного неподалеку обрыва, в долине р. Карабалты.

Могильник Жеты-Жар I находится в 1,5 км к юго-западу от северной окраины колхоза им. Калинина, на левом высоком берегу р. Аксу, на ее верхней террасе, образующей широкий водораздел в виде плато между речками Аксу и Карабалты. Водораздел — плато между речками Аксу и Карабалта — тянется с юго-востока на северо-запад и в створе северной окраины колхоза им. Калинина широкий водораздел — плато заканчивается, постепенно снижаясь, сравнивается с долинами упомянутых рек.

По широкой пойме — долине в северо-западном направлении текут две реки — Аксу и Карабалта (Аксу по восточному краю широкой поймы, а Карабалта — по западному). Пойма правого берега реки Аксу, начиная с северо-западной окраины колхоза им. Калинина, переходит в бескрайнюю степь до самых гор, которые тянутся с востока на запад в 15—20 км на северо-восток от колхоза им. Калинина или же от правого берега р. Аксу, в створе которой на высоком левом берегу обнаружена группа земляных курганов.

Могильник Жеты-Жар I тянется по поверхности плато с юго-востока на северо-запад с ответвлением на запад. Его протяженность с юго-востока на северо-запад 400 м и ширина с северо-востока на юго-запад 320 м. В могильнике зафиксировано и снято на план 70 курганов, средние из которых в диаметре 10—12 м, высотой 50—70 см. В этой группе выделяются своими размерами курганы 11, 27, 34, 35 и особенно курган 70, расположенный в центральной части могильника, представляющий особый интерес для исследователей (рис. 1).

Юго-западнее могильника Жеты-Жар I находится другая группа курганов — Жеты-Жар II, где расположены довольно большие курганы диаметром 30—40 м, высотой 3—4 м. Исследования курганов, определив хронологическую и культурную принадлежность погребенных, даст возможность установить исторические связи и приемственность культуры от древних племен до ранних насельников городища Актобе.

В могильнике Жеты-Жар I исследованы три кургана (13, 21, 43). Курган № 13 (рис. 2) с земляной насыпью расположен в западной части могильника. Диаметр его 12 м, высота курганной насыпи в центральной части 50 см. На кургане заложен раскоп размерами 8×8 м, ориентированный по странам света. По углублении квадрата на 40 см и зачистке пола раскопа признаки могильной ямы не были обнаружены, поэтому с целью экономии времени и уменьшения объема трудоемкой земляной работы внутри первого раскопа (8×8 м) заложен квадрат размерами 6×6 м, глубиной 70 см. Зачистка пола второго квадрата не

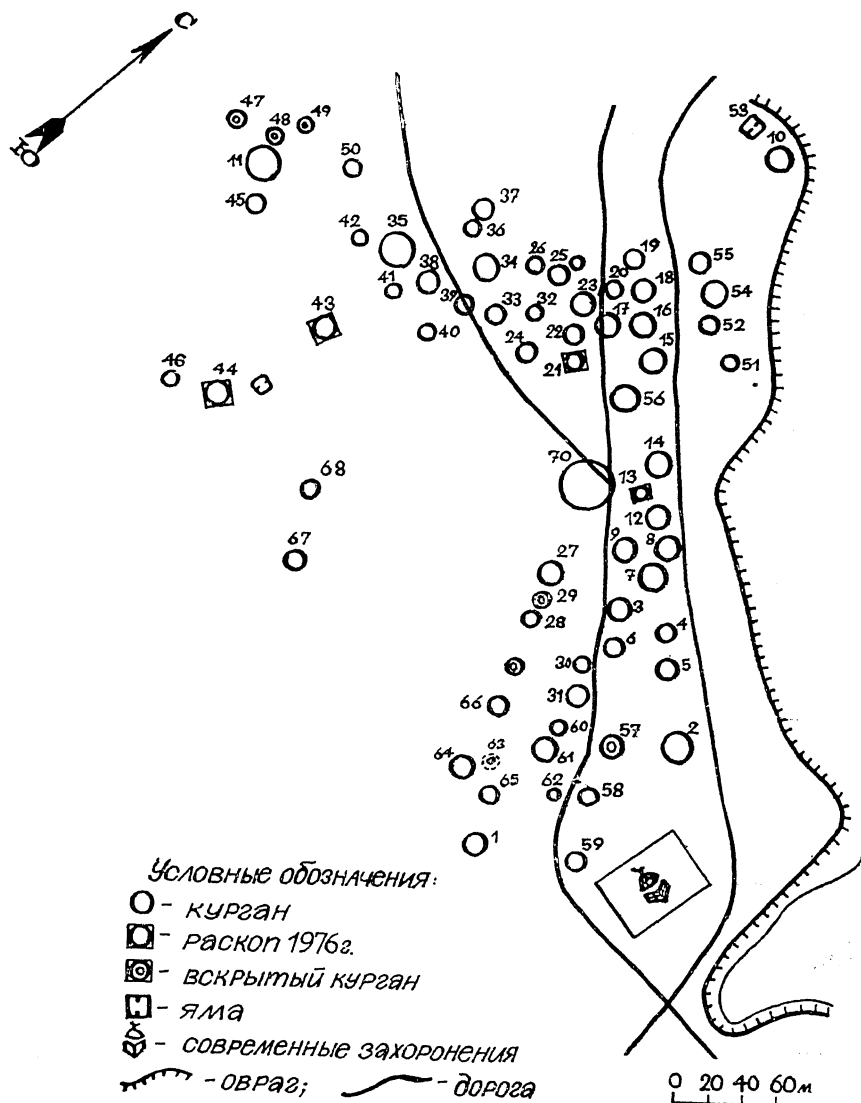
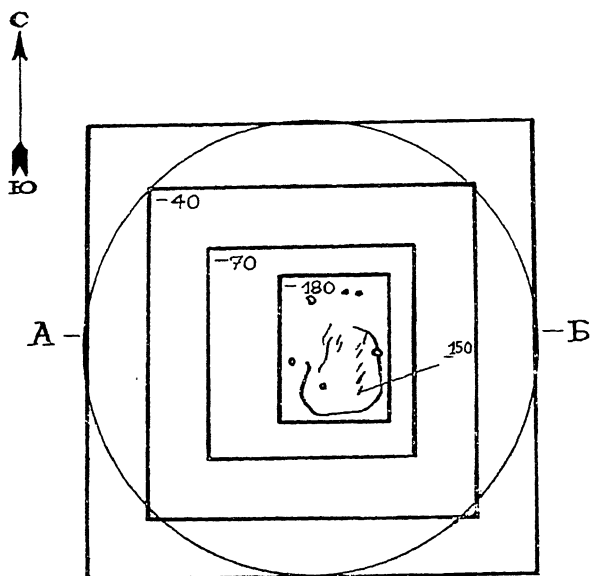
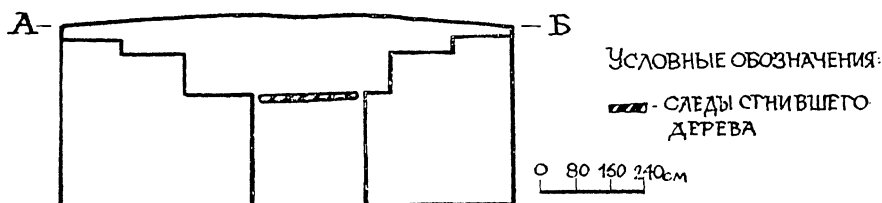

Рис.1. Общий план могильника Жеты-Жар I.

расположен могильник Жеты-Жар I состоит из светло-желтого лесса, обнаружить могильную яму под курганной насыпью очень трудно, так как насыпь кургана, заполнение могильной ямы и материковая почва составляют однородную землю. Никаких отличительных признаков и разницы в почве нет. С целью поиска могильной ямы внутри второго квадрата (6×6 м) был заложен третий квадрат размерами $3,6 \times 3,6$ м. В северо-западной части третьего квадрата, заложенного в центральной части кургана на глубине 2,6 м, прослежены темные пятна и полосы в виде следов сгнившего дерева (рис. 2—1). По этим пятнам был продолжен раскоп предполагаемой могильной ямы. Она длинной осью

1. ОБЩИЙ ПЛАН КУРГАНА И РАСКОПА

2. ПРОФИЛЬ КУРГАНА И РАСКОПА ПО А-Б

Рис. 2 Общий план кургана 13 и могильной ямы.

ориентирована с севера на юг. Длина ее 2,3 м, ширина 1,4 м, глубина от дневной поверхности 2,6 м. При зачистке дна могилы в ее центральной части, обнаружен маленький обломок глиняного горшка. Судя по найденному фрагменту, глиняный горшок в свое время был сделан ручной лепкой, т. е. без применения гончарного круга. Обжиг черепка слабый, что указывает на обжигание горшка на открытом костре, при низкой температуре. Кроме обломка горшка, при обследовании кургана никаких других предметов не найдено. Очевидно, курган был ограблен в древности, а скелет погребенного выброшен грабителями. Возможно курган представляет собой кенотаф. После составления полевой документации, фотографирования и дополнительной проверки стен и дна могильной ямы исследование было завершено.

Курган № 43 (рис. 3) находится в северо-западной части могильника и тоже имеет земляную насыпь. Диаметр кургана 8,5 м, высота центральной части — 70 см. Насыпь кургана состоит из светло-желтого лесса. Земля для насыпи кургана, видимо, при сооружении всех курга-

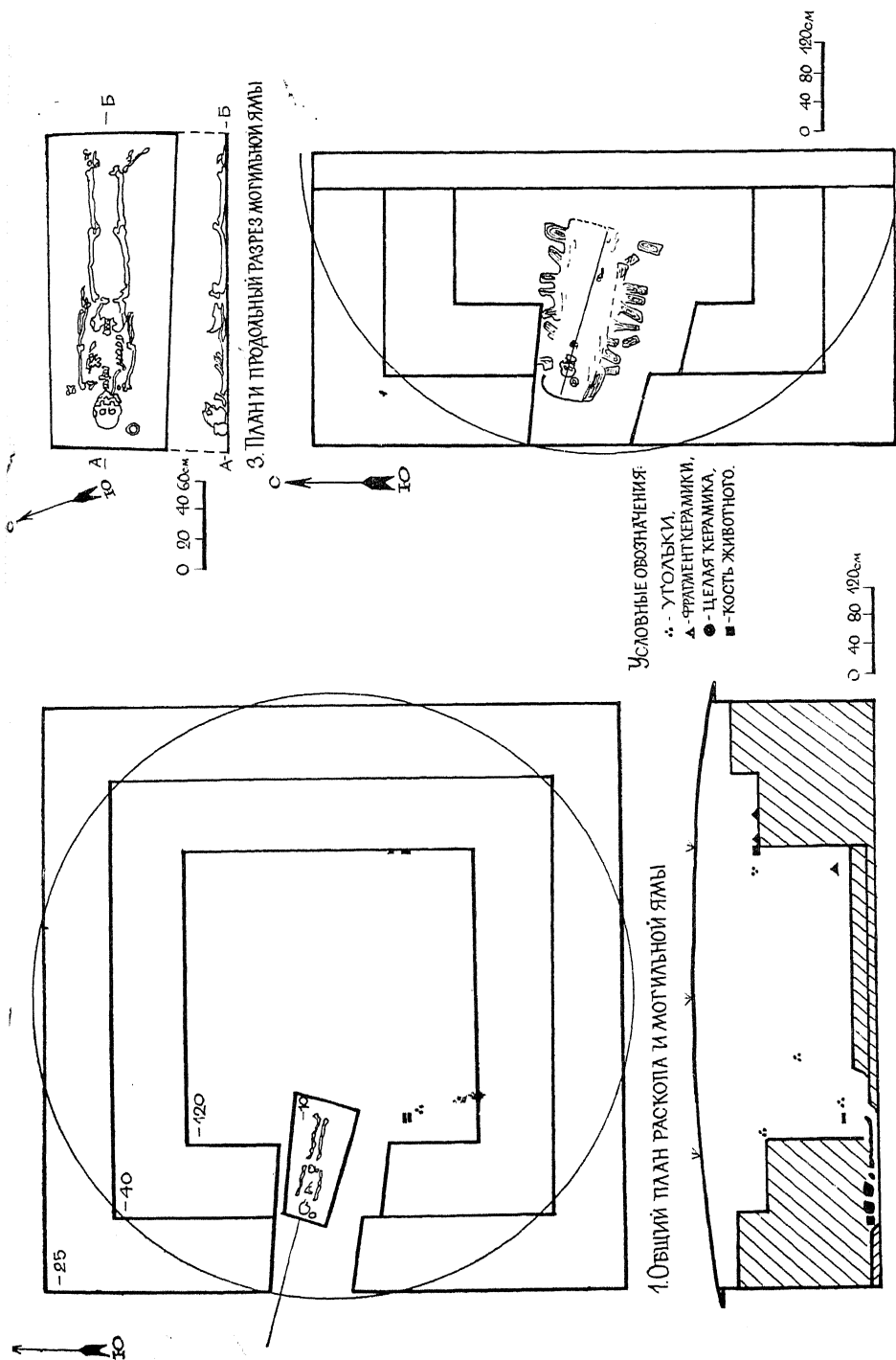

Рис 3. Общий план раскопа кургана 43.

нов могильника привозилась, т. к. никаких ровиков вокруг подошвы кургана не прослежено. На исследуемом кургане заложен раскоп размерами 8×8 м. Раскоп ориентирован по странам света.

После снятия насыпи кургана на площади раскопа или основания квадрата на глубине 25 см, произведена зачистка пола — основания раскопа для обнаружения могильного пятна. При тщательной зачистке пола раскопа могильное пятно не было обнаружено. С целью уменьшения земляных работ и экономии времени размер раскопа был уменьшен на два метра, т. е. внутри первого раскопа размерами 8×8 м был заложен раскоп размерами 6×6 м. Площадь второго квадрата раскопана на глубину 40 см, пол раскопа снова зачищен. Зачисткой пола раскопа второго квадрата также не удалось выявить пятно могильной ямы, т. к. почва могильной ямы не отличается от материкового грунта. При тщательной зачистке пола раскопа второго квадрата в его восточной и юго-восточной части на глубине 65 см обнаружена кость овцы и найдены небольшие фрагменты керамики (рис. 3—1), см. общий план раскопа кургана могильной ямы. Фрагменты керамики невыразительны, обжиг равномерно красноватого цвета. На этой же глубине по площади квадрата встречаются мелкие угольки.

С целью поиска могильной ямы внутри второго квадрата раскопа заложен третий квадрат размерами 4×4 м. Этот квадрат углублен раскопками на 1,4 м. При раскопке квадрата в его юго-западной части на глубине 1,18 м найдены древесные угольки, среди угольков — кусок обугленной ветки диаметром 2 см, длиной 12 см. В восточной части квадрата на глубине 1,75 м найдена кость овцы. При зачистке пола квадрата на глубине 1,85 м в западной части раскопываемого квадрата найдено ребро, зуб и фаланги пальцев ступней ног человека. При зачистке найденных костей было установлено, что основная часть скелета погребенного человека уходит под западную стенку раскопа, поэтому пришлось сделать прирезку в западной стенке квадрата длиной 2 м, шириной 1,4 м. После снятия прирезки и зачистки площади раскопа были обнаружены на глубине 1,85 см от дневной поверхности отдельные кости-фаланги пальцев ноги человека. При дальнейшей раскопке в западной части кургана обнаружена могильная яма. Размеры ее 2,15 м в длину, ширина могильной ямы в западной части 85 см, в восточной — 90 см. Могильная яма ориентирована с востока на запад с небольшим отклонением на север. При зачистке могильной ямы более или менее четко прослежены следы сгнившего деревянного перекрытия. Судя по следам сгнившего дерева, могила в свое время была покрыта плахами, положенными поперек могильной ямы с юга на север. Судя по тлену сгнивших плах перекрытия, они были прямоугольной формы. Длина плах перекрытия восточной части могильной ямы около 1,50 см, ширина — 20—25 см; в средней части могильная яма была перекрыта плахами длиной 130—140 см; в западной части — 115—120 см.

В могильной яме в юго-западном и юго-восточном направлениях вдоль южной стены прослежены следы сгнившего дерева, являвшиеся в свое время южной стенкой сруба. Размеры сохранившегося древесного тлена вдоль южной стены могильной ямы в длину 50 см, в ширину 12—15 см. Следы сгнившего дерева прослежены местами вдоль северной стены могильной ямы. Древесный тлен, прослеженный вдоль стен могильной ямы с востока на запад, находился на уровне скелета. Судя по следам древесного тлена вдоль стен могильной ямы и следам сгнившего

дерева, уложенного в свое время поперек могильной ямы, умершего хоронили в срубе, в несколько венцов перекрытом плахами.

При зачистке могильной ямы на ее дне обнаружен скелет погребенного человека, скелет лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад с небольшим отклонением на север. Длина скелета 1,8 м. Кости его лежали в анатомическом порядке за исключением одного позвонка, ребра и нескольких фаланг ступней, которые найдены несколько в стороне от основного скелета погребенного. Видимо, указанные кости скелета потревожены грызунами-сусликами. Судя по костям, скелет принадлежит взрослой женщине европеоидной расы с примесью монголоидности. На костях скелета погребенной никаких патологических изменений или же следов физических воздействий не прослежено.

В юго-западном углу могильной ямы, в 8 см от правой стороны черепа погребенного стоял маленький глиняный кувшин с суживающим-

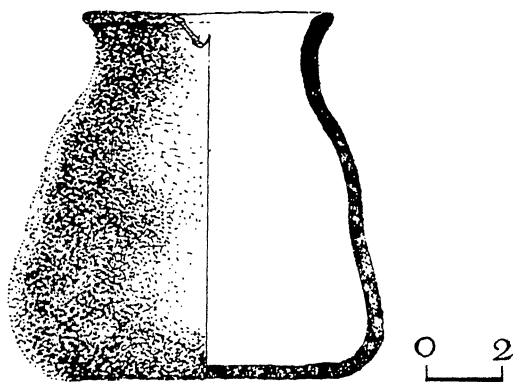
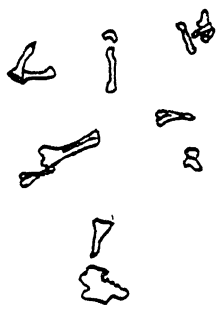

Рис.4 Кувган из могильной ямы кургана 43.

ся горлом (рис. 4). Венчик слегка отогнут наружу, тулово кувшина, начиная с шейки постепенно расширяется ко дну. Дно уплощенное. Диаметр горшка по венчику 6 см, в широкой части 9 см, по дну — 8 см, по периметру в широкой части тулова — 26 см. Высота кувшина 10 см. Никаких орнаментов на кувшине нет. Он слеплен вручную. Состав теста кувшина — глина с примесью песка и слюды. Обжиг хороший, стенки кувшинчика прокалены до красного кирпичного цвета. На поверхности кувшина с двух сторон две широкие сажистые полосы — закопченности, идущие от нижней части дна до шейки кувшина. Внутренняя поверхность стенки кувшина в широкой части, с одного бока, имеет след пригорелой пищи — сажистый цвет. Закопченность кувшина с нижней стороны могла получиться при приготовлении пищи под воздействием огня, а внутренняя чернота — пригорелость — могла получиться когда кувшин стоял одним боком к огню. Кувшин ставился в могилу с погребенным человеком с какой-то ритуальной пищей.

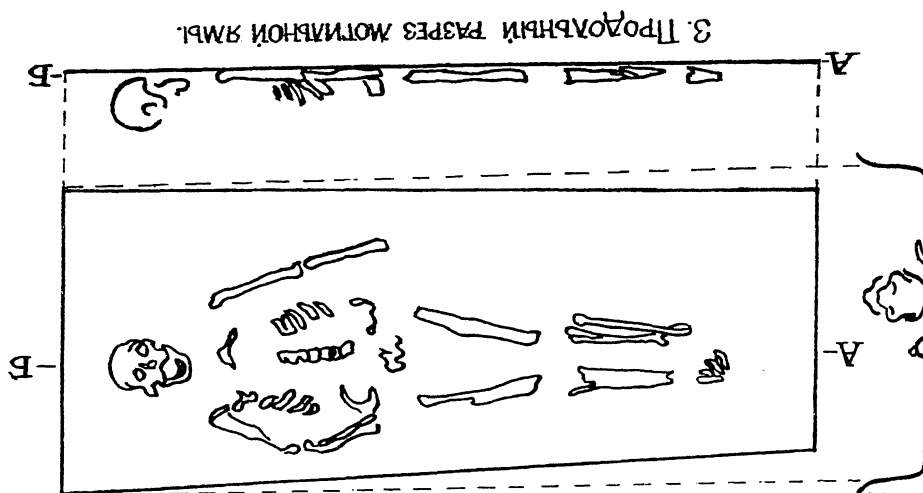
Кроме кувшина, в могильной яме никаких вещей, сопровождающих погребенную, не найдено. После описания, зарисовки, фотографирования скелета, кувшина и проверки дна и стенок могильной ямы раскоп кургана был завершен. Кости скелета, кроме черепа, плохой сохранности, они переданы в институт истории, археологии и этнографии АН КазССР для антропологического определения и изучения.

1. Общий план раскопа кургана и могильной ямы.

2. Продольный разрез кургана и могильной ямы.

0 10 20 30 см

Рис. 5 Общий план раскопа кургана 21.

Курган № 21 (рис. 5) находится в северной части могильника, в 60—70 м от северного края плато, напротив обрыва Жеты-Жар. Курган с земляной насыпью. Диаметр его с севера на юг 11,6 м, с востока на запад — 10,8 м. Высота курганной насыпи в центральной части 70—80 см. На кургане заложен раскоп размерами с севера на юг 11,6 м, с востока на запад 8,8 м. После снятия насыпи кургана и зачистки пола раскопа могильная яма не была обнаружена. С целью уменьшения земляной работы и обнаружения могильной ямы в однородной почве внутри первого раскопа заложен второй размерами 7×7 м. При раскопе квадрата в западной половине кургана на глубине 1,2 м от дневной поверхности обнаружен скелет погребенного человека (рис. 5—4). Скелет погребенного лежал в вытянутом положении на спине, головой ориентирован на северо-запад с небольшим отклонением на север. Размеры могильной ямы 2,2 м в длину, ширина могильной ямы в северо-западной части 1 м, в юго-восточной — 72 см. Длина скелета 1,8 м. Кости скелета очень плохой сохранности. При расчистке скелета никаких вещей, сопровождающих погребенного, не найдено. В 50—60 см на северо-западнее могильной ямы на глубине 1,1 м от дневной поверхности на площади 1×1 м в беспорядке лежали кости овцы.

Исследованные курганы могильника Жеты-Жар I имеют много общего. У всех земляная насыпь (лесс), диаметр курганов почти одинаковый, высота 60—70 см. В силу господствующего ветра с юга-запада насыпь всех курганов с северо-восточной стороны круче и выше, а юго-западная сторона более пологая. С перемещением насыпи курганов изменился и их центр. Обычно у курганов с плотной насыпью (земля с камнем, камень) на древнем горизонте, в центре находится забутовка могильной ямы, могильная яма. На курганах с земляной насыпью типа курганов могильника Жеты-Жар I в силу приведенных природных факторов, могильная яма обнаруживается не в центре под курганной насыпью, а в стороне, ближе к юго-западной-западной подошве современной границы кургана, со стороны господствующего ветра. Такое расположение могильных ям под курганной насыпью наблюдается в могильнике Жеты-Жар I и на других могильниках ранних кочевников, курганы которых имеют земляную насыпь.

Немало общего у раскопанных курганов в сооружении погребальных камер. Как правило, это грунтовые могилы с одной могильной ямой, перекрывавшейся плахами, полубревнами, положенными поперек могильной ямы. Могильные ямы ориентированы по длинной оси восток-запад с небольшим отклонением на север. Общим для исследованных курганов является обряд захоронения. В могильной яме скелеты погребенных лежали в вытянутом положении на спине, головой на запад с небольшим отклонением на север. Погребальный инвентарь курганов не богат, курганы, очевидно, являются усыпальницами бедного слоя общества, оставивших довольно большой родовой могильник Жеты-Жар I и Жеты-Жар II.

Могильник Жеты-Жар I по топографии расположения курганов, по характеру их сооружения, по устройству и ориентировке могильных ям, по обряду захоронения и др. близок и находит параллели в памятниках Семиречья сако-усуньского времени (V—III вв. до н. э.).

В могильнике Жеты-Жар I под земляной насыпью курганов находятся грунтовые могилы, ориентированные с юго-востока на северо-запад или с востока на запад, перекрытые плахами. Курганы с земляной насыпью, грунтовыми погребениями, ориентированные длинной осью

с юго-востока на северо-запад и с востока на запад перекрытые плахами, такие же как в могильнике Жеты-Жар I, известны по раскопкам сако-усуньских курганов в могильнике Жуаытобе¹, Кызылауз I², Унгур-кора I³, Утеген III⁴.

Саки и усунь Семиречья своих умерших сородичей погребали точно так же, как в исследованных курганах Жеты-Жар I в грунтовых могилах в вытянутом положении на спине головой на запад с небольшим отклонением на север (Жуаытобе, Кызылауз I, Унгур-кора).

При исследовании могильника Жеты-Жар I на дне могильной ямы кургана № 43 справа от черепа погребенного обнаружен маленький сосуд кувшиновидной формы с вздутым туловом, с немного удлиненной шейкой и слегка отогнутым наружу венчиком. Этот глиняный кувшин так же, как устройство могильной ямы и обряд захоронения в курганах могильника Жеты-Жар I имеет немало аналогий среди глиняных сосудов, найденных в сакских⁵ и усуньских⁶ погребениях.

В рядовых погребениях саков V—IV вв. и усуньских могилах III в. до н. э. могильный инвентарь беден. Обычно у головы каждого умершего соплеменника ставился один, редко два глиняных сосуда с молочной или мясной пищей⁷. Такой же обычай захоронения у саков и усуней, наблюдается и в погребениях Жеты-Жар I, где умершему в глиняном кувшине справа от головы ставили загробную пищу. Кроме пищи в сосудах, саки и усунь наделяли умершего мясной пищей⁸. Почти во всех их погребениях найдены кости овцы. При исследовании Жеты-Жарских курганов в погребениях тоже найдены кости овцы.

Из сравнительного обзора археологического материала курганов ранних кочевников-саков, усуней Семиречья мы видим, что исследованный могильник Жеты-Жар I является родовой усыпальницей древних кочевников — скотоводов, обитающих в долинах рек Аксу и Карабалта в V—III вв. до н. э. и входивших в общий компонент древних скотоводов, кочевавших в Чуйской долине Семиречья.

¹ Максимова А. Г. Курганы сакского времени могильника Джувантобе. КСИИМ, вып. 80, 1960, с. 60—64.

² Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, с. 91, 98.

³ Там же, с. 166, 168—170.

⁴ Там же, с. 157.

⁵ Акишев К. А. Саки Семиречья. Труды института истории, археологии, этнографии АН КазССР. Алма-Ата, 1959, с. 211, табл. II.

⁶ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, с. 93, рис. 74, 75; Там же, с. 160, рис. 10.

⁷ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Указ. соч., с. 164, рис. 13; с. 168, рис. 16; с. 170, рис. 18.

⁸ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Указ. соч., с. 93, 152, 154, 156, 157.

С. С. ТАКИБАЕВА,
У. Х. ШАЛЕКЕНОВ,
С. У. КУЛАХМЕТОВА,
Т. А. ЖАНКУБАЕВА,
Г. И. ШУЛГАУБАЕВА

АНАЛИЗ КЕРАМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА АКТОБЕ

На раскопках городища Актобе найдены многочисленные гончарные изделия: керамика, стекло, шлак и т. д.

Огромную роль играет детальное исследование составов и свойств древних строительных материалов для выяснения, на каких основах выбирались те или иные материалы и как развивался процесс технической обработки глиняной массы и изготовлении различных предметов, для ясного понимания долговечности древних материалов (особенно керамики). Именно в этом направлении велось исследование составов древних материалов с применением наиболее современных методов исследования; включая химический, петрографический, рентгеновский с использованием данных инструментального нейтронно-активационного анализа, дает необходимые данные о вещественном составе древней керамики. Исследование составов и свойств производилось на основе следующих материалов: строительного кирпича размером $220 \times 220 \times 50$ мм (№ 7); шлаковидного материала черных и серых цветов (1 и 2); осколка керамики в виде 4-х угольника (3); ручки керамического сосуда-кувшина (4); осколки водопроводной трубы (5); подставки для кувшина (6); обломков керамики (8); кувшина с узкой горловиной (9); части ручки большого кувшина (10); керамической пластинки (11); обломков кирпичей (12); серого кувшина (13) и конгломератного включения в кирпиче.

Результаты химических анализов (табл. 1) показывают, что содержание основных окислов в керамических изделиях колеблется в значительных пределах, так окись кремнезема от 50,04 до 67,60%; окись алюминия от 10,21 до 22,50%; окись железа от 4,29 до 8,58%; окись кальция от 2,8 до 13,44% и окись магния от 1,41 до 4,63%. Остальные окислы — TiO_2 , SO_4 , K_2O , Na_2O — содержатся примерно столько же, сколько в обычных лессовидных суглинках. Было определено инструментальным нейтронно-активационным анализом содержание элементов в изделиях (табл. 2). Вероятно, эти элементы были в составе сырьевого материала — песка, глины, лесса, из которых производились керамические изделия.

На основании колебаний содержания основных компонентов в химическом составе материалов можно судить, что древние мастера к основному виду сырья, вероятно, таковым был местный лессовидный суглинок, добавляли качественные глины, чтобы получить изделия различного назначения.

В зависимости от вида, состава и технологической обработки керамических изделий и по резко выраженному внешнему отличию, представленные образцы разделены на 3 типа:

I. Грубая керамика. К ней относятся следующие виды: а) обломки строительного кирпича (7); размером $220 \times 220 \times 50$ мм, имеющего в из-

ломе светло-желтую окраску, крупно-зернистую структуру, имеются поры, размерами до 0,3 мм. Они имеют довольно высокие физико-механические свойства (табл. 8). Предел прочности при сжатии 399 кг/см²; б) осколок от тандыра (печи) неправильной формы, размером 7—8×1—1,2 см. Имеет светло-терракотовый цвет; структура среднезернистая. Наблюдается слоистость, продолговатые поры, похожие на трещины размерами до 0,1 мм. В изломе видны белые и коричневые включения зерен кварца и халцедона размером до 2 мм.

Свойства образцов керамических изделий характеризуются данными (табл. 3); ручка керамического сосуда-кувшина (4) кирпично-красного цвета, структура крупнозернистая. Имеются белые включения зерен кварца, полевого шпата размером до 2 мм.

Под микроскопом установлено, что они имеют похожую друг на друга равномернозернистую структуру и почти одинаковый минералогический состав.

Более или менее измененные зерна кварца и полевого шпата равномерно расположены по всему объему.

Некоторые зерна кварца сохранили свою исходную форму. Отдельные зерна или участки зерен кварца изменились и содержат вновь образованные кристаллы или оболочки кристоболлита. Большое количество зерен полевого шпата сильно изменилось, замутнено, трещиновато. В промежутках между ними находится значительное количество цементирующей массы, представленное мельчайшими зернами и тонкодисперсными частичками муллита, корунда, гематита, кальцита, авгита, гипса в смеси с кристобаллитом и аморфизованными соединениями.

Для подтверждения результатов исследований под поляризационным микроскопом и рентгеноструктурных исследований (табл. 4), образцы были подвергнуты обработке плавиковой кислотой с целью выделения муллита в чистом виде. Порошок обрабатывался плавиковой кислотой (1:8) в течение трех минут. Затем дополнительно обрабатывался соляной кислотой (1:1) до полного удаления гелевидных соединений, образовавшихся от разложения аморфизованных частиц и минералов. Остаток хорошо промывался горячей дистиллированной водой и высушивался, прокаливался (обжигался фильтр), затем исследовался под микроскопом. В выделенном нерастворимом остатке определялись возможные константы кристаллов. В остатке остались мельчайшие точечные, реже игловидные кристаллы, с выраженными контурами, принадлежащие мулиту. С трудом был определен их средний показатель светопреломления, который варьирует в пределах 1,600—1,630, реже 1,65. Еще заметное двупреломление. На рентгенограмме выражены линии межплоскостных расстояний, принадлежащие мулиту: 3,35; 2,68; 2,27; 2,11 (табл. 4).

По-видимому, в древних керамических изделиях в результате неравномерного обжига их минералы претерпевают полное или частичное превращение в муллит. Этим объясняется колебание его светопреломления. Б. И. Иванов в своей работе «К вопросу о минералогическом составе огнеупорных материалов» упоминает о превращении каолинита в муллит. Силлиманит был синтезирован косом (соц. 1955) из каолинита в присутствии фторидов (давление 10 000 атм. и температуре 900°C. («Вопросы петрографии и минералогии», с. 359, т. II). При нагревании выше 1545°C природный силлиманит становится неустойчивым и переходит в муллит и жидкую фазу (У. А. Дир и другие «Породообразующие минералы», т. I, с. 151).

II. Тонкая керамика.

К ней относятся различные сосуды, кувшины, полученные при более высоких температурах обжига и имеющие тонкозернистую структуру. Строение их напоминает строение современного ситалла. Они имеют высокие физико-механические свойства (табл. 3). Под микроскопом материал изделия тонкой керамики имеет мелко и равномернозернистую структуру. Они представлены бесцветными агрегатами обожженной глины, состоящими из тончайших точечных выделений со средним показателем преломления ниже 1,56 в смеси с зернами кварца и полевого шпата. По краям зерен кварца размерами до 50—60 микрон имеются новообразования из кристобалита. Содержание зерен кварца и полевого шпата около 45%. Зерна полевого шпата сильно изменены и на его зернах виден войлок новообразования из тончайших иголок и точечных частичек муллита размером до 2—7 микрон. Наблюдаются тонкодисперсные частички корунда, гематита, кальцита, авгита и других минералов.

III. Шлаковидный оплавленный материал черного и серовато-черного цвета. Местами имеются слои в виде корочки толщиной до 2—4 мм. В изломе цвет черный с фиолетовым оттенком. Имеются многочисленные поры размерами до 5—6 см. Материал имеет высокие прочностные свойства (табл. 3).

Под микроскопом видно, что материалы имеют различную структуру и представлены стекловидным веществом в смеси с агрегатами обожженного глинистого минерала с показателем преломления ниже 1,560 и из войлока точечных игловидных образований муллита, размерами до 2—7 микрон. По краям зерен кварца видна кайма из кристобаллита. Зерна полевого шпата сильно изменены, корродированы новообразованиями. Зерна кварца и полевого шпата имеют размеры до 50—60 микрон. Присутствие вышеуказанных минералов подтверждается рентгеновскими исследованиями (табл. 4).

По данным рентгенограмм имеются линии принадлежащие кварцу, полевоому шпату, мулиту. Силикат (глыба в изломе) имеет терракотовую окраску, крупнозернистую структуру. В нем видны немолотые, полуокатанные зерна горной породы (песчинки), представленные зернами кварца, яшмы, халцедона и других пород белого, коричневого цвета. Под микроскопом, более измененные зерна кварца (размером до 200 микрон) находятся в смеси с гелевидными, глинистыми частичками и новообразованиями из кристобаллита и муллита.

Иногда кристаллы муллита имеют игловидную форму с прямым угасанием и со средним светопреломлением 1,65. Размеры до 60 микрон. Физико-механические свойства его приведены в табл. 3.

Для производства керамических изделий древние мастера, по-видимому, использовали местную глину, возможно лессовидный суглинок, о чем свидетельствует приведенный в табл. 1 химический состав керамических изделий, который почти не отличается от составов лессовидных

суглинков. Иногда, возможно, добавляли коанитовую глину или же алюмосодержащую породу, как в пробе № 13, где содержание окиси алюминия составляет 22,50%.

Изучив все свойства древних материалов, можно прийти к следующему заключению. На наш взгляд, весь секрет древних мастеров в производстве керамических изделий опирается на технологию обработки сырья — глиняного теста и в обжиге готовых изделий.

Они тщательно промывали лессовидную глину от всевозможных примесей. В зависимости от назначения керамических изделий в быту в лессовидную глину добавляли различные отошители.

Они, по-видимому, применялись для того, чтобы уменьшить усадку изделий при сушке и избежать растрескивания изделий в процессе обжига.

Судя по химическому составу изученных выше изделий в качестве отошителей использовались кварцевый и полевошпатовый пески, а также мелко нарезанная трава или корни трав. О наличии последних в изделиях можно судить по пористости керамики и по характерным отпечаткам после сгорания трав в керамике.

Таким образом, учитывая условия образования кристаллитов муллита совместно с другими минералами можно сделать вывод, что температура обжига древних кирпичей была довольно высокая — выше 1000° и присутствие в них кристалликов муллита — доказательство тому.

В заключение следует отметить, что долговечность и высокие физико-механические свойства древних керамических изделий в основном зависят от структуры и минералов цементирующей массы. Изменение полевого шпата, образование муллита, кристобалита и аморфизованного вещества в цементирующей массе создает более плотную, однородную структуру. Наблюдающаяся при этом высокая прочность и долговечность изделий, по-видимому, связаны с образованием вышеприведенных минеральных фаз.

Таблица 1

Химический состав древних керамических изделий, в

Обозначение и наименование изделий	Элементы										
	SiO ₂	Al ₂ O ₃	TiO ₂	Fe ₂ O ₃	CaO	MgO	Na ₂ O	SO ₄	K ₂ O	п.п.п.	
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
Шахристан-шлаковидный материал черного цвета	56,16	11,22	0,64	6,86	11,2	2,82	2,43	0,66	0,49	2,08	
Шахристан-шлак серого цвета	59,40	14,28	0,75	8,58	9,8	2,61	2,22	0,74	0,46	0,34	
Актобе РШ-3, кв. 3 № 3 осколок керамики в виде 4-х угольника	59,40	16,32	0,68	8,58	4,2	4,42	0,58	0,74	1,87	4,00	
Актобе-79 РШ-1 № 4 ручка керамического сосуда-кувшина	61,52	15,30	0,79	8,58	2,8	4,42	0,95	0,55	1,26	1,90	
Актобе-74 РШ-3 № 5 осколок водопроводной трубы	57,98	16,32	0,75	7,72	6,2	3,01	1,02	0,94	0,94	1,68	
Актобе-74, РШ-3 № 6 в виде подставки кувшина	59,72	16,32	0,75	8,58	3,64	3,61	0,82	0,81	1,87	1,96	
Строительный кирпич, размером 220×220×50	60,22	12,75	0,68	5,00	9,24	2,41	2,02	0,50	0,27	2,60	
Актобе-74 РУ/Г2 № 8 безформенной обломки	60,94	13,30	0,75	7,72	5,04	3,81	1,60	0,50	1,33	1,92	
АЭУ-76 Ц II я II кв 3г круглый сосуд-кувшин суженой горловиной, diam. 9 мм.	56,84	13,77	0,68	6,86	13,44	2,81	2,02	0,61	0,37	0,82	
Актобе, РШ-3, кв. 5—3 часть ручки большого кувшина	57,22	15,55	0,77	6,86	7,28	3,21	0,95	1,17	1,17	1,94	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Актобе, РЩ-1, кв.-4 трапециевидная пластинка, толщиной 18—20 мм	60,82	17,85	0,75	8,58	3,36	3,42	2,22	0,41	0,42	1,18
Актобе (силикат-глыба) обломки кирпича	50,04	11,09	0,45	6,18	12,33	3,62	2,10	0,54	1,57	9,30
Сосуд серый-кувшин	54,0	22,50		55,58	11,20	4,63		0,81	0,78	0,98
Включение (в силикатной глыбе) в виде конгломерата в обломках кирпича	67,60	10,21	0,48	4,29	6,60	1,41	1,77	0,25	0,57	4,16

Таблица 2

Содержание элементов в древних керамических изделиях городища Актобе

Элементы	Индексы керамических изделий													
	шлак чер- ный	шлак серый	ПШ-3 кв 3	ПШ-1	ПШ-3 № 5	ПШ-3 № 6	строит. кирпич	РУ/Г ₂	АЗУ-76 ПШ ПШ	ПШ-3 кв 3	ПШ-1 кв 4	глина	кувшин серый	включе- ние
А	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Pb	<1,5	<1,5	<1,4	<1,6	1,5	1,8	1,2	<1,2						
Na	1,8	1,7	1,45	1,4	<1,3	<0,9	<1,1	1,4						
Sn	<10 ⁻²	<10 ⁻²	<2·10 ⁻²	<2·10 ⁻²	<2·10 ⁻²	<2·10 ⁻²	<10 ⁻²	<2·10 ⁻²	<10 ⁻²	<10 ⁻²	<2·10 ⁻²	<2·10 ⁻²	<2·10 ⁻²	<10 ⁻²
Ba	0,094	0,096	0,1	0,115	0,11	0,1	0,087	0,13	0,102	0,077	0,11	0,1	0,1	0,077
Fe	3,9	4,0	4,91	5,04	5,68	5,25	3,23		3,8	4,1		3,77	3,9	2,7
Co	3,0·10 ⁻³	3,1·10 ⁻³		3,8·10 ⁻³		3,8·10 ⁻³	2,6·10 ⁻²	4,1·10 ⁻³	3,7·10 ⁻³	3,0·10 ⁻³		3,3·10 ⁻³		2,1·10 ⁻³
Co			4,4·10 ⁻³		4,4·10 ⁻³		2,6·10 ⁻³		3,7·10 ⁻³		4,6·10 ⁻³		3,3·10 ⁻³	
Sb	1,10·10 ⁻⁴		1,8·10 ⁻⁴		3,1·10 ⁻⁴		2,2·10 ⁻⁴		2,1·10 ⁻⁴		1,9·10 ⁻⁴		2,0·10 ⁻⁴	
Sb		1,9·10 ⁻⁴		2,6·10 ⁻⁴		2,7·10 ⁻⁴		1,9·10 ⁻⁴		2,0·10 ⁻⁴		2,0·10 ⁻⁴		2,1·10 ⁻⁴
Br	2,4·10 ⁻⁴		2,0·10 ⁻⁴		4,5·10 ⁻⁴		2,8·10 ⁻⁴		2,4·10 ⁻⁴		1,7·10 ⁻⁴		1,1·10 ⁻⁴	
Br		1,5·10 ⁻⁴		9,0·10 ⁻⁴		10 ⁻⁴		4,6·10 ⁻⁴		4,0·10 ⁻⁴		9,2·10 ⁻⁴		2,4·10 ⁻⁴
As	2,8·10 ⁻³		3,1·10 ⁻³		3,4·10 ⁻³		<10 ⁻⁴		6,2·10 ⁻⁴		2,2·10 ⁻⁴		4,7·10 ⁻⁴	
As		3,0·10 ⁻³		<10 ⁻⁴		<10 ⁻⁴		2,0·10 ⁻³		5,7·10 ⁻⁴		1,9·10 ⁻³		2,1·10 ⁻³
La		4,6·10 ⁻³		4,4·10 ⁻³		4,0·10 ⁻³				3,9·10 ⁻³		3,1·10 ⁻³		3,2·10 ⁻³
La			4,4·10 ⁻³		5,3·10 ⁻³		3,4·10 ⁻³		5,2·10 ⁻³				4,5·10 ⁻³	
Cs	6,4·10 ⁻⁴		9,3·10 ⁻⁴		8,2·10 ⁻⁴		6,6·10 ⁻⁴		6,7·10 ⁻⁴		1,0·10 ⁻³		7,2·10 ⁻⁴	
Cs		8,0·10 ⁻⁴		1,1·10 ⁻³		1,1·10 ⁻³		9,4·10 ⁻⁴		7,7·10 ⁻⁴		7,4·10 ⁻⁴		2,6·10 ⁻⁴
Rb	1,6·10 ⁻²		1,8·10 ⁻²		2,4·10 ⁻²		1,7·10 ⁻²		1,5·10 ⁻²		1,9·10 ⁻²		1,2·10 ⁻²	
Rb		1,3·10 ⁻²		1,9·10 ⁻²		1,9·10 ⁻²		1,7·10 ⁻²		1,3·10 ⁻²		1,4·10 ⁻²		7,6·10 ⁻³

A	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Cr ₂	10 ⁻²	<10 ⁻²	1,3·10 ⁻²	<10 ⁻²	1,1·10 ⁻²		<10 ⁻²	<10 ⁻²	1·10 ⁻²	<10 ⁻²	<10 ⁻²	<10 ⁻²	<10 ⁻²	4,3·10 ⁻³
Cr						9,1·10 ⁻³								
Ag	<10 ⁻⁴	<10 ⁻⁴	<2·10 ⁻⁴	<10 ⁻⁴	<2·10 ⁻⁴	<2·10 ⁻⁴	<10 ⁻⁴	<10 ⁻⁴	<10 ⁻⁴	<10 ⁻⁴	<2·10 ⁻⁴	<2·10 ⁻⁴	<2·10 ⁻⁴	<10 ⁻⁴
Au	5,4·10 ⁻⁶		1,5·10 ⁻⁶		5,0·10 ⁻⁶		2,1·10 ⁻⁶		2,0·10 ⁻⁵		2,2·10 ⁻⁶		2,1·10 ⁻⁶	
Au		3,7·10 ⁻⁶		2,1·10 ⁻⁶		4,2·10 ⁻⁶		3,4·10 ⁻⁶		1·10 ⁻⁴		1,7·10 ⁻⁶		1,7·10 ⁻⁶
Sc	2,9·10 ⁻⁴		6,3·10 ⁻⁴		6,2·10 ⁻⁴		3,6·10 ⁻⁴		4,3·10 ⁻⁴		5,9·10 ⁻⁴		4,3·10 ⁻⁴	
Sc		3,8·10 ⁻⁴		5,8·10 ⁻⁴		6,1·10 ⁻⁴		5,5·10 ⁻⁴		2,7·10 ⁻⁴		3,8·10 ⁻⁴		2,7·10 ⁻⁴
Zn	<6·10 ⁻³	<6·10 ⁻³	<6·10 ⁻³	<6·10 ⁻³		<6·10 ⁻³	<6·10 ⁻³	<6·10 ⁻³		3,2·10 ⁻²		<5·10 ⁻³		4,0·10 ⁻²
Zn					5,4·10 ⁻²				1,5·10 ⁻²		<7,0·10 ⁻²		2,6·10 ⁻²	
Hg	<10 ⁻³	<10 ⁻³		<10 ⁻³	8·10 ⁻⁴		<10 ⁻³	<10 ⁻³	8,4·10 ⁻⁴	<10 ⁻³	<10 ⁻³	<10 ⁻³	<10 ⁻³	8,4·10 ⁻⁴
Hg			1,8·10 ⁻³			9,4·10 ⁻⁴								
Mn	3,0·10 ⁻²	1·10 ⁻²		8,1·10 ⁻²		5,9·10 ⁻²								
Mn			2,1·10 ⁻²		3,8·10 ⁻²		4,8·10 ⁻²							
V		8,1·10 ⁻²		3,8·10 ⁻²			5,9·10 ⁻²		4,8·10 ⁻²					
Cl		<9·10 ⁻²		<4·10 ⁻²			<4·10 ⁻²		<6,3·10 ⁻²					

Таблица 3

Физико-механические свойства изделий городища Актобе

Обозначение и наименование изделий	Кислото-стойкость (в H_2SO_4)	Твердость (кг-мм ²)	Водо-погло-щение (%)	Объем-ный вес (кг/м ³)	Предел-прочнос-ти на сжатие (кг/см ²)
Шахристан-шлака водонный материал	97,3	600	8,21		200
То же, шлак черный	96,8	684	0,32		346
РШ-3 кв. 3		348	14,8		—
осколки 4-х угольника	98,1	—	—		405—
РШ-1	97,3	—	—		411,76
РШ-3 № 6	98,3	302	—		390—434
РШ-1	97,3	—	—		1166
РШ-3	97,3				
РШ-3 труба	—	500	—		1250 390
Азу сосуд	98,3	602	0,58		625—791,66
РШ-3 кувшин	97,8	627	—		434
№ 13 сосуд-серый	98,2	454	0,04		447,91
№ 7 строоительный кирпич, размером 220×220×50 мм	97,6	578	17,1		399
№ 12 силикат-глыба	97,3	348			
Силикат-глыба № 11 Актобе-79	97,6	312	—		223
РШ-1, кв. 4	97,3	—	10,3		—

Таблица 4

Рентгенографические данные для древних керамических изделий Актобе

№ 1		№ 5		№ 9		№ 14	
I	d	I	d	I	d	I	d
1	2	3	4	5	6	7	8
—	—	0,35	6,33	—	—	0,37	6,33
0,2	4,23	2	4,23	2	4,23	2, 5	4,23
0,2	3,74	—	—	3	3,96	0, 4	3,96
0,3	3,96	0, 4	3,96	2	3,74	—	—
—	—	1	3,64	—	—	1,25	3,64
0,2	3,62	—	—	1,8	3,62	—	—
—	—	—	—	—	—	0, 6	3,42
10	3,35	10	3,35	10	3,35	10	3,35
8	3,18	6	3,18	10	3,18	5	3,18
8	2,98	2	2,98	6	2,98	—	—
—	—	—	—	—	—	2	2,92
—	—	0,35	2,68	—	—	0, 7	2,68
—	—	3	2,50	6	2,50	—	—
—	—	—	—	—	—	2	2,49
—	—	1	2,45	—	—	2	2,45
0,15	2,28	—	—	—	—	—	—
—	—	0, 7	2,27	1,9	2,27	0, 7	2,27
—	—	—	—	—	—	0,35	2,22
0,15	2,20	—	—	—	—	—	—
0,25	2,12	—	—	3	2,12	—	—
—	—	1	—	—	—	1,25	2,11
0,2	2,00	—	—	1,8	2,00	—	—
—	—	0,35	1,97	—	—	0, 5	1,97
0,15	1,83	—	—	—	—	—	—
—	—	1,4	1,81	2	1,81	1,30	1,81
0,15	1,77	—	—	—	—	—	—
—	—	0,25	1,66	—	—	0, 7	1,66
0,25	1,62	—	—	2	1,62	—	—
—	—	1	1,53	—	—	0, 8	1,53

КУЛЬТОВЫЙ ОЧАЖОК ИЗ ОТРАРА

В полевом сезоне 1978 года на территории рабада городища Отрар-тобе был найден очажок. Отдельные фрагменты его были склеены и таким образом очажок был восстановлен полностью.

Очажок имеет форму круга диаметром 60 см с бортиком по краям, высота его 10 см, толщина 2,5 см. Верхняя часть бортика с внешней стороны образует карниз, выступающий на 1,5 см. Внутри круга имеется подковообразный выступ из бортика, длина которого по периметру 30 см. В центре подковообразного выступа расположена полуколонка, выступающая из бортика на 0,5 см, диаметр ее 2 см. Поверхность бортика на всю длину подковообразного выступа покрыта рельефными изображениями свастики (14 штук). Выполнены они при помощи штампа и каждая свастика заключена в квадрат размером 2×2 см. Две полуколонки, аналогичные и расположенные на одинаковом расстоянии от вышеупомянутой, как бы делят круг очажка на две равные части. Вся внутренняя сторона бортика покрыта вертикальными линиями, расположенными на расстоянии 4—6 мм друг от друга. Выше, как бы покрывая их, идет зигзагообразная горизонтальная линия. На противоположной стороне от подковообразного выступа на поверхности дна имеются два изображения свастики, аналогичные вышеупомянутым. Рядом при помощи штампа нанесены два четырехлепестковых цветка, обрамленных в фестончатые рамки, между лепестками помещено по одному кругу диаметром 4—5 мм. Поверхность центральной части очажка имеет следы воздействия огня.

Среднеазиатские терракотовые очажки отнесены исследовавшими их специалистами к IX—XIII вв. н. э.¹ Отрарский очажок тоже укладывается в эти рамки.

На неполивной керамике Отрарского оазиса очень часто встречается орнамент в виде прочерченных вертикальных полос, завершающихся зигзагообразной горизонтальной линией или вырезанными треугольниками, имитирующими, по мнению специалистов², гофрированные стены былых архитектурных сооружений. Подобный орнамент имеется на ручках от крышек и дастарханах Отрара, найденных в слоях, датированных Агеевой³, Акишевым, Байпаковым и Ерзаковичем⁴ IX—XI вв. А четырехлепестковый цветок, заключенный в фестончатую рамку, известен нам по мотивам орнамента на неполивной керамике из Отрарского оазиса, датируемой Агеевой VIII—XI вв.⁵ и на Самаркандских очажках, датируемых Л. И. Ремпелем X—XI вв.⁶ Аналогичный орнамент имеется на неполивной керамике из Пайкенда, датированной М. М. Дьяконовым IX—X вв.⁷

Изображение свастики имело явно ритуальное значение и неспроста она сконцентрирована вдоль подковообразного выступа, который, по всей вероятности, был самым почетным местом очажка и не исключено, что мотивы его восходят к глубокой древности.

Таким образом, основываясь на вышеупомянутых аналогиях, мы склонны отнести Отрарский очажок к IX—XI вв. н. э.

Прежде чем перейти к вопросу о назначении очажка, необходимо

упомануть, что сам по себе очажок из Отрара является уникальным и на сегодняшний день единственным.

Среднеазиатские очажки имеют подковообразную форму и высота их достигает 20—30 см с богато орнаментированными внутренними и лицевыми сторонами. Необходимым элементом их является противень, бортики которого также орнаментированы. Среднеазиатские очажки в миниатюре повторяют домашние кухонные очаги и отличаются только богатой орнаментацией. В то же время Отрарский очажок в несколько уменьшенном виде копирует форму переносного домашнего очага (сандала), распространенного среди населения Южного Казахстана и Семиречья. На очажке из Отрара мы видим элементы, характерные для очажков из Самарканда, в частности, подковообразный выступ и полуколонка в центре его.

Таким образом, очажок из Отрара вбирает в себя элементы, характерные как для городского населения Самарканда, Бухары, Шаша и др., так и для кочевого и полукочевого населения казахских степей. Этот момент в целом является характерной чертой для городской цивилизации Южного Казахстана, находившегося на стыке оседло-земледельческих цивилизаций Средней Азии и кочевым миром Евразийских степей.

На наш взгляд, формы очажков, как в городах Средней Азии, так и из Отрара, неспроста в миниатюре копируют домашние очаги и сандалы, предметы, тесно связанные с огнем. К тому же на всех очажках имеются следы воздействия огня. Все эти факторы дают основание полагать о возможности использования их огнепоклонниками. В пользу этого предположения говорит изображение свастики по периметру подковы, которое ряд исследователей связывает с символом огня. Этой точки зрения придерживаются, в частности, В. Л. Вяткин⁸, Г. Григорьев⁹, М. Аминджанова¹⁰, Л. И. Ремпель¹¹ и др. В этом отношении мы не можем согласиться с мнением В. Ф. Гайдукевича¹², который с большой уверенностью пишет о том, что очажки являлись художественным оформлением бытовых очагов. Наличие на очажках элементов архитектурного декора, характерного для архитектурных памятников раннего средневековья, в частности, полуколонн, гофрированных стен, покрытых стрельчатой аркадой, приводит В. Л. Вяткина¹³ и Л. И. Ремпель¹⁴ к мысли, что очажки изображали не что иное как зороастрийский храм. Мы согласны с этой точкой зрения еще и потому, что очажки из Самарканда в плане напоминают планировку раннесредневековых храмов с большими дворами из Пенджикента, в частности, элемент двора напоминает широкий противень с бортиком, сопровождающий любой очажок.

Все вышеуказанные данные говорят о том, что очажки носили культовый характер и являлись отголоском культа огня в эпоху становления мусульманской религии в Средней Азии. Б. Г. Гафуров приводит большое количество фактов, свидетельствующих о том, что большинство принявших ислам из политических и экономических соображений еще долгое время продолжали тайно исповедовать прежние религии¹⁵. Этим объясняется и появление очажков в период внедрения ислама среди коренного населения Средней Азии и их исчезновение в период полного утверждения мусульманской религии на территории Мавераннахр.

Таким образом очажок — зороастрийский алтарь, изображавший в миниатюре храм, перед которым огнепоклонники зажигали жертвенный огонь во исполнение предписаний Авесты.

- ¹ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Самаркандские очажки. — Сб.: Из истории искусства великого народа. Ташкент, 1972.
- ² Ремпель Л. И. Искусство Среднего Востока. Москва, 1978, с. 121.
- ³ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. V. Алма-Ата, 1958, с. 181.
- ⁴ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.
- ⁵ Агсеев Е. И. Опыт классификации керамики городов и поселений среднего течения Сырдарьи и Каратау. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, с. 86.
- ⁶ Ремпель Л. И. Искусство Среднего Востока. М., 1978, иллюстрация № 57.
- ⁷ Дьяконов М. М. Керамика Пайнеида. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949.
- ⁸ Вяткин В. Л. Городище Афрасаиб. Ташкент, 1927.
- ⁹ Григорьев Г. Тус-Туки. «Искусство», 1937, № 1.
- ¹⁰ Амиджанова М. Средневековые терракотовые очажки. — Сб студенческих работ САГУ им. В. И. Ленина, вып. XV, История, с. 61.
- ¹¹ Ремпель Л. И. Изображение «дома огня» на двух терракотовых плитах с Афрасаиба. Доклады АН ТаджССР, вып. 9, Сталинабад, 1953, с. 25.
- ¹² Гайдукевич В. Ф. Работы Фаркадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. — КСИИМК, вып. XIV, М., 1947.
- ¹³ Вяткин В. Л. Городище Афрасаиб. Ташкент, 1927, с. 53.
- ¹⁴ Ремпель Л. И. Изображение «дома огня» на двух терракотовых плитах с Афрасаиба. Доклады АН ТаджССР, вып. 9, Сталинабад, 1953, с. 25.
- ¹⁵ Гафуров Б. Г. Таджики. М., 1972, с. 327.

Р. З. БУРНАШЕВА

КЛАД ЧАГАТАИДСКИХ МОНЕТ 2-й ПОЛОВИНЫ XIII в. С ГОРОДИЩА ОТАР

Клады медных посеребренных дирхемов XIII в. нам хорошо известны по работе Е. А. Давидович, посвященной проблеме изучения денежного хозяйства Средней Азии после монгольского завоевания¹. Из перечня этих находок видно, что составная часть этой продукции выпускалась на Отрарском монетном дворе, начало работы которого относится к 649 г. х., 1251—52 гг.². Чекал его отличался большим однообразием в пределах 2-й половины XIII в.

На основании скрупулезного анализа обширного нумизматического материала по денежному обращению Чагатаидов, Е. А. Давидович, в отличие от установившейся в истории периодизации, предлагает новую, позволившую в более конкретной форме рассмотреть вопросы экономической жизни Мавераннахра и разных областей после монгольского завоевания. Согласно этой периодизации, на первый этап приходится время — четверть столетия от завоевания Средней Азии монголами и примерно до середины XIII в. Более или менее регулярный выпуск монет осуществляли тогда два города — Самарканд и Бухара³. Второй этап охватывает время до 1271 года, т. е. до проведения купцом Масуд-беком денежной реформы. На этом этапе начинается регулярная чеканка низкопробной анонимной золотой монеты, не знавшей границы и активно участвовавшей как средство обращения⁴. Работали монетные дворы Бухары, Самарканда, Ходжента и Отрара. Оживилась и мелкая торговля. Наиболее показателен в этом плане Отрар. На всем протяжении второго этапа здесь ежегодно выпускались медные посеребренные дирхемы. Тип

их не менялся⁵. Третий этап начинается с реформы Мас'уд-бека. Основу ее составила организация чекана высокопробных серебряных монет⁶. Возвращение к чекану настоящих серебряных монет после более чем двух с половиной столетий «серебряного кризиса» явилось важнейшей победой и единственно правильным и последовательным способом по ликвидации последствий всех кризисов, пережитых серебром⁷. Сейчас известно 15 монетных дворов, работавших в последней четверти XIII в. на базе свободного чекана серебряных монет⁸. По имеющимся в настоящее время данным, в первое десятилетие после реформы регулярный выпуск серебра был налажен лишь только в северо-восточной части государства Чагатаидов (Отрар, Кенджде, Тараз, Ходжент)⁹. Монетные дворы юга Казахстана (Отрар) и Семиречья (Тараз и Кенджде) давали на втором и третьем этапе реорганизации денежного хозяйства Чагатаидов такую обильную продукцию, что выделены Е. А. Давидович как центры, обслуживающие не только местный рынок, но и торговлю широкого ареала. Исследуемый нами материал целиком относится ко второму этапу реорганизации денежного хозяйства Чагатаидов. Далее мы будем рассматривать его только в этих пределах, не касаясь чекана серебряных монет, когда активную роль в выпуске этих денежных знаков начинают играть города Семиречья — Тараз и Кенджде.

В чагатаидских кладах, найденных в различных районах Средней Азии, нередко находки из медных посеребренных дирхемов Отрара, свидетельствующие о довольно интенсивном росте этого города. Утверждение некоторыми историками, что население Отрара было полностью истреблено при взятии города монголами, видимо, не имеет достаточного основания, так как через два десятка лет город переживает такой экономический подъем, что становится одним из крупнейших центров не только юга Казахстана, но и всей Средней Азии этого периода. Наглядным примером служит клад монет, найденный в 1972 г. на берегу канала Алтын-Арык под Отраром (190 экземпляров). Датируется он 2-й половиной XIII в. В отличие от других кладов этого же времени, указанных в работе Е. А. Давидович¹⁰, наш непосредственно найден под Отраром и по своему составу четко делится на две группы по внешнему облику. Это — крупные медные монеты диаметром от 38 до 42 мм, являющиеся медными посеребренными дирхемами, и медные фельсы диаметром от 24 до 26 мм. Количество последних в кладе незначительное: 17 экз. из 190¹¹. Внимательное изучение фельсов показало, что на двух из них в круговых легендах вместо «фельса» читается «дирхем». Это дает возможность предположить, что отрарские медные посеребренные дирхемы выпускались двух номиналов, следуя традициям караханидских и хорезмшахских времен. Да и в само монгольское время в Бухаре на первых двух этапах реорганизации денежного хозяйства было выявлено семь типов¹². Возможно, они также выпускались двух номиналов, так как известно, что 5 типов чеканились по одному весовому стандарту, а номинал двух типов, к сожалению, еще не выяснен¹³. Наличие в кладе медных посеребренных дирхемов двух номиналов и медных фельсов дают совершенно новые дополнительные сведения по денежному обращению Чагатаидов 2-й половины XIII в., что является пока новым материалом в нумизматической литературе этого периода.

Е. А. Давидович, делая оценку 2-й половины XIII в., пишет, что «реформа Мас'уда не была полной и законченной, если бы она не коснулась медных монет-фельсов, обслуживающих сферу мелкой торговли»¹⁴. Далее она отмечает, что пока нет достоверных данных для реше-

ния вопроса о медных фельсах на первых двух этапах в Мавераннахре. Ставится также под вопрос чеканка фельсов в Отраре и Ходженте в этот период¹⁵. В Алмалыке, где выпускались систематически настоящие серебряные дирхемы, чеканились и медные фельсы, так как восточная часть Чагатайского улуса с центром в Алмалыке находилась в особом положении. Город являлся главным в области, которая составляла ядро владений самого Чагатая. Монетный чекан Алмалыка свидетельствует о весьма благополучном состоянии здесь денежной торговли¹⁶. В этом плане Отрар, видимо, не уступал Алмалыку. Но только здесь функцию серебряных денег выполняли медные посеребренные дирхемы. Был налажен выпуск и медных фельсов. Возможно, чеканка их была не слишком обильной и продолжительной, но назначение их было узкокопальное, т. е. для обслуживания только местного рынка. Пока мы располагаем лишь несколькими датами, сохранившимися на фельсах: 656 г. х./1258, 66(1) г. х. 1262—63 и 662 г. х./1263—64. Они позволяют сказать, что медь, по-видимому, выпускалась систематически. На всех фельсах в круговых легендах, где помещались выпускные сведения, в датировках отсутствуют сотни. Видимо, объяснение кроется в малом размере монетного кружка. Несмотря на это, медные фельсы Отрара четко датируются медными посеребренными дирхемами, т. к. по типу ничем от них не отличаются. Дата на дирхемах читается полностью. Благодаря чему мы относим фельсы Отрара ко второму этапу реорганизации денежного хозяйства Чагатайдов.

Таким образом, во 2-й половине XIII в., в Отраре был налажен систематический выпуск медных посеребренных дирхемов, составляющих основу денежного хозяйства, сферу мелкой торговли обслуживали медные фельсы и крупную межгородскую — золотые динары. Такое благополучие в денежной торговле было непосредственно связано с экономическим благосостоянием города Отрара. Об этом пишет и В. В. Бартольд, указывая, что в «начале 60-х годов XIII в. Отрар снова стал большим торговым городом»¹⁷.

Перейдем к характеристике монет нашегоклада. Начнем с медных посеребренных дирхемов, число которых равно 171. До сих пор было известно, что дирхемы отрарской чеканки однотипны и разделяются на два варианта с определениями «хани» и «менгу хани», что означало принадлежность этих монет государственному выпуску (монета ханская)¹⁸. В нашем кладе, благодаря дополнительной надписи на монетах «хани» можно выделить третий вариант в чекане медных посеребренных дирхемах Отрара. Надпись эту можно прочесть как — «ярлыг» «жаловать» — «обнародовать», подчеркивающее прерогативу монгольских ханов в денежном хозяйстве в северо-восточной части Чагатайского улуса. Эта надпись скромно помещена в поле с правой стороны монеты, где обычно бывает орнамент в виде кружка или параграфа. На некоторых экземплярах она читается четко, а на других проглядывает еле-еле. Имеется она на 14 монетах независимо от годов выпуска. Надпись ни в коем случае не нарушает однотипность дирхемов отрарской чеканки, в чем весьма было заинтересовано монгольское правительство. Однотипность показывала, что рынок здесь не подвержен никаким колебаниям и что медные посеребренные дирхемы вполне соответствуют своей функции серебряных денег. Правительство довольствовалось тем, что получало хороший доход от разницы между стоимостью металла и их принудительным курсом. А между тем однотипный, анонимный медный посеребренный дирхем имел несколько определений, подчерки-

вающих принадлежность чекана именно ханской власти (монета ханская, пожалованная).

Из 171 медных посеребренных дирхемов одного номинала 83 имеют название «хани», 72 — «менгу хани», на 16 экземплярах эти названия стерты. Сохранность монет нашего клада не совсем удовлетворительна, как и впрочем и многих чагатайских монет. На 76 посеребренных дирхемах выпускные сведения отсутствуют или стерты, или же срезаны. На всех монетах, где читаются круговые легенды, есть указание на место чекана — чекан города Отрара. На некоторых монетах читаются двойные даты, т. е. на лицевой стороне одна дата, а на оборотной другая. К примеру, 651/653 гг. х., 661/662 гг. х. В оттарском чекане медных посеребренных дирхемов известна еще одна монета с двойной датировкой 654/655 гг. х. из клада, найденного в 1948 г. на станции Чирчик Горная. Клад состоял из 36 монет, выпущенных в Отраре в 50—60 гг. XIII в.¹⁹ Такое явление довольно распространено в монетном деле Средней Азии как в раннее, так и в позднее средневековье. Объяснялось это тем, что в годы, когда происходили на монетном дворе большие переделы и не хватало новых штемпелей, использовались хорошо сохранившиеся штемпели прошлых лет.

Монеты «менгу хани» из нашего клада более лучшей сохранности, чем «хани». Из 72 экземпляров этих монет на 25-ти выпускные сведения отсутствуют либо из-за потертости монеты, либо края ее срезаны, либо они оттиснуты на монете неполностью из-за малого ее размера. А из 83 экз. «хани» — 51 не поддается полному определению по тем же самым причинам. Следует отметить, что монгольская администрация, видимо, при выпуске медных посеребренных дирхемов не придавала особого значения сохранению на монете выпускных данных. Об этом свидетельствуют хорошо сохранившиеся центральные легенды на монете, тогда как круговые вообще отсутствуют или же оттиснуты неполностью. Так, дирхемы «менгу хани» из клада содержат 13 экз., на которых дата читается частично — 65 г. х., а «хани» — 15 экз., из которых на 4-х оттиснута дата 65 X г. х., на 8-ми экз. — 66 X г. х., а на остальных — 6XX г. х. Тщательностью не отличалась и продукция других монетных дворов этого периода — Бухары, Самарканда и Ходжента. Причина сего, видимо, в том, что медные посеребренные дирхемы функционировали на денежном рынке того или иного города или области весьма непродолжительное время, в пределах 20—25 лет. Обращение их отличалось узколокальностью, т. е. бухарские медные посеребренные дирхемы должны были обслуживать только Бухару, а самаркандские — Самарканд. Но последнее не касалось медных посеребренных дирхемов Отрара, т. к. его монеты встречались далеко за пределами Оттарского оазиса. В чем же заключался этот секрет оттарских медных посеребренных дирхемов, хотя по внешним признакам они мало чем отличались от продукции других монетных дворов 2-й половины XIII в. (размер, анонимный чекан и т. д.). Видимо, на оттарском монетном дворе в это время существовал другой весовой стандарт, более высокий, чем в Самарканде, Бухаре и Ходженте. Это-то и позволяло оттарским дирхемам переходить границы своего региона и пользоваться спросом и доверием у населения Южного Казахстана, Семиречья и Узбекистана²⁰. Все известные чагатайские клады медных посеребренных дирхемов четко определены по своему составу, т. е. содержат монеты одного города, и это легко объясняется их узколокальностью. К примеру, клад, найденный в пригороде Самарканда в 1941 г., состоял из

монет, чеканенных только в Самарканде²¹. Но как объяснить тот факт, что клад, обнаруженный в 1927 г. в окрестностях Намангана, состоял из монет только отарской чеканки²². Другой вопрос, когда клад найден на Отраре и состоит из монет того же города. Монетная эмиссия его была настолько обильной, что исключала возможность обращения здесь монет других городов. Допустимы случаи находок отдельных монет Бухары, Самарканда и Ходжента, случайно завезенные среднеазиатскими купцами. Видимо, вопрос опять-таки упирается в весовое различие монет отарской чеканки от других городов. Это выделяло их в отдельныеклады даже вне предела Отарского оазиса. В то же время обратную картину показываютклады с золотыми монетами этого же периода. В них содержалась монетная продукция разных городов, так как она принималась только на вес. Отличительным свойством ее была низкопробность, т. е. все чагатайские золотые динары независимо от места чеканки выпускались почти одной пробы 583, изредка 500²³. Это позволило Г. А. Федорову-Давыдову сделать вывод о том, что «Золотые монеты легко проникали через политические границы, которые членили Среднюю Азию на феодальные улусы. Динары продолжали оставаться средством международного денежного обращения»²⁴. Вероятно, в этом плане отарские медные посеребренные дирхемы, хотя и не принимались на вес, походили на обращение золотых монет.

По данным Е. А. Давидович, чеканка медных посеребренных дирхемов на Отраре заканчивается в 662 г. х./1263—64 гг.²⁵. Экземпляры «хани», содержащие дату 663 г. х. (см. табл. 1) несколько расширяют границы продолжительности чеканки медных посеребренных дирхемов в Отраре. Это не является исключением, т. к. известна монетная продукция этого же года городов Самарканда и Ходжента²⁶. А Бухарский монетный двор продолжал свою работу по 667 г. х.²⁷.

Для более подробного анализа материалаклада разделим медные посеребренные дирхемы на три группы по вариантам. Дирхемы с определением «менгу хани» отнесем к 1 группе, «хани» — ко 2-й и к 3-ей группе — остальные монеты, на которых эти данные стерты, и рассмотрим их по годам выпуска, сохранившихся на монетах.

Таблица 1

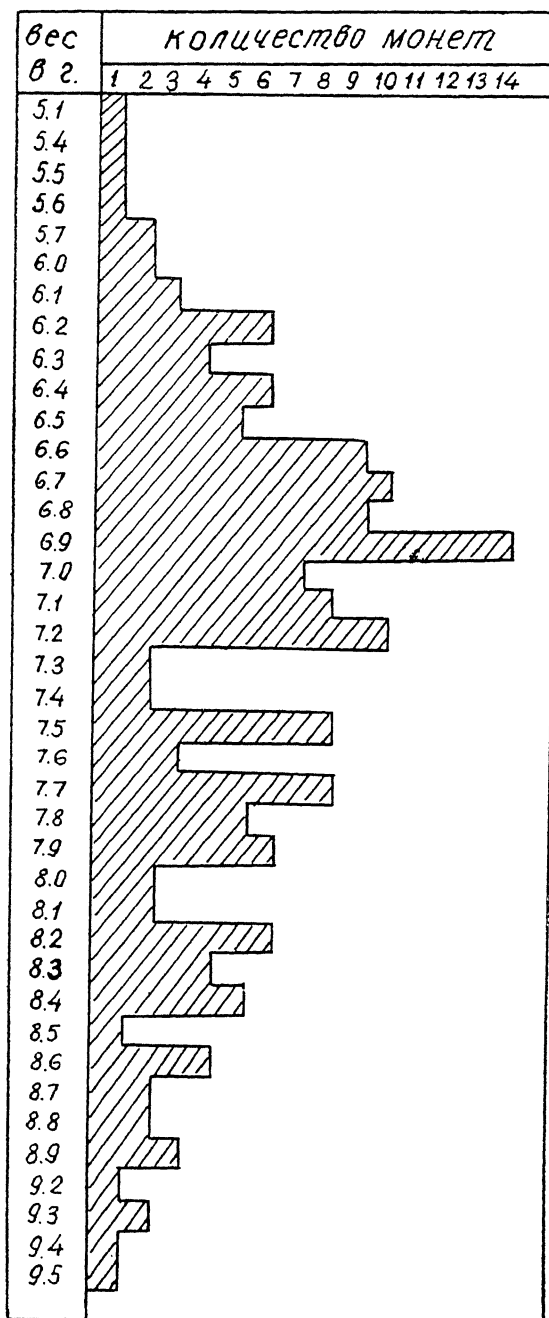
Дирхемы	Годы хиджры														
	651	652	653	651/663	654	656	657	658	65X	661	662	661/662	663	6XX	66X
менгу хани	1	1	1	—	1	16	2	12	13	—	—	—	—	—	—
хани	2	—	—	1	—	6	—	1	4	3	2	1	3	1	1
стер- тые	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	2	—	—	—	—

Из таблицы видно, что дирхемы «хани» чеканились гораздо регулярнее и продолжительнее, чем «менгу хани», а последние в 60-х гг. XIII в. вообще уже не выпускались. Самая обильная продукция дирхемов приходится на 50-е годы XIII в. — на 656 г. х. (23 экз.) и на 658 г. х. (13 экз.). А в 60-х годах на 662 г. х. (4 экз.). 8 экз. 66X могут распре-

литься на чекан трех лет — 661, 662 и 663 гг. х. Эти данные, приведенные в таблице 1 и касающиеся только одного клада, не могут служить эталоном для всего чагатайского чекана. Но по мере накопления монетного материала для обобщающих выводов об интенсивности монетной эмиссии Чагатайдов во 2-й половине XIII в. они сыграют свою роль.

Анализ весовых данных посеребренных дирхемов нашего клада отражен в таблице II (таб. II). Из нее видно, что наибольшее число монет приходится на вес от 6 до 6,9 г (69 экз.). Вершина фиксирует вес, равный 6,9 г (14 экз.). 59 монет имеют вес от 7 до 7,9 г и самое большое количество их выпадает на вес 7,2 г (10 экз.). Из 32 дирхемов с весом от 8 до 8,9 г наибольшее число экземпляров относится к 8,2 г (6 экз.). Дирхемы с весом от 5 до 6 г, от 9 до 10 г, а также два экземпляра с весом 12,27 г и 10,25 г настолько единичны, что их данные нами не привлекаются для выяснения весового эталона медных посеребренных дирхемов Отрар 2-й половины XIII в. К сожалению, для решения этого вопроса недостаточно оперировать весовыми данными только одного клада. Мы пока располагаем материалом только двух кладов отрарской чеканки, где приводятся сведения о весовом составе: это исследуемый нами клад и клад, найденный на ст. Чирчик Горная²⁸. Отрарские посеребренные дирхемы с этого объекта имеют в основной массе (из 36 экземпляров — 26) колебание веса в пределах от 6,8 до 7,9 г. Наши монеты в основной массе почти повторяют эти колебания, только диапазон их наиболее широкий — от 6,2 до 8,2 г (см. табл. 2). Требуются данные десятков кладов, чтобы точнее определить весовой стандарт отрарских медных посеребренных дирхемов 2-й половины XIII в. В конце XII, начале XIII в. на караханидских и хорезмшахских монетных дворах одновременно выпускались медные посеребренные дирхемы минимум двух достоинств, а иногда, вероятно, и более²⁹. Они различались не только в весе, но имели разный размер и отличались также в типовом отношении³⁰. Что же касается отрарских медных посеребренных дирхемов, то они в типовом отношении однотипны, отклонения в размере незначительные — от 38 до 42 мм, в среднем имеют размер 40 мм. В весовом отношении можно выделить, согласно таблице II, две вершины, на которые выпадает наибольшее число монет: 6,9 и 7,2 г. Учитывая, что отрарские дирхемы однотипны и по размеру почти не отличаются друг от друга и встречаются далеко за пределами Отрарского оазиса, можно предположить, что они чеканились одного весового стандарта. Применяя графический метод, определим средний вес отрарских медных посеребренных дирхемов, используя весовые данные таблицы II. Оказывается, он равен 7,1 г. Учитывая сильную потертость этих монет, можно предположить, что весовой эталон был выше этого веса и равнялся примерно 7,5—7,8 г. Таким образом, мы видим, что в любом случае весовой эталон медных посеребренных дирхемов из Отрара был выше, чем у бухарских и самаркандских монет. Последние, правда, были неоднотипны и отличались узколокальностью в обращении, вследствие чего каждый монетный двор выпускал их согласно своему весовому стандарту. По определению Е. А. Давидович самаркандские медные посеребренные дирхемы с начала выпуска — 619 (?) по 663 гг. х. чеканились десяти типов³¹. Из них пять являлись однотипными и вес их колебался около 6 г³². В Бухаре на первых двух этапах чеканки медных посеребренных дирхемов было выявлено семь типов³³. Пять из них чеканились по одному весовому стандарту (реальный вес — вокруг 6 г, а чаще выше

Таблица II

6 г). Наш клад отарских медных посеребренных дирхемов второго этапа реорганизации денежного хозяйства Чагатаидов выделяет продукцию монетного двора Отрара по двум основным признакам: отарские посеребренные дирхемы чеканились более высокого весового стандарта (7,5—7,8 г.), чем бухарские (выше 6 г) и самаркандские (6 г); чеканка Отрара отличалась однотипностью и однообразием монетных кружков. Эти данные позволяли отарским медным посеребренным дирхемам свободно обращаться не только на территории юга Казахстана и Семиречья, но и во многих областях современного Узбекистана, т. к. эти знаки стоимости пользовались полным доверием у населения.

По тем сведениям, которыми мы располагаем на сегодняшний день, чеканка медных посеребренных дирхемов в империи Чагатаидов была прекращена почти одновременно: Отрар и Самарканд в 663 г. х., Ходжент (66)5 г. х. и Бухара в 667 г. х. Но в обращении они продолжали бытовать, видимо, до денежной реформы Мас'уд-бека, которая дала настоящую серебряную монету твердого веса и высокой пробы³⁴.

Наглядной иллюстрацией, показывающей, что отарские медные посеребренные дирхемы выполняли функцию серебра, является наличие в кладе медных фельсов. Их всего 17 экземпляров, да плюс еще один из Отрара (1975 г.). Все эти монеты за исключением одной, выпущенной от имени купца Мас'уд-бека, являются однотипными. Они в точности копируют тип медных посеребренных дирхемов Отрара с вариантом — «хани». Лицевая сторона их содержит в поле символ веры и упоминание халифа Насира. Кругом, между линейными ободками — выпускные сведения. На оборотной стороне в верхней строке поля указан вариант монеты «хани», затем ниже следует титул и имя халифа Насира. Кругом, между двумя линейными ободками — выпускные сведения.

По внешнему оформлению медные фельсы Отрара представляют собой правильной формы монетные кружки диаметром от 24 до 26 мм. Сохранность их неважная. Из 18 — 10 стертых, а остальные, хотя и сохранили легенды в поле, но выпускные сведения в круговых данных имеются в обрывочном состоянии. Но все же, где они читаются, на монете можно увидеть наименование монетного двора: — чекан Отрара; название номинала, который дается на некоторых в единственном числе — фельс, на других во множественном — фулюс. На одной монете перед обозначением номинала стоит персидский предлог «дар». Если это слово принять, действительно, за предлог, то он должен быть перед названием города, т. к. обозначает нахождение на месте. А потом, странно было бы видеть на монете, где все легенды написаны на арабском языке, один предлог на персидском. Скорее всего, здесь явная ошибка резчика штампа, который вначале хотел, видимо, написать на монете слово «дирхем», а затем переправил его на «фулюс». Имея в виду две монеты, на которых в круговых легендах читается «дирхем», можно считать наше предположение вполне достоверным.

Что же представляют из себя эти две монеты, которые первоначально нами были отнесены к фельсам, поскольку по внешнему оформлению, т. е. по типу и весу ничем не отличались от медных монет нашего клада. Точная датировка их также, как и большинство фельсов, не устанавливается по очень простой причине. На одной монете от надписей ничего не сохранилось. На другой — часть с выпускными сведениями не поместилась по кругу монеты из-за малого ее размера и оказалась как бы срезанной. Зато на обеих читается, правда, с большим трудом, названия месяца производства ее³⁵. В одном случае (инв. № 96) это

месяц «джумада» 1», соответствующий нашему месяцу маю. В другом месяце «зул-ка'да» — наш декабрь. Непонятно, почему на этих однотипных медных дирхемах, где основные выпускные сведения, содержащие дату, название монетного двора, оформлены плохо, имеется обозначение месяца. Даже для основного номинала оно не характерно³⁶.

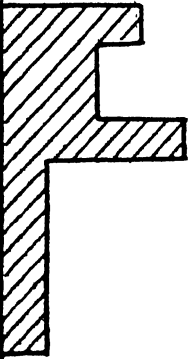
Внимательное исследование этих двух монет дало нам очень интересные данные. По номиналу они оказались «дирхемами», т. е. медными посеребренными денежными знаками. Это меняет всю структуру денежного хозяйства Отрара 2-й половины XIII в. Считалось до сих пор, что его основу составляли однотипные медные посеребренные дирхемы одного номинала. По материалу нашего клада выходит, что отрарские медные посеребренные дирхемы выпускались двух весовых стандартов, что в общем-то практиковалось и в Средней Азии на многих монетных дворах в начале XIII в. Так, например, в Бенакете зафиксированы в обращении посеребренные дирхемы двух номиналов с соотношением 1:2³⁷. В Термезе дирхемы Хорезмшаха Мухаммада, выпущенные в 617 г. х. (1220) также чеканились по разному весовому стандарту с соотношением 1:1,5³⁸. Е. А. Давидович считает, что в последней четверти XII — начале XIII веков в одно и то же время в денежном обращении могло быть, по крайней мере, два-три номинала³⁹. Такое положение, видимо, имело место и на Отрарском монетном дворе в середине XIII в. Дробность эта, видимо, диктовалась потребностями рынка, где в обращении отсутствовала медная монета. Трудно сказать, в каком именно соотношении производились отрарские посеребренные дирхемы двух номиналов, так как дирхемов с низким весовым стандартом у нас пока только два. Вес их равен (инв. № 96) 2,30 г; (инв. № 43) 2,96 г. Учитывая весовой стандарт основного номинала, который равен по материалу нашего клада 7,5—7,8 г, можно предположить, что соотношение между двумя отрарскими номиналами примерно было 1:2,5, или же 1:3.

По-видимому, чеканка обоих номиналов началась на монетном дворе Отрара одновременно с 649 г. х./1251—1252, а затем дирхемы с низким весовым стандартом были заменены медными фельсами. Видимо, эта замена произошла в 656 г. х., так как у нас есть фельсы с указанной датой. Пришедшие на смену медных посеребренных дирхемов медные монеты ничем не отличались от своих предшественников (ни по типу, ни по размеру, ни по весу). Однотипность в денежном хозяйстве не нарушалась, и мелкая денежная торговля обеспечивалась необходимыми средствами платежа, но зато не нужно было покрывать монету тонким слоем серебра, как это делалось раньше. Все равно через некоторый промежуток времени медные посеребренные дирхемы приобретали медноподобный вид. Видимо, из этой операции казна получила немалый доход. Стабильность и нормальное положение в денежном хозяйстве сохранялось. Выпуск медных монет наряду с медными посеребренными дирхемами практиковался на территории домонгольской Средней Азии. Известны девять типов фельсов конца XII — начала XIII вв., которые обслуживали именно сферу медного обращения⁴⁰. Со существованием медных посеребренных дирхемов с медными фельсами вполне закономерно, когда дирхемы оправдывали свое назначение обслуживать сферу серебряного обращения.

Медные фельсы Отрара, за исключением двух монет (одна от имени Мас'уд-бека вес=4,95 г, другая из раскопок 1975 г. вес=1,65 г) по весовым данным фиксируют следующие колебания: 13 монет от 2,3 до 2,9 г;

3 — от 3 до 3,2 г (см. табл. III). Средний вес этих монет можно представить как весовой эталон, по которому они чеканились. Примерно он равен 2,6 г. Возможно, он в действительности был немного выше, чем мы получили по материалу нашего клада. Но, во всяком случае, выходит, что соотношение, полученное между двумя номиналами медных посеребренных дирхемов, распространяется и на медные фельсы, то есть 1 : 2,5 или 1 : 3.

Таблица III

К-во монет					
		1	2	3	4
вес в граммах	2.3				
	2.4				
	2.6				
	2.7				
	2.8				
	2.9				
	3.0				
	3.1				
	3.2				

Существование на рынке одного города одновременно монет разного вида и достоинства свидетельствует о значительном размахе денежной торговли, что безусловно связано с экономическим сдвигом в хозяйственной жизни. Чеканка на монетном дворе Отрара в исследуемый период золотых динаров, посеребренных дирхемов двух весовых стандартов, а также медных фельсов — факт, говорящий о значительной роли Отрара в северо-восточной части Чагатайского улуса. Это вклад нумизматики для характеристики социально-экономического состояния хозяйства указанного региона.

Интересную находку в нашем кладе представляет фельс, чеканенный от имени Мас'уд-бека. К сожалению, круговые легенды настолько стерты, что определить место и дату выпуска этой монеты невозможно. По почерку, по типу и весу (4,95 г) она резко отличается от остальных 17 экземпляров медных монет. На одной стороне данный фельс содержит как и все монеты монгольского чекана в поле символ веры, окаймленный двумя линейными ободками. На другой стороне в поле, окаймленном двумя линейными ободками, читается следующая надпись

в три строки: «чеканена по приказанию Мас'уд-бека хорезмийского». Между словами «чеканена» и «по приказанию» на монете есть еще лишний знак непонятного характера, который, видимо, следует считать ошибкой резчика штемпеля. Круговая легенда на этой стороне частично срезана, а остальное стерто, как и на другой стороне. Нужно сказать, что монгольские монеты чагатайского чекана, выпущенные после Чингис-хана до реформы Кебека-хана были анонимными, т. е. без имени государей. Единственное имя, которое прставлялось на всех видах монет, было имя халифа Насира. Оно, по мнению Е. А. Давидович, было данью традиции, как и все прочие мусульманские надписи⁴¹. Поэтому появление имени Мас'уд-бека даже на медных монетах является фактом необычным, хотя он и являлся по словам В. В. Бартольда: «...верховным правителем всех культурных областей Средней Азии, от области уйгуров до Хорезма, и сохранил за собой эту должность до своей смерти (1289 г.), несмотря на все перевороты, происшедшие за эти полвека⁴²». Мас'уд-бек успешно провел две денежные реформы, которые способствовали развитию денежной торговли, оживлению городской жизни и внедрению денег во многие области хозяйства, в частности, при сборе купчуга денежного налога с населения⁴³.

В известных сейчас письменных источниках нет упоминаний о денежных реформах Мас'уд-бека, нет и сведений о чеканке монет от его имени. Известно, что он был проводником экономической политики монголов в Средней Азии. Последних интересовало только доход, который они могут получить с покоренной страны. Поэтому в дела управления, сбор налогов и податей, в монетное дело они не вмешивались, в результате чего все монеты Средней Азии после Чингисхана оказались анонимными, без имен монгольских государей⁴⁴.

Каким образом в составе нашего клада из Отрара оказался фельс Мас'уд-бека, пока является загадкой, так как трудно что-либо сказать по одной монете. Возможно, она была завезена на Отрар каким-нибудь среднеазиатским купцом, поскольку, если эти фельсы выпускал Отрарский монетный двор, количество их в нашем кладе оказалось бы больше, или же, по крайней мере, за 10 лет раскопок Отрара были бы найдены еще несколько экземпляров данных монет. При Саманидах и Караханидах в Средней Азии некоторые удельные правители имели право выпускать медную монету от своего имени для локального обращения. Возможно, что Мас'уд-бек как наместник монголов на казахстанских и среднеазиатских территориях, входящих в состав Чагатайского государства, использовал свое право — чеканить монету с собственным именем. Но, учитывая сложившуюся традицию не помещать на монетах собственное имя, кроме имени халифа Насира, видимо, прекратил чеканку фельсов, продолжавшуюся недолго на одном из функционировавших во 2-й половине XIII века среднеазиатских монетных дворах Ходжента, Самарканда или Бухары. Поскольку весь материал нашего клада мы датировем 50—60-ми годами XIII в., то и медный фельс Мас'уд-бека мы относим к этому периоду. Клад медных посеребренных дирхемов и фельсов представляет собой весьма интересный источник, который дает новые сведения не только по денежному обращению юга Казахстана в 50—60-е годы XIII века, но и дополняет среднеазиатскую нумизматику этого периода, раскрывая одну из важнейших сторон социально-экономического состояния хозяйства Чагатайдов, а именно, денежного хозяйства.

¹ Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас-уд-бека (XIII), М., 1972, с. 20—22.

² Там же, с. 19.

³ Там же,

⁴ Там же, с. 136—137.

⁵ Там же, с. 139.

⁶ Там же, с. 141.

⁷ Там же, с. 142.

⁸ Там же.

⁹ Там же, с. 147.

¹⁰ Там же, с. 21—22.

¹¹ В монетном материале, добытом на городище древнего Отрара за 1975 год (раскоп III, в северной части) обнаружен еще один фельс Отрарской чеканки 2-й половины XIII века с определением «хани». Сохранность его неважная, круговые легенды совершенно стертые. Инв. № 456/5, д. 24 мм, в-1, 65 г.

¹² Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии..., с. 46.

¹³ Там же,

¹⁴ Там же, с. 109.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 135.

¹⁷ Бартольд В. В. Соч., т. II, ч. I, М., 1963, с. 149.

¹⁸ Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии..., с. 27.

¹⁹ Там же, с. 21.

²⁰ Там же, с. 20—22.

²¹ Аляхмова З. А. Клад медных посеребренных монет самаркандских дирхемов 663 г. х. Труды САГУ, Новая серия, вып. XI, 1950, с. 69—74.

²² Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг. Материалы Узкомстариса, вып. 5, Ташкент, 1933, с. 12.

²³ Федоров-Давыдов Г. А. Клад золотых монет XIII в. из Средней Азии. Нумизматика и эпиграфика. II, 1960, с. 136.

²⁴ Там же.

²⁵ Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии..., с. 19, 39, 47.

²⁶ Там же, с. 19, 20.

²⁷ Давидович Е. А. Заметки по нумизматике Средней Азии. ч. I (Караханиды, Джагатаиды, Джаниды). Материальная культура Таджикистана, вып. 2, Душанбе, 1971, с. 183, см. же. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в., с. 13.

²⁸ Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в., с. 21.

²⁹ Давидович Е. А. Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв. Нумизматика и эпиграфика, II, М., 1960, с. 107. См. же. Из области денежного обращения на территории Ферганы. Труды Музея истории Узбекской ССР, вып. II, Ташкент, 1954, с. 47, 48.

³⁰ Давидович Е. А. Из области денежного обращения на территории Ферганы..., с. 106.

³¹ Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в., с. 13, 42.

³² Там же, с. 42.

³³ Там же, с. 46.

³⁴ Там же, с. 144.

³⁵ Чтение В. Настича.

³⁶ Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в., с. 19.

³⁷ Давидович Е. А. Из области денежного обращения на территории Ферганы, с. 47—48.

³⁸ Давидович Е. А. Из области денежного обращения в Средней Азии в XI—XII вв., с. 106.

³⁹ Давидович Е. А. Из области денежного обращения на территории Ферганы, с. 52.

⁴⁰ Давидович Е. А. Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XIII вв., с. 109—110; Шншкина Г. В. Клад медных монет с Афрасиаба. Сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 5, Ташкент, 1964, с. 121, 122.

⁴¹ Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в., с. 120.

⁴² Бартольд В. В. т. II, ч. I, М., 1963, с. 148.

⁴³ Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в. с. 34—36.

⁴⁴ Там же, с. 118.

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНИХ КОЧЕВНИКОВ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

Памятники развитого средневековья Западного Казахстана до последних лет остаются почти неисследованными в историческом, археологическом и этнографическом отношении. Между тем в последние 10 лет в археологии Казахстана этому периоду медиевистики посвящено серьезное внимание. В частности, этому периоду посвящена диссертация С. М. Ахинжанова «Развитие отношений Хорезма и кипчаков в XII веке»; исследование Б. Е. Кумекова «Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам»; диссертация Ф. Х. Арслановой по истории племен Прииртышья с середины I тысячелетия до н. э. по X века н. э.; диссертация С. Жолдасбаева «История материальной культуры казахов XV—XVIII вв.»; исследования в средневековом городище Отрар.

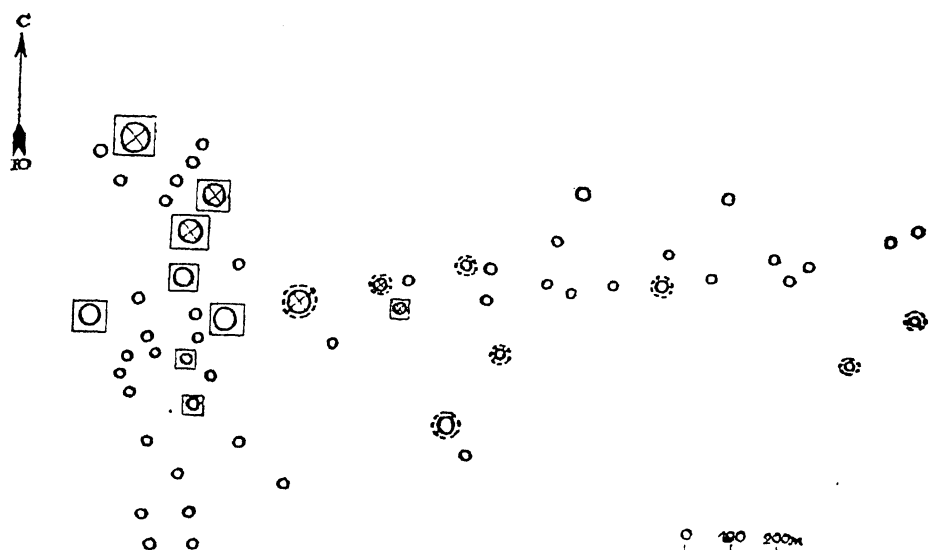

Рис 1

□ ⊗ Раскопанные позднекочевнические курганы.
ПЛАН МОГИЛЬНИКА КАРА-СУ

Синхронные памятники в низовьях Поволжья и Южнорусских степей уже исследованы и введены в научный оборот как ценные источники по средневековой истории нашей страны. Археологические памятники Южнорусских степей и Поросья изучены и проанализированы С. А. Плстневой в ее работах (1, 2). Интересные материалы по истории поздних кочевников получены при изучении памятников Саркела-Белой Вежи Волго-Донской археологической экспедицией (3).

Некоторые памятники поздних кочевников в низовьях Поволжья исследовались и введены в научный оборот В. П. Шиловым (4).

Большой определяющий вклад в изучение истории поздних кочевников внесли исследования Г. А. Федорова-Давыдова (5, 6).

Одной из сложных проблем является типологическая классификация и датировка позднеочевнических памятников.

Средневековые памятники Поволжья и Южнорусских степей Г. А. Федоров-Давыдов разделяет на четыре периода:

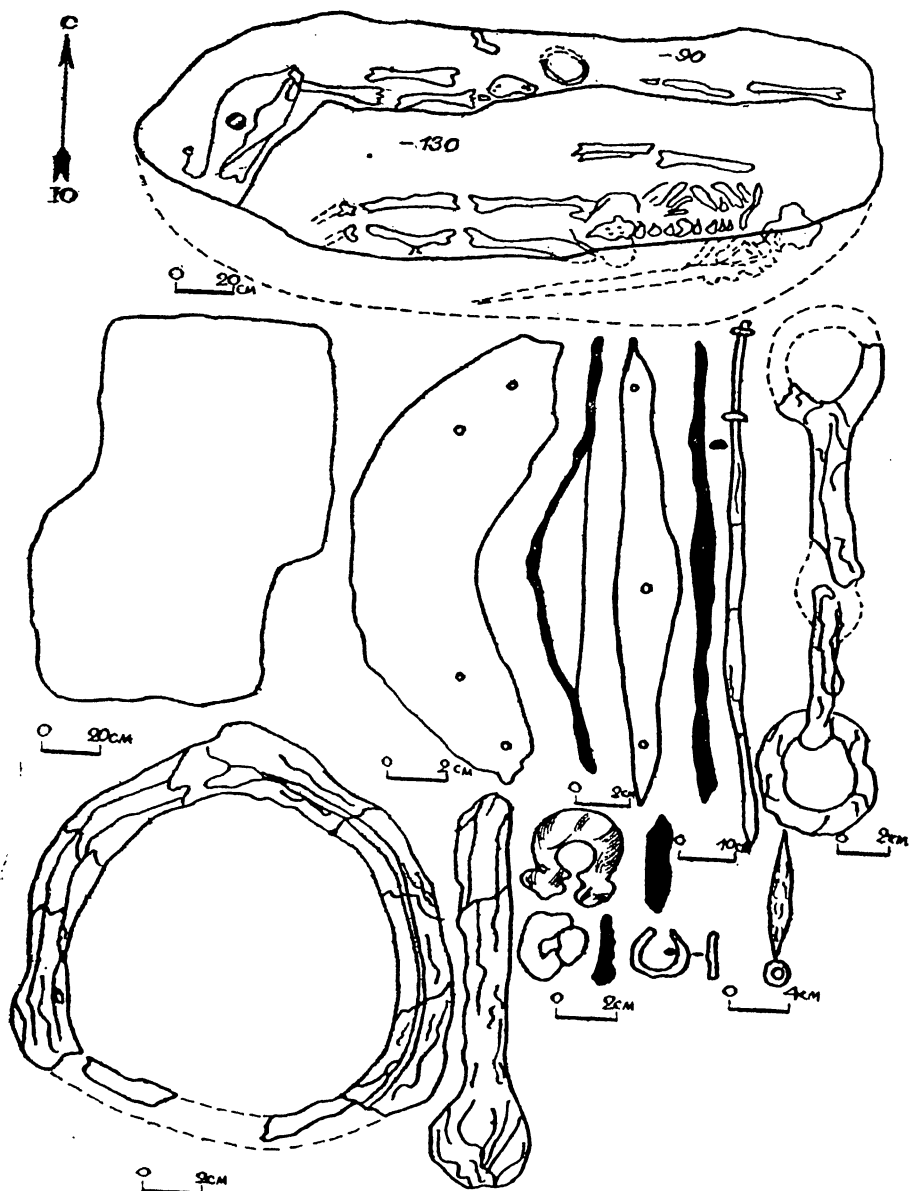

РИС 2

КУРГАН № 10 МОГИЛЬНИКА КАРА-СУ I

1. X — XI вв.
2. XII в.
3. Конец XII — начало XIII в.
4. II половина XIII в. — XIV в.

Он выделил 7 типов курганных насыпей, 66 типов захоронений (объединенных в 8 отделов), 4 типа гробов (5). В основе определения отделов лежат два признака: ориентировка человека и отсутствие или наличие костей коня, а типы внутри каждого отдела различаются по форме могильной ямы.

С. А. Плетнева выделяет 10 групп погребальных комплексов, которые определяются по ориентировке человека, по наличию костей коня или полного остова, по общему строению могильной ямы (1).

Что же касается территории Западного Казахстана — Гурьевской, Уральской и Актыбинской областей, являвшихся местом расселения поздних кочевников, то памятники их остаются слабо изученными. На сегодняшний день имеются данные об исследованиях И. В. Синицына в междуречье Волги и Узень (7, 8). В 1953 году при исследовании междуречья Большого и Малого Узень выявлены и изучены некоторые памятники средневековья экспедицией АН КазССР под руководством Т. Н. Сениговой (9).

С 1965 года по настоящее время исследованиями памятников средневековья занимались преподаватели Уральского пединститута.

За последние 30 лет, таким образом, на территории Западного Казахстана (по Уральской области) исследовано всего 63 кургана с 80 погребениями, относящиеся к поздним кочевникам и эпохе Золотой Орды.

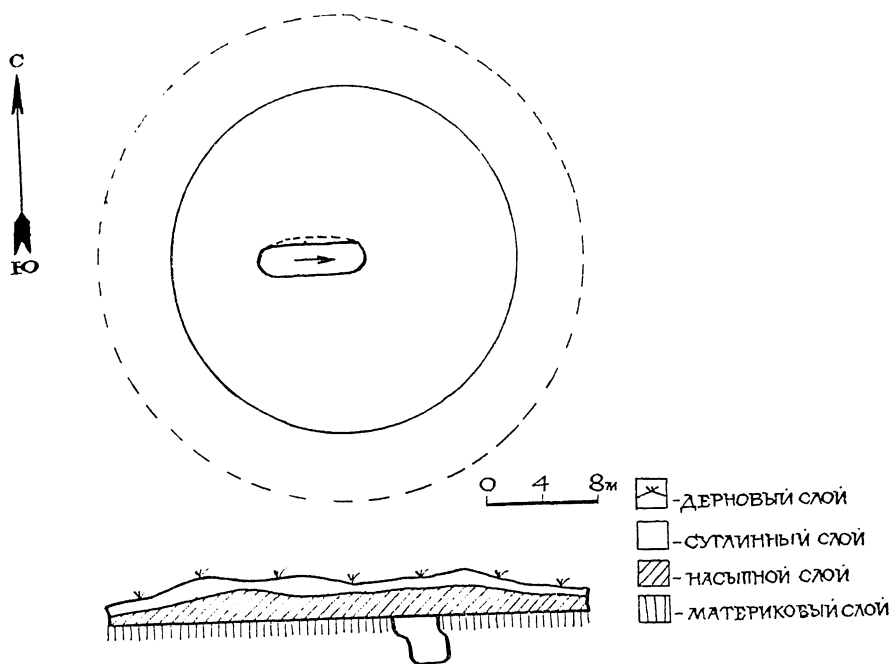

Рис 3 КУРГАН № 10
Могильника Кара-Су

Научное значение исследования памятников поздних кочевников (X—XV вв.) Западного Казахстана состоит, во-первых, в том, что они должны внести некоторую ясность в изучение истории образования казахского народа; во-вторых, они позволяют проследить последствия татаро-монгольского завоевания и господства Золотой Орды в нашей стране.

По накопленному материалу можно предварительно предложить следующую периодизацию истории материальной и духовной культуры позднекочевнических племен Западного Казахстана по двум этапам:

1. X в. — I половина XIII в.;
2. II половина XIII в. — XV в.

(Периодизация нами заимствована из советской историографии: 1. до-монгольской — до 1237 г.; 2. монгольской — с 1237 г. по XV в.).

Каждый из этих двух периодов в процессе обработки материала несомненно будет иметь более дробное членение на периоды.

На наших материалах первый этап представлен отдельными курганами с земляной насыпью диаметром от 5 до 30 м, высотой от 0,5 до 0,8, располагающимися в периферийной части могильника. Например, в могильнике Алебастрово II — три кургана, в могильнике Алебастрово I — 3 кургана, в могильнике Кара-Су I — 9 курганов, в могильнике Челкар IV — 2 кургана, в могильнике Челкар V — 2 кургана, в могильнике Челкар III — 1 курган относятся к первому этапу.

Все эти курганы в основном расположены в периферийной части могильников. По-видимому, это — одна из особенностей погребального ритуала.

Насыпь всех этих 24-х курганов земляная, до 30% из которых имеют ровик у основания. Это, по-видимому, второй признак.

Могильные ямы памятников этого этапа имеют устойчивые черты: яма четырехугольно-удлиненной формы с закругленными углами, преобладает грунтовая могильная яма без и с перекрытием, подбойная ниша, а гробовища встречаются очень редко. Например, из 25 погребений 13 имеют грунтовую могильную яму без перекрытия, 10 могильную яму с перекрытием, гробовища встречались всего в двух погребениях. Скелеты положены вытянуто на спине головой на восток и на запад. Могильный инвентарь представлен следующими вещами: железные кольчатые удила с перегибом, железные стремени, берестяной колчан с наконечниками и без наконечников, однолезвийный железный нож, остатки кожаной обуви, накладки от лук, остатки ткани.

Для первого этапа можно выделить группу погребений с характерной чертой захоронения человека вместе с костями коня (чаще всего череп, передние и задние конечности). Положение костей коня-сбоку с правой или левой стороны, иногда на приступке несколько выше скелета человека. Из 29 исследованных погребений этого этапа в 17 встречались кости лошади.

Памятники второго этапа имеют ярковыраженную планировку одно-размерных насыпей (до 50—80 шт.) на ограниченной малой площади. По-видимому, происходит стандартизация размеров насыпей курганов, связанная с дальнейшей дифференциацией.

В курганных насыпях второго этапа очень часто встречаются оградки и надмогильные сооружения (сагана). Например, из 20 исследованных золотоордынских курганов в 13 имеются оградки-кладки из жженных и саманных кирпичей, в середине которых располагается сагана. Над-

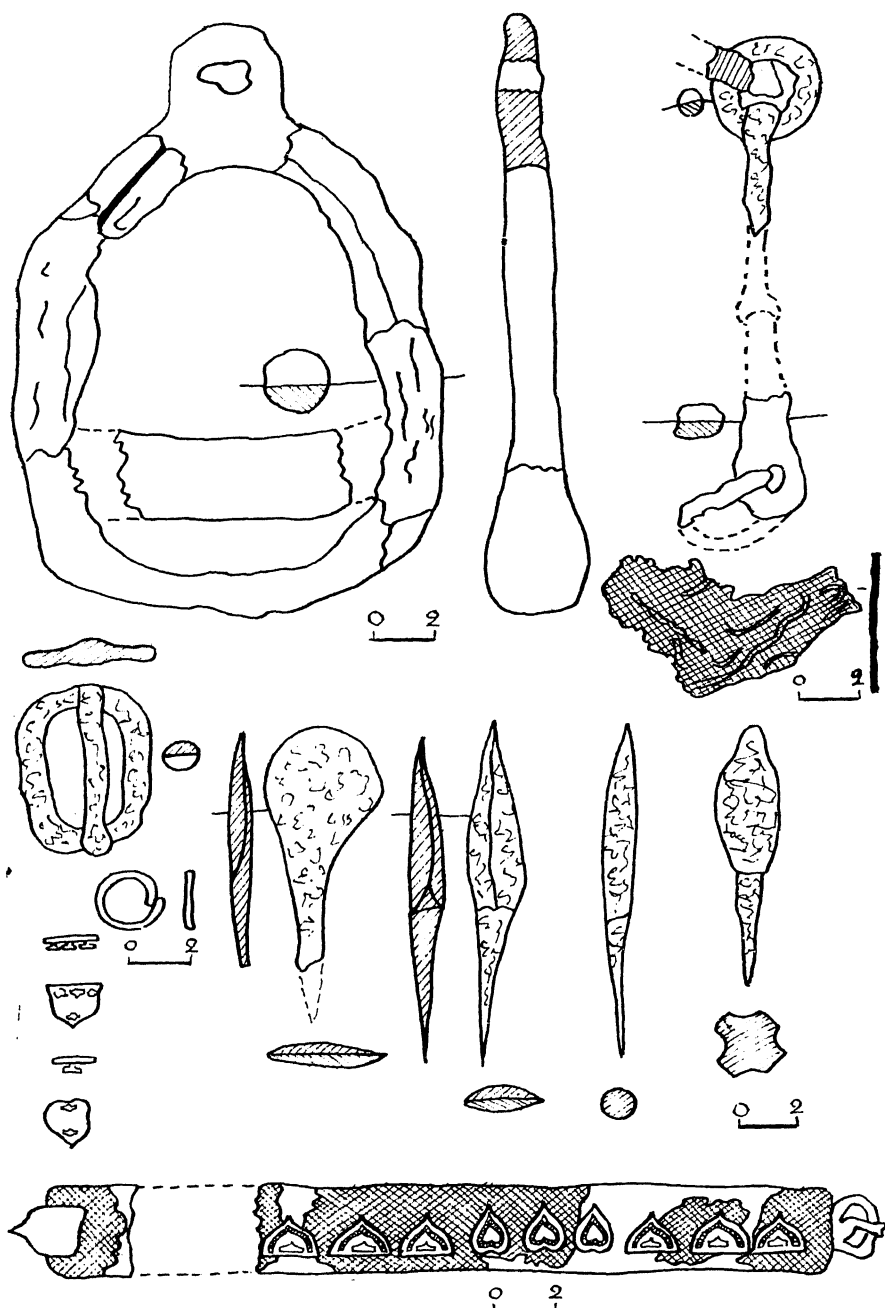

Рис 4. Вещи из кургана № 20

могильное сооружение имеет четырехугольную форму, сторонами ориентировано по сторонам света. На этом этапе преобладают могильные ямы с перекрытием и очень часто встречаются гробовища в ямах.

Из исследованных 43 погребений II этапа 27 имеют перекрытия, в 9 погребениях обнаружались гробовища. Преобладает южная ориентировка скелета, но и сохраняется и юго-западная ориентировка. Харак-

терной особенностью можно считать то, что в погребениях этого этапа кости коня очень редко встречаются, их место занимают кости овцы. Такое изменение погребального ритуала и обряда можно связывать с последствиями татаро-монгольского завоевания — разорением хозяйства позднечувшеских племен.

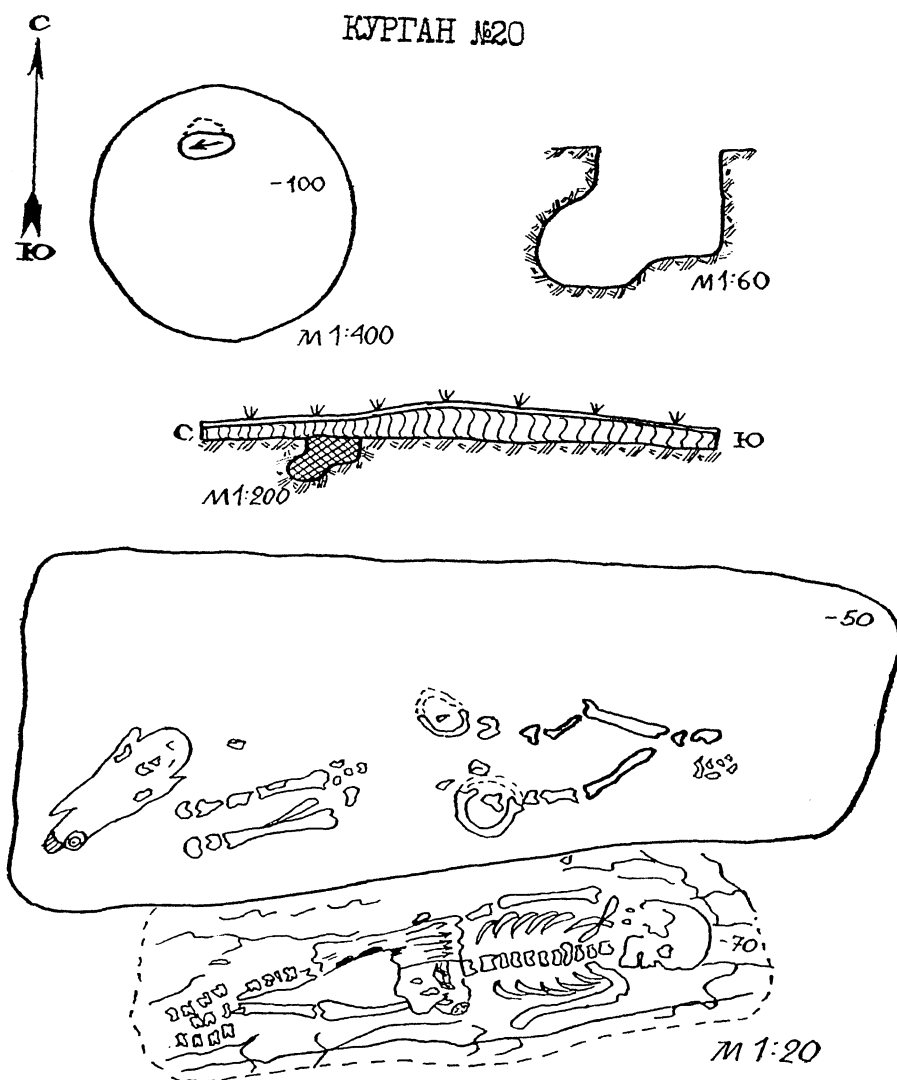

Рис 5

В погребальном инвентаре II этапа уменьшается количество удили и стремян. Остальной ассортимент вещей сохраняется. Это подтверждает мнение о том, что никакой смены культуры кочевников в период Золотой Орды не произошло. Но это мнение не противоречит той попыт-

ке выделить два этапа в истории племен X—XV вв. по погребальным сооружениям, по погребальному обряду и инвентарю:

- а) домонгольский (X в. I половина XIII в.);
- б) монгольский (II половина XIII в. — XV в.).

Перечисленные особенности погребального обряда, инвентаря позволяют говорить о некотором сходстве памятников Уральской области с позднечувшскими памятниками и на востоке нашей страны.

Для сопоставления памятников обратимся к курганам поздних кочевников, исследованных в разные годы на территории Уральской области.

Курган № 10 могильника Кара-Су I расположен в северо-восточном конце могильного поля. Он имел земляную насыпь диаметром 26 м, высотой 0,8 м. Вокруг основания насыпи имеется ровик шириной до 3 м.

Грунтовая могильная яма четырехугольно-удлиненной формы длиной 2,5 м, шириной в восточном конце 0,8 м, в западном — 0,95 м была ориентирована с востока на запад. Грунт в засыпи ямы темный, отчетливо выделяется на глинистом материке. При расчистке засыпи ямы на глубине 0,9 м вдоль северной стороны обнаружился уступ, на котором лежали кости коня: череп, передние и задние конечности. Захоронение коня сопровождалось следующими вещами: железные однокольчатые

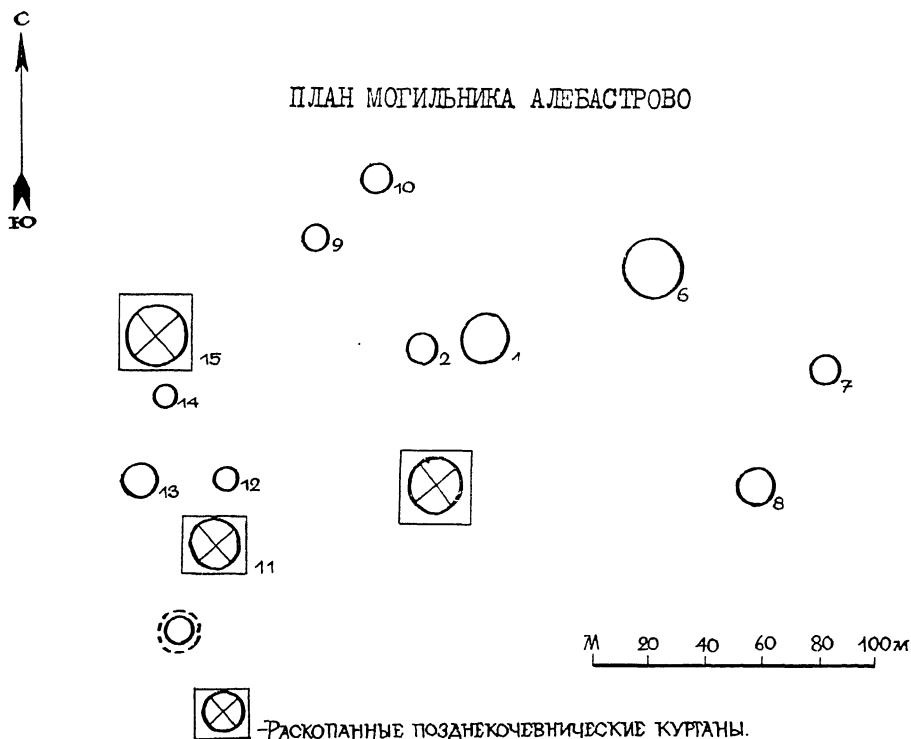

Рис. 6

удила с перегибом длиной 19 см, диаметр стержня — 1,5 см, диаметр кольца — 4,5 см, костяная пластина от сидения седла с пятью отверстиями для крепления к деревянной основе; железное стремя овальной формы дужкой и плоской широкой подножкой, высота дужки —

13,5 см, костяная пластина от сидения седла с пятью отверстиями для крепления к деревянной основе; железное стремя овальной формы О дужкой и плоской, высота дужки — 13,5 см, диаметр стержня — 2,5 см, в высшей части дужки имеется отверстие для ремня от путалища.

Под южной стеной ямы начинался подбой. На дне подбойной ниши на глубине 1,30 м от уровня поверхности грунта находился скелет мужчины, положенного на спине, вытянуто, головой на восток, кости рук вдоль туловища, а кости ног — вдоль стенок могильной ямы. Могильный инвентарь представляют следующие вещи: железный меч, железные наконечники стрел, лавролистной формы, железная пряжка без язычка, круглая обойма, бронзовая проволоочная серьга, бронзовая, слегка изогнутая шпилька, псалий, кусок мела со следами непонятных насечек. Железный меч длиной 0,95 м имеет зауженную прямую ручку длиной 17 см с небольшим вычлененным бронзовой вставкой набалдашником и у основания рукоятки прямым перекрестием. Костяной псалий имеет длину 18 см, толщину 0,5 см. Одна грань псалия ровная, а противоположная выгнута горбом, снижающимся к концам. На нем три отверстия: два на концах, а один в середине длины. Скелет человека ориентирован головой на восток, а череп коня на запад. (Рис. 2).

Тот же погребальный ритуал повторяет погребение воина в доспехах в урочище Бек-Бике (на территории Уральской области) (7, 8).

Курган № 20 могильника Карасу I расположен в западной части могильного поля, имеет земляную насыпь диаметром 15 м, высотой — 0,35 м.

На глубине 0,15 м от уровня древней поверхности грунта обнаружилась могильная яма, где лежали череп, передние и задние конечности коня в анатомическом порядке. В зубах лошади находились остатки железных удиц. На передней правой ноге лежала железная пряжка овальной формы с подвижным язычком. Между передними и задними ногами находились остатки железных частей седла с деревянными накладками. У задних ног лошади обнаружены железные стремена с высокой дужкой, широкой подножкой и вычлененной петлей для ремня.

Южнее захоронения лошади под остатками деревянного перекрытия на глубине 0,70 м расчищен костяк мужчины. Погребение было совершенно в прямоугольной с закругленными углами яме длиной 1,80 м, шириной 0,68 м. Скелет средней сохранности положен на спине, вытянуто, головой ориентирован на запад. Справа от черепа у затылочной кости найдена золотая спиралевидная серьга диаметром 2 см. У северной стенки ямы в середине найдена бронзовая бляжка сердцевидной формы. На левой тазовой кости лежали кусочками кожицы, железный стержень, а также остатки пояса с 20 бронзовыми бляжками. Пояс был изготовлен из материала и застегивался на бронзовую сердцевидной формы пряжку с железным подвижным язычком. У правой найдена еще одна бронзовая бляжка. На правой голени находились кусочки кожи — остатки обуви. На правой тазовой кости, на руке и бедре лежал берестяной колчан шириной 12 см и длиной 60 см. В колчане находились 6 железных ромбовидных наконечников стрел. (Рис. 4, 5).

Для сравнения приводим данные о раскопке позднесковенческих курганов на востоке Казахстана в Алакульской впадине Талды-Курганской области (10).

В кургане 28 могильника Ала-Куль вскрыто погребение, где вместе со скелетом мужчины лежал целый костяк коня. Скелет человека ориентирован головой на восток, а костяк коня — на запад. Положение

скелета повторяет вышеописанные погребения. В погребении обнаружены железные удила, железные стремяна и берестяной колчан.

Могильные ямы во всех этих четырех курганах имеют четырехугольно-удлиненную форму с закругленными углами.

Таким образом, приведенные выше описания курганов показывают, что они сближаются по погребальным сооружениям, обряду погребения и по инвентарю. Между тем между памятниками Восточного, Западного Казахстана и Поросья огромное пространство, на котором обнаруживается поразительное сходство в обряде и инвентаре. Это заставляет нас быть осторожными при датировке их.

Анализ находок тоже заставляет нас быть осторожными при их датировке. Например, если сопоставить стремяна часовенно-горского типа по А. А. Гавриловой (II) с типом стремян ДШ по С. А. Плетневой (I), то А. А. Гаврилова их датирует XIII—XIV вв., а С. А. Плетнева — концом XII — началом XIII в.

Если взять для сопоставления удила, то на востоке Казахстана, на Алтае удила без перегиба не встречены. На западе удила без перегиба считаются признаком принадлежности к более ранним памятникам. Сопоставление стремян и удил показывает, что на западе нашей страны они оказываются более ранними, чем на востоке. По-видимому, при датировке позднекочевнических памятников Казахстана необходимо руководствоваться и восточными аналогиями, не только западными.

При этом мы стремимся поставить под сомнение анализ и датировку Г. А. Федорова-Давыдова и С. А. Плетневой, но аналогичные памятники на востоке имеют иную датировку, что нас и настораживает.

Вся сложность датировки памятников поздних кочевников состоит в отсутствии в них чутких ко времени — глиняных сосудов. Поэтому, по-видимому, надо серьезно изучить еще раз погребальные сооружения, погребальный обряд и физический тип. Далее нельзя забывать о направлении миграции и об «исходной» родине поздних кочевников (Алтай, Центральный Казахстан и Приаралье).

Аналогии между памятниками Западного Казахстана, с одной стороны, Восточного Казахстана и Алтая, с другой стороны, свидетельствуют о преемственности и материальной и духовной культуре поздних кочевников Евразийских степей.

¹ Плетнева С. А. Древности черных клобуков. Свод археологических источников. Вып. 1—19, М., 1973.

² Плетнева С. А. Печенеги, торги, и половцы в южнорусских степях. МИА, 1958, № 62.

³ Труды Волго-Донской экспедиции. МИА, т. III, № 109.

⁴ Шолов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья, Л., 1975.

⁵ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью Золото-Ордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966.

⁶ Федоров-Давыдов. Общественный строй Золотой Орды. Изд. МГУ, 1973.

⁷ Синицын И. В. Археологические раскопки в Западном Казахстане, ТИИАЭ, т. I, Алма-Ата, 1956.

⁸ Синицын И. В. Археологические памятники по р. Малый Узень. КСИИМК, 1950, вып. 32.

⁹ Сенигова Т. Н. Отчет о работе Западно-Казахстанской экспедиции 1953 г., ТИИАЭ, т. I, Алма-Ата, 1956.

¹⁰ Кушев Г. А. Очерки древней истории Семиречья. Рукопись. ч II, Арх. АН КазССР, 1968.

¹¹ Гаврилова А. А. Могильник Кудырга как источник по истории алтайских племен. М., «Наука», 1965.

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ШУКУБАЙ I

Поселение находится в 180 км к юго-западу от Кустаная, у п. Шукубай, Орджоникидзевского района (рис. 1-А). Открыто автором в 1971 году. Расположено у подножья коренной правобережной террасы р. Тобола. Жилая площадка поселения уничтожена паводковыми водами — остался участок размером 10—15×50 м. В обрыве берега были видны заполнения котлованов двух жилищ. В 1972 году раскопом 300 м² вскрыто жилище и неразрушенные участки котлованов трех жилищ (рис. 1-Б).

Жилище 1, прямоугольной в плане формы с округлыми углами, имело размеры 8,1×14,7 м. Ориентировано по линии СВ-ЮЗ. Стенки котлована пологие, дно относительно ровное, углубленное на 0,45—0,60 м от современной поверхности. На полу жилища зафиксировано канавообразное углубление, 3 хозяйственные ямы, 3 канавки, 19 столбовых ям (рис. 1-Б).

Канавообразное углубление шириной 1,2—1,8 м, длиной 7,2 м вытянуто вдоль продольной юго-восточной стены котлована. Углубление в разрезе округлой формы глубиной 0,10—0,12 м. На дне углубления у северного конца отмечен очаг 2 размером 0,9×1,1 м, выложенный из камней, в средней части была хозяйственная яма 2 диаметром 0,96, глубиной 0,15 м. В заполнении ямы отмечены кости животных.

Зафиксировано четыре прямых и одна подковообразная канавка. Прямые канавки имеют длину 0,5—0,15 м, ширину 0,12—0,18, глубину 0,05—0,10 м. Канавки с одного или обоих концов заканчивались столбовыми ямами (рис. 1-Б). Канавки расположены в различных местах жилища: в южном углу, недалеко от перехода, в хозяйственном углублении, в центральной части южной половины жилища. Подковообразная канавка, расположенная в центральной части жилища, имела длину 2,5 м, ширину — 0,3, глубину — 0,1 м.

Внутри жилища отмечено 19 столбовых ям: 7 ям «связаны» с канавками, две были в южном углу, 8 — в центральной части северной половины, две расположены возле очага I (рис. 1-Б). Восемнадцать столбовых ям зафиксировано вдоль стен снаружи жилища. Ямы, круглые в плане, диаметром 0,1—0,3 м, глубиной 0,1—0,15, в разрезе конусовидной, прямоугольной или котлообразной формы.

Вне жилища отмечено две канавки, идущие перпендикулярно западной продольной стене. Одна канавка имеет длину 1,5 м, ширину — 0,15, глубину — 0,07 м. У концов канавки — по столбовой яме. Другая канавка расположена в трех метрах от первой, имела длину 2,5 м, ширину — 0,1, глубину — 0,05 м.

Жилище 1 было связано с жилищем 2 переходом длиной около трех метров, шириной 1,1 м (в наиболее узкой средней части) (рис. 1-Б). Неразрушенная часть котлована второго жилища по осевым линиям имеет размеры 4,5×10 м. Стенки котлована крутые, дно ровное с легким наклоном к центру, глубина 0,7—1 м от современной поверхности. На дне котлована зафиксированы две хозяйственные ямы, расположенные в двух метрах от восточной стены и в полутора метрах друг от друга. Яма 1 в плане овальной формы размером 0,3×0,6 м, глубиной — 0,1 м. Яма 2 округлой формы, диаметром 0,4 м, глубиной — 0,15 м.

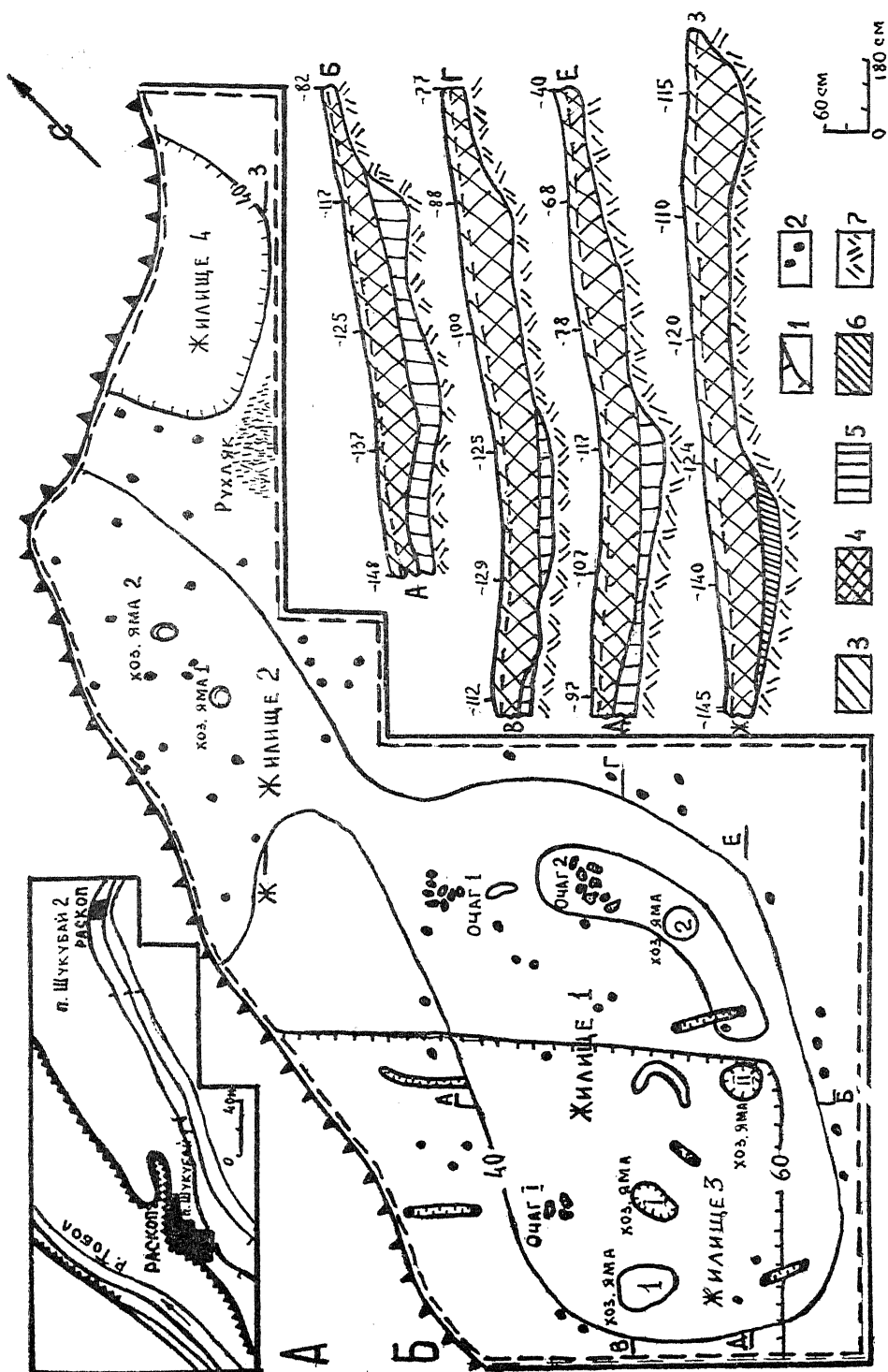

Рис. 1. Поселение Шукубай I. А - план местности; Б - план и профили раскопа

В жилище отмечено 18 столбовых ям. Прослеживается некоторая закономерность в расположении. Так, одна линия из четырех столбов, расположенных через интервалы 1,8—3 м тянется вдоль восточной стенки, вторая, параллельная первой, линия из четырех столбов расположена в двух метрах к западу от первой линии (рис. 1-Б). Семь ям отмечены в западном секторе котлована. Снаружи жилища вдоль южной и восточной стенки зафиксировано 12 столбовых ям.

Заполнение котлованов жилищ 1, 2 содержало керамику, кости животных.

Жилище 1 частично прорезало котлован жилища 3. Очертания котлована фиксировались на уровне 0,4—0,6 м от современной поверхности. Заполнение котлована жилища 3 — темно-бурый рыхлый супесчаный слой, стратиграфически и планиграфически хорошо отличающийся от серого супесчаного заполнения жилища 1 (рис. 1-Б, проф.). Сохранившаяся часть котлована жилища 3 имела размеры по осевым линиям 7,8—9,8 м, мощность заполнения 0,15—0,35 м. Уровень дна котлована от современной поверхности 0,3—0,9 м. К жилищу 3 относятся две хозяйственные ямы, каменный очаг, которые фиксировались на глубине 0,8—0,9 м, т. е. на 0,2—0,3 м ниже уровня пола жилища 1.

Очаг 1 расположен в центральной части фиксирующего котлована, выложен из трех крупных камней. Два камня положены рядом, третий — в 12 см от них. Длина очага 0,6 м.

Хозяйственная яма 1 расположена в восточном углу котлована, имеет в плане округлую форму размером 0,9×1,08 м. Яма в разрезе дугообразновогнутая, глубиной 0,15 м. Яма II овальной формы размером 0,66—1,26 м, в разрезе дугообразновогнутая, глубиной 0,12 м. Яма расположена в восточном углу котлована.

В заполнении котлована найдены фрагменты керамики, кости животных.

Остатки жилища 4 расположены в 2,5 м к востоку от жилища 2. Сохранилась южная часть котлована шириной 5 м, длиной 3 м. Котлован имел закругленные углы и стенки. Южная стенка подходила к выходу скальных пород (рис. 1-Б). Глубина котлована 0,7 м от современной поверхности. Снаружи котлована у западной стенки отмечено 3 столбовых ямы. Судя по находкам керамики, жилище 4 возникло синхронно жилищу 3, т. е. относилось к первому заселению площадки, а жилища 1—2 — ко второму заселению.

Вещевой материал представлен немногочисленными предметами: трепало (рис. 3, 16), каменный пест (рис. 3, 17), костяное орудие с округлым отполированным концом (рис. 3, 19), часть каменного точильца (рис. 3, 15), часть костяного отполированного трепала (рис. 18). Находки относятся к верхнему слою и найдены в заполнении жилищ 1, 2.

Коллекция керамики насчитывает 434 фрагмента. Стратиграфически и типологически керамика делится на две группы: группа нижнего слоя (ранняя), характерная для жилищ 3—4 и группа верхнего слоя (поздняя), характерная для жилищ 1—2.

К ранней группе отнесены шейки пятидесяти горшковидных плоскодонных сосудов, изготовленных техникой ленточного наплава. Внешняя поверхность сосудов гладкая, тщательно заглажена или подлощена (табл. 1), внутренняя, за исключением двух сосудов, имеющих следы щепки, гладкая. В тесте примесь песка, раковин, талька. Венчики округ-

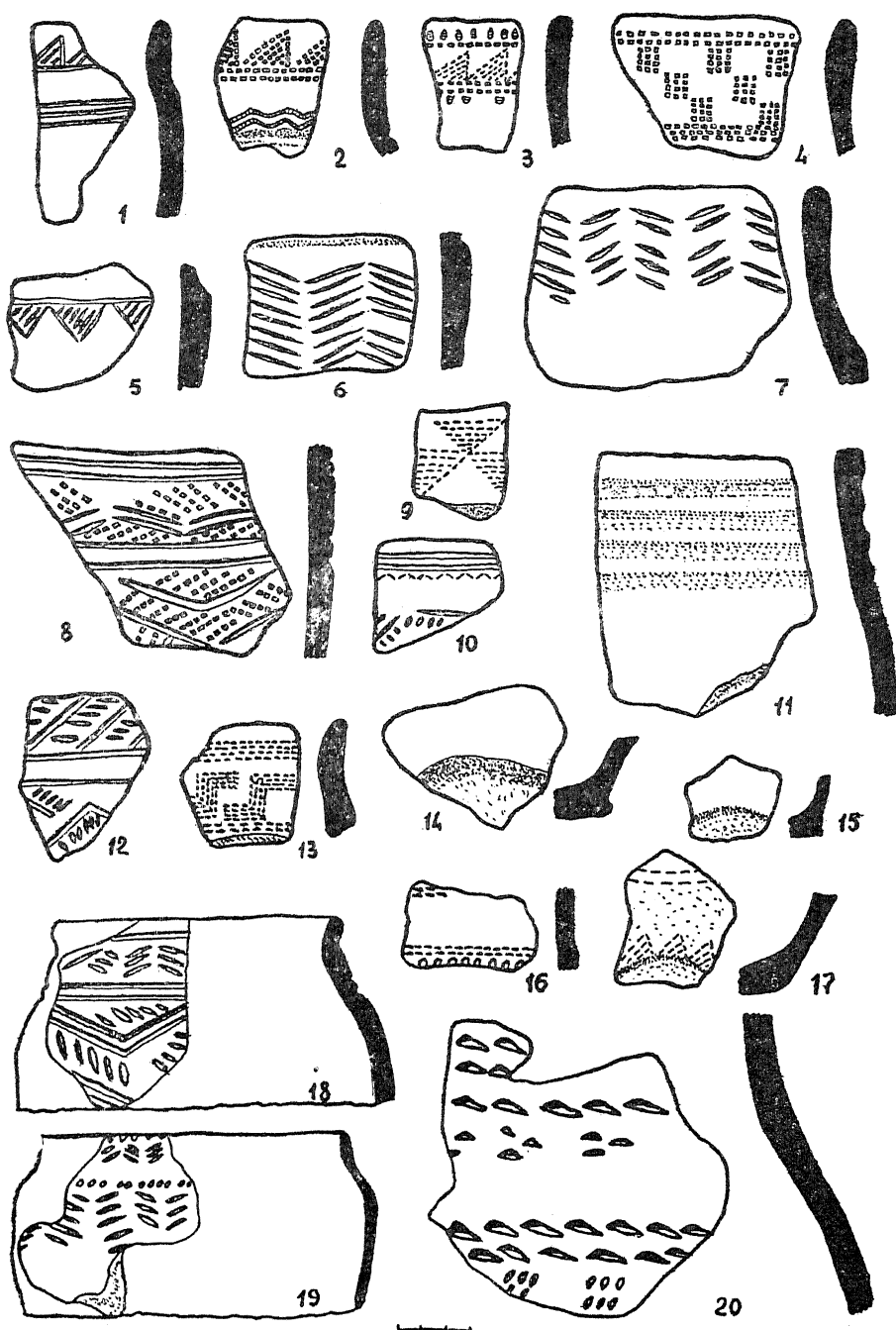

Рис. 2. Поселение Шукубай I. Керамика раннего слоя.

Таблица 1

Суммарная характеристика керамики (без орнаментации)

Основные показатели	К-во	%	Шейка	К-во	%
Шейка			Основные показатели		
I. Примеси глины			III. Способы обработки поверхности		
песок	39	78	а) наружной	50	100
раковина	19	38	гладко	40	80
талык	8	16	лощение	10	20
II. Форма венчика	49	100	б) внутренней	47	100
округлый	30	61	гладко	46	98
уплощенный	19	39	штриховка	1	2

лые (рис. 2, 1—4, 7) или уплощенные. Внешний диаметр по венчику 14—31 см, три пятых сосудов имеют диаметр 16—25 см.

Сосуды по форме шейки и характеру перехода в тулово можно разделить на три разновидности: сосуды, имеющие слегка вогнутые во внутрь прямостоящие шейки с округлым венчиком, имеющие плавную линию перехода в тулово, высотой 1,5—4,0 см, толщиной 4—8 мм (рис. 2, 13, 18); сосуды с прямой или слегка вогнутой во внутрь шейкой высотой 2—4 см, толщиной 5—7 мм, с уплощенным или округлым венчиком, стоящие вертикально, или с легким наклоном наружу и через плавный уступчик, переходящий в тулово (рис. 2, 1, 7); сосуды с прямой шейкой высотой 4—6 см, с округлым или уплощенным венчиком, толщиной 8—11 мм отогнутые внутрь или вертикально стоящие и переходящие плавно в слегка раздутое тулово (рис. 2, 11, 20).

Сосуды орнаментировались по шейке, верхней половине тулова и в придонной части.

Шейки украшались различными элементами узора (табл. 2), в том

Таблица 2

Взаимовстречаемость элементов узора и техники их выполнения

Техника выполнения	Элемент узора	Резной	Гребен.	Вдавле- ния	Протас- киван.	Всего	%	Резной	Гребен.	Вдавле- ния	Протас- киван.	Всего	%
		шейки						стенки					
Ромб	заштрихо- ванный		1			1	0,8						
Отрезки	наклон.	4				4	3,2						
Отрезки	вертик.		3			3	2,4						
Каннелюры					19	19	15,3						
Фестон	из треуг.							1				1	1,7
меандр								1				1	1,7
Треугольник	за- штрихованный	1	5			6	4,8	1	3			4	6,8
Зигз.	гориз. мн.	16	5			21	17,4	11	1			12	20,4
ряд													
Ряд	горизонт.			21		21	17,0			4		4	6,8
Линия	горизонт.	22	27			49	39,5	10	15		11	37	62,6
Всего:		43	41	21	19	124		22	22	4	11	59	
%		34,6	33,1	17	15,3	100		37,3	37,3	6,8	18,6	100	

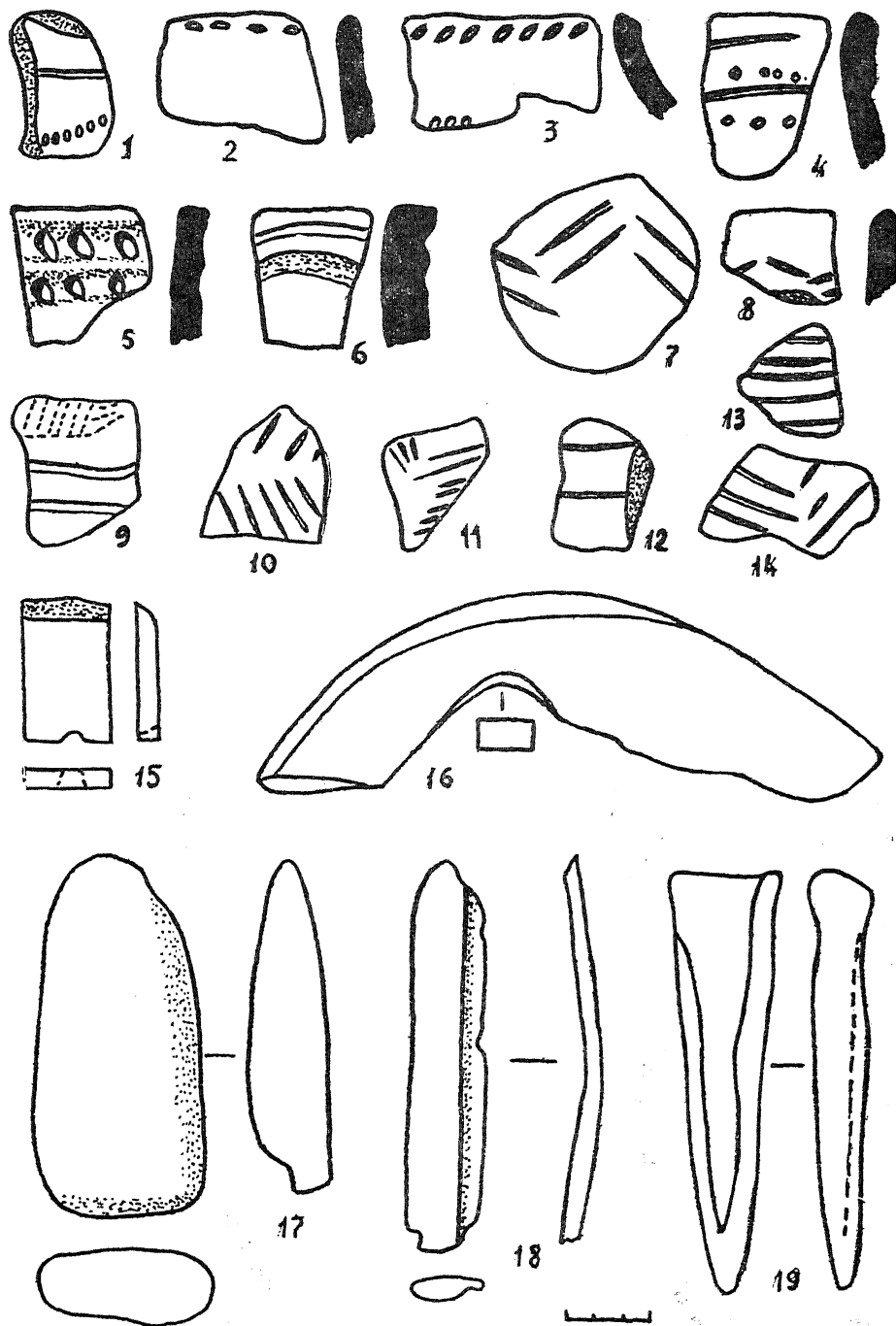

Рис.3 Поселение Шукубай I. Керамика позднего слоя.

числе: горизонтальными резными (рис. 2, 1, 18) и гребенчатыми линиями (рис. 2, 2—4, 13), рядами ямочных вдавлений (рис. 2, 3), заштрихованными треугольниками, выполненными гребенчатым штампом (рис. 2, 2, 3), а в одном случае резными линиями (рис. 2, 1), заштрихованными ромбами (табл. 2), многорядовыми «уточками» (рис. 2, 13), фестонами из треугольников (рис. 2, 9), рядами сгруппированных вертикальных отрезков (рис. 2, 4), горизонтальным зигзагом (рис. 2, 6, 7, 19). Из технических приемов выполнения узора применялись резной и гребенка, имеющие почти равные показатели (табл. 2), а также вдавление и протаскивание.

Степень орнаментированности шеек 84%. Композиционная схема: треугольники с горизонтальными линиями (рис. 2, 1—3), многорядовым зигзагом (рис. 2, 6, 7, 18, 19), ряда «уточек» с горизонтальными линиями (рис. 2, 13), горизонтальных рядов вдавлений (рис. 2, 20) или каннелюр (рис. 20, 11).

Выделены 22 стенки, орнаментированные частично теми же узорами, с применением тех же технических приемов выполнения, что и по шейке (табл. 2, рис. 2, 1, 2, 5, 19, 20). Отметим не встречающиеся на шейках элементы узора: фестоны из треугольников (рис. 2, 9), меандровидные фигуры (табл. 2).

Дно сосудов плоское. По форме перехода стенок в дно выделяются три разновидности: прямоугольные, тупоугольные, тупоугольные с закрайной (рис. 2, 14, 15, 17). Некоторые сосуды орнаментированы в придонной части горизонтальными линиями, заштрихованными треугольниками (рис. 2, 17).

Комплекс керамики позднего слоя (жилища 1, 2) представлен фрагментами семнадцати горшковидных плоскодонных сосудов, сделанных техникой ленточного налепа. Обжиг слабый, неравномерный, поверхность светло-серого или темно-серого цвета, гладкая. В тесте примесь песка, венчики у одной трети сосудов по форме уплощенные (рис. 3, 5, 6) и округлые (рис. 3, 1, 4, 8). В одном случае венчик скошенный (рис. 3, 3). Внешний диаметр сосудов по венчику 12—32 см, у половины сосудов 16—25 см. Форма сосудов из-за фрагментарности не реконструируется.

Сосуды орнаментировались по шейке и верху тулова. Две пятых сосудов орнаментировано по шейке такими элементами узора, как горизонтальные ряды семячковых вдавлений (рис. 3, 2, 3), пальцевых вдавлений (рис. 3, 5), вдавлений неопределенной формы (рис. 3, 4), горизонтальным зигзагом из коротких резных отрезков (рис. 3, 8), зигзаговыми каннелюрами (рис. 3, 6), широкими пальцевыми желобками (рис. 3, 5). Половина сосудов орнаментирована узорами, выполненными различными вдавлениями.

Стенки орнаментировались горизонтальными линиями (рис. 3, 1, 12, 13), горизонтальным или вертикальным зигзагом (рис. 3, 7, 10, 14).

Фрагменты плоских доньшек, которые можно отнести к позднему комплексу по форме перехода стенок в дно, можно разделить на три разновидности: прямоугольные, тупоугольные и тупоугольные с закрайной, имеющие прямую аналогию с доньями раннего комплекса (рис. 3, 14, 15, 17). Диаметр дна сосудов 10—12 см, толщина 7—17 мм.

Культурная принадлежность и хронология нижнего (раннего) и верхнего (позднего) культурных слоев поселения может быть определена только по аналогиям керамических комплексов.

Ранний слой, включающий сосуды с уступчиком, сосуды, имеющие трехзональность расположения орнамента (по шейке, тулову и в придонной части), наличие примесей раковины, талька, и таких элементов узора, как многорядовый зигзаг, заштрихованные треугольники, ромбы, фестоны из треугольников, прямоугольный меандр, «уточка» характерны для алакульских комплексов поселений Ачликуль, Чернореченское, Черняки I Южного Зауралья¹, которые В. С. Стоколос датирует 15—13 вв. до н. э.² Прямые аналогии имеются с алакульскими комплексами памятников Южного Урала, таких, как Нижне-Спасское, Боворыгинское, Кипельское селище³, которые К. В. Сальников относит к 15—13 вв. до н. э.⁴ Отметим аналогии с андроновской керамикой алексеевского поселения и пос. Тасты-Бутак⁵. Таким образом, ранний слой поселения относится к алакульскому времени, и раннее поселение следует отнести к кругу памятников алакульской культуры.

Керамика позднего слоя малочисленная и невыразительная, поэтому трудно определить как культурную принадлежность, так и хронологию.

Керамика не имеет прямых аналогий с комплексами поздней бронзы Притоболья⁶, но наличие таких элементов узора, как горизонтальный и вертикальный зигзаг, ряд вдавлений под венчиком (табл. 3, 2, 3, 7, 10), наличие костяного трепала и каменного песта, позволяет предположительно относить поздний слой к заключительному этапу эпохи бронзы Верхнего Притоболья.

¹ Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972, с. 25—38, рис. 2, 1—5; 3, 6, 9—11, 17, 18; 5, 1—5, 7, 8, 11; 6, 7, 10, 11.

² Там же, с. 130—132.

³ Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с. 242—248, рис. 31, 7—13; 32, 1—7; 13—22, 27—32.

⁴ Там же, с. 316—325.

⁵ Андроновская культура — САИ, ВЗ-2, М—Л., 1966, табл. XXVII; XXXV, 11—19.

⁶ Евдокимов В. В. Новые поселения эпохи бронзы Верхнего Притоболья. ВАУ, № 13, 1975, с. 109—115; Потемкина Т. М. О соотношении алексеевских и замарасевских комплексов в лесостепном Зауралье — СА, 1979, № 2, рис. 1, 2.

К. К. КУБЛАНОВА

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЖИВОТНОВОДСТВА В ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЕ

Чуйская долина — огромный район с большим количеством речек, выходящих из ущелий Киргизского хребта и составляющих притоки р. Чу. Сами ущелья, из которых берут начало речки, — очень богатые и удобные места для летних выпасов скота¹. На юге Чуйской долины расположены Чу-Илимские горы, представляющие собой сложную систему небольших хребтов. Для этой горной группы характерны выровненные, почти горизонтальные поверхности. Горы покрыты богатой

степной растительностью, что удобно для ведения скотоводческого хозяйства² с древнейших времен.

В Чуйской долине еще в эпоху бронзы возникло и непрерывно развивалось скотоводство как основная форма ведения хозяйства. В это время оно носило характер придомного пастушеского скотоводства, которое постепенно перерастало в яйлажное. К концу эпохи скотоводство окончательно выделилось в самостоятельную отрасль в районах, удобных для его ведения, приняв вначале форму полукочевого, а затем кочевого³ и оседлого. Третий вид хозяйства — оседлое скотоводство — был известен в районах Южного Казахстана по берегам рек Сырдарья, Чу, Таласа, Арыси, на склонах хребта Каратау.

Конечно, все эти три типа пастбищно-экономического скотоводства в древности, как и в более позднее время, не имели между собой четких границ.

Экономика того времени отличалась пестротой форм еще и потому, что письменное деление саков, проживавших на этой территории, в большинстве случаев не совпадало с хозяйственным. Основным направлением скотоводства у саков было овцеводство. Свидетельством этому являются археологические материалы так называемых «Царских курганов» в долинах рек Чу и Или⁴.

Способность к быстрому воспроизводству и легкая отчуждаемость скота способствовали накоплению богатств у отдельных скотоводческих родов. Постепенно в среде скотоводов-саков ясно определилось имущественное неравенство, перераставшее в классовые различия.

Развитое полукочевое скотоводство и земледелие являлось экономической основой роста частной собственности. Кроме этого, накоплению богатства в одних руках способствовали все развивающиеся обмен и торговля. Так, письменные источники прямо сообщают о частной собственности у усуней. Сыма Цянь в «Исторических записках (Шицзи)» впервые приводит сведения о том, что у усуней «богатые люди имеют от четырех до пяти тысяч голов» лошадей⁵.

Древние усунь разводили все виды домашних животных: овец, лошадей, коров, двугорбых верблюдов, коз и др.

Как и усунь, большинство карлуков, огузов и кимаков занимались кочевым скотоводством. В кочевом хозяйстве этих племен исключительно важное место занимало коневодство.

Об этом свидетельствуют данные археологических раскопок и письменные источники древних авторов.

В 1913 году в соответствии с данными обследования, проведенного под руководством статистика А. А. Черновского и при участии И. Н. Рубанова, Чуйская долина была разделена на 7 естественно-хозяйственных районов:

1. Средне-Чуйский район составляла тугайная полоса р. Чу в Аулиятинском уезде, от устья р. Курагаты до границы с Черняевским уездом;

2. Нижне-Чуйский район — тугай левого берега р. Чу в Черняевском уезде;

3. Нижне-Таласский район (в Аулиятинском уезде) занимала долина низовьев р. Таласа и прилегающие к ней степи;

4. Учкокча-Кумский район составляло песчаное пространство в Черняевском уезде, между хребтом Кара-Тау и долиной р. Чу;

5. Асинский район — (в Черняевском уезде) охватывал степное пространство к югу от низовьев р. Таласа;

6. Кзыл-Кумский район — пески и песчаные степи Аулиеатинского уезда, находящиеся к югу от долины р. Чу;

7. Зачуйский район представлял собою самую северную часть Аулиеатинского уезда (пески на правом берегу р. Чу) ⁶.

Призимовочная территория казахских общин находилась в I—II—V и VI районах. Районы IV и VII являлись сплошными площадями общего пользования и служили исключительно для кочевых казахов. Кочевки местных казахов распространялись далеко на север, за пределы Сыр-Дарьинской области (Атбасарский и Каркаралинский уезды), а также на юг (Наманганский уезд).

Большая часть призимовочных земель была расположена по р. Чу (I и II районы). Район II-ой (Нижне-Чуйский) вообще не имел в своем составе кочевых площадей. В I-м (Средне-Чуйском) районе имелась лишь одна кочевая площадь. Наоборот, район IV (Учкоке-Кумский) представлял собой кочевую площадь и лишь в составе двух последних районов имелась незначительная территория, находящаяся в обособленном пользовании немногих общин. В целом же из всей обследованной местности земли, находящиеся в обособленном пользовании отдельных хозяйственных групп населения, составляли менее 18,6% всей территории.

Незначительная часть населения I и VI районов кочевала на короткий срок в горы Наманганского уезда (Ферганская обл.), а из I района в Каркаралинский уезд (Семипалатинская обл.), по рекам Сусамыру и Чичкану до Узун-ахматского хребта. Казахи VII — (Зачуйского) района уходили на джайлау, главным образом в Каркаралинский уезд.

Население II и IV районов кочевало на урочище Джеты-Конур, Атбасарского уезда (Акмолинская область).

Весь скот Чуйской и Курчуйской волостей перегоняли на 8—9 месяцев через Бетпак-Далу на урочище Джеты-Конур Атбасарского уезда Акмолинской области ⁷.

По результатам обследования 1913 года большая часть всего кочующего скота (70%) проводила лето внутри обследованной территории, 5% этого скота кочевало на другие земли (Аулиеатинского и Черняевского уездов) и 25% уходило летом за пределы Сырдарьинской области, главным образом на север ⁸.

В пределах обследованной территории разводились следующие породы скота: овцы, лошади, рогатый скот и верблюды. Овцеводство было развито главным образом в Аулиеатинском уезде.

В целом у казахов-кочевников рогатого скота по сравнению с другими видами животных было мало, а раньше, когда казахи совсем не занимались хлебопашеством, его было еще меньше.

Разведение коз имело менее значительную роль, чем овцеводство. По образному народному выражению, коза была «коровой бедняка». Поэтому крупных стад коз у бедных казахов не было ⁹. Козы разводились вместе с овцами, находясь с последними в одном общем стаде.

Во второй половине XIX века в характере хозяйства казахов юго-восточного Казахстана произошли определенные изменения, явившиеся следствием присоединения Казахстана к России.

В некоторых областях казахи переходили к оседлости, стали заниматься сенокошением, заготавливать корм для скота на зиму.

Изучение истории хозяйства казахов на юге Казахстана позволяет нам сделать заключение, что рассматриваемая нами территория с древних времен была одним из очагов земледелия, что подтверждается сведениями в трудах древних авторов, а также данными археологических раскопок в Южном и Юго-Восточном Казахстане.

Собранные нами литературные, архивные и полевые материалы убедительно свидетельствуют о богатой истории животноводства района.

¹ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, с. 6.

² Там же, с. 7.

³ Жданко Т. А. Номадизм в Средней Азии и Казахстане. Сб. «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968, с. 274—275.

⁴ Бернштам П. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая — В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР, 1952, т. 26, с. 22.

⁵ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., т. II, с. 196.

⁶ Материалы по Киргизскому землепользованию района реки Чу и низовьев р. Таласа, Черняевского и Аулиеатинского уездов Сыр-Дарынской области. Ташкент, 1915, с. 2.

⁷ Там же, с. 99. Полевые записи автора, 1976 г., № 3.

⁸ Указанные материалы, с. 99.

⁹ Шалекенов У. Х. «Хозяйство Каракалпакки в XIX начале XX века», Ташкент, 1972, с. 114.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Маргулан А. Х. К вопросу о социальной структуре тарханных грамот и пайзе	3
Шалекенов У. Х. Актобе — средневековый памятник	13
Воронина В. Л. Элементы строительной и художественной культуры городища Актобе	21
Шалекенов У. Х., Оразбаев А. М. Некоторые данные о водопроводной системе средневекового города Актобе	24
Алдабергенов Н. О. Жилища горожан на рабаде городища Актобе	39
Елеуов М. Этапы развития крепостной стены шахристана городища Актобе	48
Елеуов М. Раскопки средневековой мастерской на городище Актобе	57
Оразбаев А. М. Могильник Жеты-Жар I	62
Такибаева С. С., Шалекенов У. Х., Кулахметова С. У., Жанкубаева Т. А., Шулгаубаева Г. И. Анализ керамического материала Актобе	71
Бурханов К. Культовый очажок из Отрара	81
Бурнашева Р. З. Клад чагатайских монет 2-й половины XIII в. с городища Отрар	83
Кокебаева Г. К. Памятники поздних кочевников западного Казахстана	95
Евдокимов В. В. Поселение эпохи Бронзы Шукубай I	104
Кубланова К. К. Из истории развития животноводства в Чуйской долине	111

История материальной культуры Казахстана

УГ 09105. Подписано к печати 20. VI-81 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,15. Уч.-изд. л. 10,1.
Тираж 500 экз. Заказ 1112. Цена 1 р. 50 к.

КазГУ им. Кирова. 480091. Алма-Ата, ул. Кирова, 136.
ТУДСМ. 480064. Алма-Ата, ул. Чайковского, 202.